

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС **ВОЛГОГРАД**

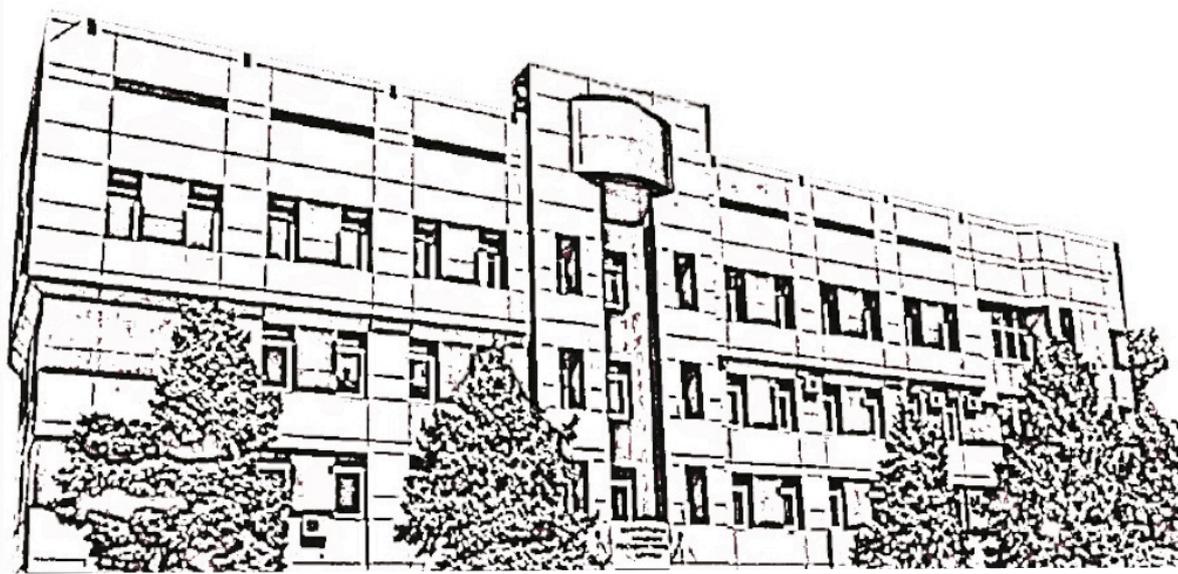
ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

Том 7
№1(19)
2026
30.03.2026

Том 7 №1(19) 2026

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ

30 марта 2026 года

RELEASE DATE:

March 30, 2026

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер:

серия ЭЛ № ФС 77-78424

от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала

ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number:

ЭЛ series no. ФС 77-78424

of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal

ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,

ул. им. Гагарина, д. 8

Тел.: (8442) 72-68-40;

e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,

Gagarin Street Campus, building 8

Tel.: (8442) 72-68-40;

e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2026

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 2026

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатасемБеллах – Университет Мансуры, Мансура, Египет

Кечина Евгения Аркадьевна – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Кублин Игорь Михайлович – Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Поцелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa (Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatasseBella – Mansoura University, Mansoura, Egypt

Evgenia A. Kechina – Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

- Али-заде Айдын Ариф оглы** – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан
- Алмосов Александр Павлович** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Анисимов Алексей Павлович** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Аширбекова Мадина Таукеновна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Баранов Андрей Владимирович** – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
- Барсукова Татьяна Ивановна** – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия
- Болтанова Елена Сергеевна** – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
- Брехова Юлия Викторовна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Ван Цзиньлин** – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР
- Гурбанов Физули Магомед оглы** – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан
- Дроздова Юлия Алексеевна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Иванова Татьяна Борисовна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Ишмухамедов Шарип Абдрахманович** – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан
- Карипов Балташ Нурмухамбетович** – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан
- Климук Владимир Владимирович** – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь
- Лю Янь** – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР
- Максимова Ирина Васильевна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Маслова Надежда Валентиновна** – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия
- Марусинина Елена Юрьевна** – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия
- Морозов Илья Леонидович** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Рагозина Татьяна Эдуардовна** – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия
- Столярова Алла Николаевна** – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия
- Талипова Нигора Тулкуновна** – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан
- Устюкова Валентина Владимировна** – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

- Aydin A. Alizade** – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan
- Alexander P. Almosov** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Aleksei P. Anisimov** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Madina T. Ashirbekova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Andrey V. Baranov** – Kuban State University, Krasnodar, Russia
- Tatyana I. Barsukova** – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
- Elena S. Boltanova** – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
- Yulia V. Brekhova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Wang Jinling** – Changchun University, Changchun, China
- Fuzuli M. Gurbanov** – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan
- Yulia A. Drozdova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Tatyana B. Ivanova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Sharip A. Ishmukhamedov** – Turan University, Almaty, Kazakhstan
- Baltash N. Karipov** – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan
- Vladimir V. Klimuk** – Baranovichy State University, Baranovichy, Republic of Belarus
- Liu Yan** – Changchun University, Changchun, China
- Irina V. Maksimova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Nadezhda V. Maslova** – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia
- Elena Yu. Marusinina** – Volgograd State University, Volgograd, Russia
- Iiia L. Morozov** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Tatyana E. Ragozina** – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia
- Alla N. Stolyarova** – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
- Nigora T. Talipova** – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan
- Valentina V. Ustyukova** – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

Бардаков А. И., Логинов А. М.
Защита национальных интересов России
на международной арене
политическими партиями..... 7

Bardakov A. I., Loginov A. M.
Protection of Russia's national interests
in the international arena
by political parties..... 7

Ишмухамедов Ш. А.
Трансформация парламента Казахстана
согласно новой Конституции страны
2026 года..... 18

Ishmukhamedov Sh. A.
Transformation of the Parliament
of Kazakhstan according to the new
Constitution of the country in 2026..... 18

Джинджолия З. Б.
Легитимность политической власти
в социальных системах..... 27

Dzhindzholiya Z. B.
Legitimacy of political power
in social systems..... 27

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Демидов Н. Н.
Доверие к полиции и его детерминанты:
социальные, институциональные
и индивидуальные факторы..... 37

Demidov N. N.
Trust in the police and its determinants:
social, institutional,
and individual factors..... 37

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHY OF POWER AND MANAGEMENT

Лукаш А. И.
Когнитивная война: диагностика угроз
и стратегии активной защиты..... 48

Lukash A. I.
Cognitive warfare: threat diagnostics
and strategies for active defense..... 48

Задорин В. В.
Негативная самореференция в правовых
нормах, логике и эпистемологии..... 71

Zadorin V. V.
Negative self-reference in legal norms,
logic, and epistemology..... 71

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

INTERCULTURAL AND BUSINESS COMMUNICATION

Аджит Б. Р., Степанова Е. В.
От синкретизма к редукции: историче-
ская трансформация коммуникативных
практик..... 83

Ajit B. R., Stepanova E. V.
From syncretism to reduction: historical
transformation of communicative
practices..... 83

ЭКОНОМИКА**ECONOMICS****ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ****ECONOMIC THEORY**

Хлыстун В. Н., Зеленский А. Г.
 Логико-вероятностные модели рисков
 управления земельными ресурсами и их
 влияние на развитие экономики..... 96

Khlystun V. N., Zelensky A. G.
 Logical-probabilistic models of land re-
 sources management risks and their impact
 on economic development..... 96

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА**FINANCIAL ANALYTICS**

**Абдурахманов К. Х.,
 Зокирова Н. К., Талипова Н. Т.**
 Особенности индустрии финансовых
 технологий продвинутых экономик..... 111

**Abdurakhmanov K. Kh.,
 Zokirova N. K., Talipova N. T.**
 Features of the financial technology
 industry in advanced economies..... 111

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА**REGIONAL ECONOMY**

Симагин Ю. А., Максимова И. В.
 Особенности прогнозирования числен-
 ности населения в малых городах в це-
 лях регионального планирования..... 127

Simagin Yu. A., Maksimova I. V.
 Features of population forecasting
 in small towns for regional
 planning..... 127

Арепьева Е. Е., Шаркевич И. В.
 Состояние и тенденции развития
 инновационной деятельности
 в Волгоградской области..... 142

Arepyeva E. E., Sharkevich I. V.
 State and trends of innovative
 activity development
 in the Volgograd region..... 142

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 329.63(470)

ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ

Алексей Иванович Бардаков

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Алексей Михайлович Логинов

Волгоградская областная Дума,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье обосновывается актуальность исследования защиты национальных интересов России на международной арене политическими партиями, формулируются цели и задачи работы, указывается на основное формально-логическое противоречие между партиями и национальными интересами.

Методы исследования. Методология исследования защиты национальных интересов России на международной арене политическими партиями базируется на историческом и ретроспективном подходах, позволяющих увидеть не только логику действий современных партий на международной арене, но и понять причины их действий. Сравнительный анализ действий политических партий на глобальном уровне позволяет раскрыть особенное и общее в их деятельности, а также сделать обобщение по поводу значимости политических партий как социальных акторов.

Дискуссия. Из многообразия направлений деятельности политических партий в международных делах исследовательское внимание сконцентрировано на пяти аспектах. Во-первых, раскрывается эволюция становления национального интереса в постсоветской России, обозначаются наиболее важные факторы участия партий в защите интересов социальных групп и российского народа в целом. Во-вторых, раскрывается самостоятельность или субъектность политических партий в международных делах, выстраивается аргументация о взаимозависимости государства как главного элемента политической системы и партий. В-третьих, обобщается исторический опыт взаимодействия политических партий различных

государств и делается вывод о том, что продуктивной деятельностью партий может быть только при защите национальных интересов. В-четвертых, Специальная военная операция стала тем событием для политических партий, когда большинство из них признало национальные интересы приоритетными по сравнению с партийными целями. В-пятых, политические партии России уже имеют опыт выступления на международном уровне в качестве «мягкой силы», но потенциальные возможности в этом направлении еще не использованы в полной мере.

Заключение. Делается вывод о том, что политические партии при выражении интересов своих электоральных групп не должны вступать в противоречие с национальными интересами российского общества в целом. Участвуя в интеграционных процессах на международном уровне, партиям нельзя забывать о национальных интересах России.

Ключевые слова: национальные интересы, политические партии, Россия, пророссийские силы, Специальная военная операция, политические акторы, государство.

UDC 329.63(470)

PROTECTION OF RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS IN THE INTERNATIONAL ARENA BY POLITICAL PARTIES

Aleksey I. Bardakov

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Alexey M. Loginov

Deputy Chairman of the Volgograd Regional Duma, Head of the LDPR faction,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article substantiates the relevance of the study of the protection of Russia's national interests in the international arena by political parties, formulates the goals and objectives of the work, and points out the main formal and logical contradiction between parties and national interests.

Research methods. The methodology of studying the protection of Russia's national interests in the international arena by political parties is based on historical and retrospective approaches that allow us to see not only the logic of modern parties' actions in the international arena, but also to understand the reasons for their actions. A comparative analysis of the actions of political parties at the global level allows us to reveal what is special and common in their activities, as well as to generalize about the importance of political parties as social actors.

Discussion. Of the diverse fields of activity of political parties in international affairs, the research focuses on five aspects. First, the evolution of the formation of national interest in post-Soviet Russia is revealed, and the most important factors of party participation in protecting the interests of social groups and the Russian people as a whole are identified. Secondly, the independ-

ence or subjectivity of political parties in international affairs is revealed, and arguments about the interdependence of the state as the main element of the political system and parties are built. Thirdly, the historical experience of interaction between political parties of different states is summarized and the conclusion is drawn that the productive activity of parties can only be if national interests are protected. Fourth, the Special Military Operation was an event for political parties when most of them recognized national interests as a priority over party goals. Fifth, Russia's political parties already have experience of acting as a «soft power» at the international level, but the potential opportunities in this area have not yet been fully exploited.

Conclusion. It is concluded that political parties, when expressing the interests of their electoral groups, should not conflict with the national interests of Russian society as a whole. By participating in integration processes at the international level, parties should not forget about Russia's national interests.

Keywords: national interests, political parties, Russia, pro-Russian forces, Special military operation, political actors, state.

Введение. В условиях борьбы России на международном уровне за свою политическую самостоятельность и уникальность духовного развития актуализируются вопросы теории и практики защиты национальных интересов. В своем исследовании мы остановимся на узловых вопросах, связанных с защитой национальных интересов политическими партиями России, уделяя особое внимание формальным противоречиям между социальными феноменами «национальные интересы» и «политические партии». Общеизвестно, что политическая партия выражает интересы части общества, а национальные интересы имеют корреляцию с целостностью, то есть должны или отражают интересы всего общества. Конечно, тут существует ряд нюансов, партия выражает интересы части внутри социальной системы (государства, страны), а национальные интересы обретают свою актуальность, востребованность на международной арене. Тем не менее, факты участия политических партий в международных делах нередки, поэтому есть необходимость остановиться на причинах и механизмах их действий при защите национальных интересов. Для раскрытия причин и механизмов действий политических партий при защите национальных интересов требуется определенная методология.

Методы исследования. Рассмотрение вопроса защиты национальных интересов политическими партиями сопряжено с ретроспективным, историческим подходом исследования, поскольку, зная прошлое, можно понять настоящее. Сравнительный анализ обсуждения международной повестки политическими партиями позволяет определить сторонников и противников национальных интересов России. Эмпирический материал по участию политических партий в мероприятиях, обусловленных Специальной военной операцией, позволяет фиксировать диалектику адаптации этих организаций к современной реальности.

Дискуссия. Полемика о национальных интересах и политических партиях многообразна, однако в своем единстве эти феномены рассматриваются не так часто, поэтому оста-

новимся на нескольких аспектах, связанных с защитой национальных интересов политическими партиями.

Первое. Как и всякое социальное явление национальные интересы обретают свою артикуляцию в определенной исторической ситуации. При рассмотрении становления национальных интересов в постсоветский период исследователи нередко с иронией вспоминают сюжет разговора министра иностранных дел России А. Козырева и экс-президента США Р. Никсона, где наш министр утверждал, что для нас общечеловеческие ценности более важны чем национальные интересы. В. П. Назаров, опираясь на этот сюжет, делает вывод о том, что в монархический, советский и современный период «... в правящей элите нашей страны определению и реализации национальных (государственных) интересов не уделялось достаточного внимания» [11, с. 15-16]. Соглашаясь в целом с утверждением ученого, хочется заметить, что главное здесь не в определении категории, а в ее реализации. По поводу реализации национальных интересов в бытность А. Козырева министром иностранных дел можно указать на два фактора (хотя их значительно больше). Первый фактор, олигархи у власти, интерес которых выше национального, у них нет представления о приоритете государства, нации (российского народа). Второй фактор, слабость государства как главного элемента политической системы, присутствуют элементы внешнего управления в ряде сфер российского общества (отказ от своего производства и закупка «ножов Буша», самолетов и многого другого, система образования, финансовая система и т.д.). Соответственно, если взглянуть объективно, то в таком государстве, обществе действительно национальных интересов быть не может, поэтому упомянутый министр иностранных дел по-своему был прав, поскольку говорил правду.

С приходом к власти В. В. Путина 1999–2000 гг. начался процесс реформирования отношений, взглядов на национальные интересы. Причины этого процесса кроются в том, что многонациональный российский народ не согласился с вестернизацией его образа жизни, то есть началась коррекция политической системы, экономических отношений, постепенно начали меняться мировоззренческие установки по отношению к государству, нации, что и предопределило потребность формулирования понятия «национальные интересы» как в официальных государственных документах, так и в научном дискурсе. «Под *национальными интересами*, – по мнению А. П. Кочеткова, – необходимо понимать *стратегические приоритетные для существования и развития нации осознанные потребности в основных сферах её жизнедеятельности*» [7, с. 153]. Не вступая в дискуссию об универсальности предлагаемой дефиниции, хотим заметить, что политические партии являются важными социальными акторами при формировании стратегии развития общества как во внутренней, так и внешней политике государства, поэтому их деятельность вплетена в ткань национальных интересов.

Парадокс истории или историческая ирония сегодня обнаруживается в том, что большинство стран Запада отказываются от национальных интересов, превращаются в вассалов одного центра власти. Соглашаясь с В. Г. Егоровым в том, что «... смена миропорядка вызвана завершением исторического пути модерна» [5, с. 24], следует заметить, что политиче-

ская воля руководителя государства, лидеров политических партий может быть важным фактором в актуализации национальных интересов. Президент России В. В. Путин неоднократно обращал внимание международного политического бомонда на то, что Виктор Орбан, лидер Венгрии, отстаивает национальные интересы, а многие другие лидеры так называемого «цивилизованного мира» этого не делают, что свидетельствует об игнорировании интересов граждан своих государств этими квази-лидерами.

Таким образом, национальные интересы представляют собой социально-политическую, духовно-культурную целостность, в формировании и защите которой политические партии занимают важное место.

Второе. Для раскрытия темы защита национальных интересов политическими партиями на международной арене важно понимать, насколько самостоятельны эти социальные акторы во взаимодействии с государствами и партиями других стран. В истории нашего отечества, в советский период, КПСС была главной политической силой в обществе, определявшей и внутреннюю, и внешнюю политику. Современное российское государство претерпело в этом плане существенные изменения, даже партия власти не довлеет над органами государственной власти, но нельзя отрицать влияния политических партий на принятие управленческих, политических решений как законодательными, так и исполнительно-распорядительными органами власти. А регулярные встречи лидеров политических партий с Президентом России являются важным показателем их значимости для российского общества.

Китайский исследователь Я. Ван, анализируя специфику и самостоятельность внешнеполитической деятельности российских партий, отмечает, что «... программные документы партий являются не только важной частью избирательной стратегии, но и ключевыми документами, отражающими идеологические ориентиры партий и их внешнеполитические установки» [2, с. 54]. Можно заметить, что, порой, взгляд со стороны не только объективен, но и глубок в своей содержательности. Вместе с тем, соглашаясь в целом с характеристикой автора особенностей программ политических партий России, следует заметить, что партия – это «живой» социальный организм, который не может не изменяться при изменении социальной целостности, поэтому выводы обозначенного автора, да и других ученых, носят истинный характер лишь в конкретной исторической ситуации.

О самостоятельности и приоритетах политических партий в международных делах ведет речь и Е. Г. Уляшкина. Автор, рассмотрев программные документы и инициативы партий по международным вопросам, констатирует: «несмотря на то, что каждая политическая партия индивидуальна, в их предложениях ... прослеживаются некоторые закономерности – как в формулировании целей и задач внешней политики, так и в механизмах воздействия на характер внешнеполитической обстановки» [12, с. 34]. Автор обращает внимание на то, что большинство политических партий поддерживают действия государства на международной арене, но есть так называемые «малые партии» («Яблоко», «Гражданская Платформа», «Партия Роста», «Зеленые», «Гражданская сила»), которые на российском политическом поле то появляются, то исчезают. Они-то, по мнению исследователя, далеко не всегда разделяют по-

зиции официальных властей по вопросам международной политики. Есть основания полагать, что и само наличие этих политических партий, и их позиция по внутренней и внешней политике является необходимостью, своеобразным аргументом в большой политике государства, поскольку они отстаивают в своем большинстве либеральные ценности, которые разделяют западные демократии. Наличие этих партий – это сохранение канала связи с миром Запада в тонких и деликатных международных отношениях, они могут быть полезны для продвижения национальных интересов российским государством. Важно также то, чтобы их влияние на российское общество стремилось к нулю.

Фактор самостоятельности политических партий сопряжен с оппозиционностью, то есть если партия не согласна по каким-то вопросам с действующей властью и может об этом открыто заявить, соблюдая законность при выражении своей позиции, то значит социальная система обеспечивает свободу гражданам и политическим организациям. Достаточно сложно согласиться с В. И. Мажниковым в том, что оппозиционными можно называть только те партии, которые критикуют политическую систему или предлагают ей альтернативу [8, с. 150]. Дело в том, что спектр вопросов многогранен, поэтому по одним из них партия может согласиться с действующей властью, а в другом случае быть против, но специфика международных отношений такова, что критика действующей власти оппозиционной партией может обрести характер весомой помощи противникам российского государства, то есть наносить вред национальным интересам. В этой связи можно сделать вывод, что в современном мире политические партии неотъемлемый элемент социальной системы, поэтому они объективно являются участниками как внутренней, так и внешней политики государства.

Третье. Для решения нашей исследовательской задачи – участие политических партий в защите национальных интересов на международной арене следует остановиться на международном партийном сотрудничестве. Международное партийное сотрудничество имеет богатую историю, которая хорошо изложена в работе М. М. Какителашвили, где автор характеризует Интернационал – организацию европейских социал-демократических партий, Коминтерн – международную политическую общественную организацию коммунистических партий и другие международные организации политических партий. Соглашаясь с автором в том, что межпартийное сотрудничество усиливает «... политическое влияние на международные отношения» [6, с. 97], следует заметить, что предложение автора о создании «наднациональных партий» [6, с. 101] вызывает сомнения, поскольку партийный глобализм будет противоречить национальным интересам. Как уже было сказано, все парламентские партии России поддерживают руководство страны в его действии на международной арене, но, как замечает Я. Ван, ЛДПР выступает за «... жёсткие меры по защите национальных интересов» [2, с. 56]. Это не значит, что мы против экономической, культурной и иных форм интеграции между народами, мы за многообразие политического обустройства обществ, способных обеспечить достойное существование и развитие человека. Можно говорить о том, что международное партийное сотрудничество получает успешное развитие в условиях взаимовыгодных отношений между государствами и идеологической совместимости политических целей партий.

Четвертое. Сегодня в России, обсуждая любой вопрос политической повестки, нельзя не заметить его взаимосвязь со Специальной военной операцией. Участие политических партий в СВО в любых формах можно рассматривать как международную деятельность, так как это конфликт не столько между Украиной и Россией, а столкновение коллективного Запада со странами, отстаивающими свои национальные интересы. Представители политических партий в федеральном парламенте и региональных законодательных органах едины в своем стремлении создать правовые основания для поддержки участников СВО и их семей во всех сферах жизнедеятельности. Идет активная кооптация участников СВО в органы власти всех уровней. Можно согласиться с И. Ф. Денисенко в том, что «российские политические партии продемонстрировали свою зрелость и способность к консолидации общества вокруг приоритетов государственной политики» [4, с. 146]. Конечно, есть и другая сторона этих процессов, привлечение участников СВО в свои партийные ряды, да и любая другая деятельность, сопряженная с проведением военной операции, укрепляет и расширяет политический капитал партий. В этой связи, по меткому замечанию В. А. Голоскокова, уже существуют медиатехнологии направленные на «...целевую аудиторию в соответствии с заданными идейно-политическими установками» [3, с. 104], что, на наш взгляд, является логичным в деятельности политических партий. Надо заметить, что привлечение к партийной работе «узнаваемых персон» является также технологией политической деятельности, так, по мнению А. Ю. Малинина, «... чтобы усилить в восприятии граждан имидж ЛДПР как патриотической антиамериканской партии» [9, с. 14] приглашается Виктор Бут, который способен объективно критиковать США. Таким образом, Специальная военная операция стала рубиконом для политических партий готовых поступиться (скорректировать) свои партийные цели во имя национальных интересов.

Пятое. Важным фактором в защите национальных интересов политическими партиями является их взаимодействие с пророссийскими силами за рубежом. Видимо, здесь уместно вести речь о широком спектре организаций социально-гуманитарного толка, поскольку отстаивают российские национальные интересы за рубежом субъекты различных сфер деятельности (культуры, образования, бизнеса, спорта, религиозных организаций и многих других), что требует от политических партий определенных дипломатических навыков. В этом плане весьма показательным исследованием Р. С. Мухаметова, который раскрывает механизм поддержки РПЦ государственной международной политики. Исследователь отмечает, что РПЦ «... продвигает русскую культуру и язык за рубежом. Она поддерживает и продвигает идею «Русского мира», т.е. единого культурного, духовного и цивилизационного» [10, с. 88]. Отсюда вытекает задача укрепления политическими партиями взаимосвязи с зарубежными организациями, которые могут быть «мягкой силой» в отстаивании российских национальных интересов. Можно говорить о том, что пророссийские силы за рубежом в виде политических партий, религиозных образований и иных институтов «мягкой силы» базируются на духовном единстве русского мира и цивилизационной идентичности, что можно и нужно использовать политическим партиям России для защиты национальных интересов.

Заключение. Перспективы развития практики защиты национальных интересов России политическими партиями видятся в следующем.

Во-первых, каждая политическая партия должна работать в интересах своих избирателей, выражать волю той части общества, на которой базируется ее идеология, формируются мировоззренческие установки, что позволит осознать и сформировать единство национальных интересов российского общества.

Во-вторых, участвуя в глобальных интеграционных процессах, что востребовано объективными условиями современности, политические партии должны знать «золотую середину», не поступаться национальными интересами России, ради спасения и развития человечества. Солидаризируясь с Е. Г. Уляшкиной в том, что политические партии «... наиболее мобильные и быстро приспосабливающиеся к различным трансформациям в обществе, государстве, мире» [12, с. 25], хотим заметить, что политические партии в своей субстанциональной основе имеют абсолютную социальность, поэтому их деятельность в рамках государства как правило продуктивна, а в лоне развития человечества их действия контрпродуктивны.

В-третьих, деятельность политических партий России по способствованию интеграции Белоруссии и России в союзное государство пока нельзя обозначить как успешную. Достаточно убедительно выглядит аргументация исследователей (О. В. Бахлова, И. В. Бахалов, Е. Г. Уляшкина), которые утверждают, что партии Республики Беларусь и Российской Федерации не являются «... полноценными агентами процесса российско-белорусской интеграции» [1, с. 12]. К этому следует добавить, что бурные социально-политические процессы, происходящие в бывших советских республиках, могут создать условия также для тесной интеграции, что предопределяет особую востребованность политических партий России в международных делах. Обобщая сказанное можно утверждать – участие политических партий в защите национальных интересов на международной арене не имеет жесткой корреляции с процентами поддержки партий на федеральных или региональных выборах, однако только партии отражающие интересы российского народа имеют перспективы успешной деятельности на глобальном уровне современного мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахлова, О. В. Союзное государство в современном политическом дискурсе России / О. В. Бахлова, И. В. Бахалов, Е. Г. Уляшкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 435-441. – DOI 10.18500/1818-9601-2021-21-4-435-441. – EDN ZEAGJL.

2. Ван, Я. Программы политических партий России: внешнеполитические ориентиры и их оценка в российской политологии / Я. Ван // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2025. – № 18. – С. 53-61. – EDN BSTNIF.

3. Голоскоков, В. А. Медиаподдержка и освещение специальной военной операции на территории Украины политическими партиями России / В. А. Голоскоков // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 100-119. – DOI 10.17506/18179568_2023_20_3_100. – EDN SWITXO.
4. Денисенко, И. Ф. Политические партии в процессе осуществления политической модернизации России / И. Ф. Денисенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 3. – С. 142-147. – DOI 10.22394/2079-1690-2024-1-3-142-147. – EDN KBZHTO.
5. Егоров, В. Г. Национальные интересы России в многополярном мире / В. Г. Егоров // Власть. – 2025. – Т. 33, № 6. – С. 19-32. – DOI 10.24412/2071-5358-2025-6-19-32. – EDN KOPPHD.
6. Какителашвили, М. М. Международное сотрудничество политических партий в зарубежных странах / М. М. Какителашвили // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 2. – С. 94-105. – DOI 10.18384/2310-6794-2019-2-94-105. – EDN ELNEWP.
7. Кочетков, А. П. О национальных интересах России в условиях новой политической реальности / А. П. Кочетков // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2025. – № 4. – DOI 10.18384/2224-0209-2025-4-1640. – EDN JBWAYO.
8. Мажников, В. И. Оппозиционные политические партии как акторы современного политического процесса в России / В. И. Мажников // Власть. – 2024. – Т. 32, № 3. – С. 147-151. – DOI 10.24412/2071-5358-2024-3-147-151. – EDN MRFUDS.
9. Малинин, А. Ю. Особенности деятельности российских политических партий в контексте специальной военной операции в 2022 году / А. Ю. Малинин // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 8-17. – DOI 10.19181/nko.2023.29.2.1. – EDN KLKRHB.
10. Мухаметов, Р. С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств / Р. С. Мухаметов // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 78-91. – DOI 10.24411/2221-3279-2020-10050. – EDN CSTJLC.
11. Назаров, В. П. Национальные интересы во внешней политике России / В. П. Назаров // Вестник МГИМО-Университета. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 7-21. – DOI 10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21. – EDN ZYTMZG.
12. Уляшкина, Е. Г. Региональные приоритеты современной внешней политики России в программных документах и инициативах политических партий / Е. Г. Уляшкина // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 24-43. – DOI 10.17072/2218-9173-2019-1-24-43. – EDN ZAFZRZ.

REFERENCES

1. Baxlova, O. V. Soyuznoe gosudarstvo v sovremennom politicheskom diskurse Rossii / O. V. Baxlova, I. V. Baxalov, E. G. Ulyashkina // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seri-

ya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. – 2021. – Т. 21, № 4. – S. 435-441. – DOI 10.18500/1818-9601-2021-21-4-435-441. – EDN ZEAGJL.

2. Van, Ya. Programmy` politicheskix partij Rossii: vneshnepoliticheskie orientiry` i ix ocenka v rossijskoj politologii / Ya. Van // Rossijskij politicheskij process v regional`nom izmenenii: istoriya, teoriya, praktika. – 2025. – № 18. – S. 53-61. – EDN BSTHIF.

3. Goloskokov, V. A. Mediapodderzhka i osveshhenie special`noj voennoj operacii na territorii Ukrainy` politicheskimi partijami Rossii / V. A. Goloskokov // Diskurs-Pi. – 2023. – Т. 20, № 3. – S. 100-119. – DOI 10.17506/18179568_2023_20_3_100. – EDN SWITXO.

4. Denisenko, I. F. Politicheskie partii v processe osushhestvleniya politicheskoy modernizacii Rossii / I. F. Denisenko // Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. Ucheny`e zapiski. – 2024. – № 3. – S. 142-147. – DOI 10.22394/2079-1690-2024-1-3-142-147. – EDN KBZHTO.

5. Egorov, V. G. Nacional`ny`e interesy` Rossii v mnogopolyarnom mire / V. G. Egorov // Vlast`. – 2025. – Т. 33, № 6. – S. 19-32. – DOI 10.24412/2071-5358-2025-6-19-32. – EDN KOPFXD.

6. Kakitelashvili, M. M. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo politicheskix partij v zarubezhny`x stranax / M. M. Kakitelashvili // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. – 2019. – № 2. – S. 94-105. – DOI 10.18384/2310-6794-2019-2-94-105. – EDN ELNEWP.

7. Kochetkov, A. P. O nacional`ny`x interesax Rossii v usloviyax novej politicheskoy real`nosti / A. P. Kochetkov // Rossijskij social`no-gumanitarny`j zhurnal. – 2025. – № 4. – DOI 10.18384/2224-0209-2025-4-1640. – EDN JBWAYO.

8. Mazhnikov, V. I. Oppozicionny`e politicheskie partii kak aktory` sovremennogo politicheskogo processa v Rossii / V. I. Mazhnikov // Vlast`. – 2024. – Т. 32, № 3. – S. 147-151. – DOI 10.24412/2071-5358-2024-3-147-151. – EDN MRFUDS.

9. Malinin, A. Yu. Osobennosti deyatel`nosti rossijskix politicheskix partij v kontekste special`noj voennoj operacii v 2022 godu / A. Yu. Malinin // Nauka. Kul`tura. Obshhestvo. – 2023. – Т. 29, № 2. – S. 8-17. – DOI 10.19181/nko.2023.29.2.1. – EDN KLKRHB.

10. Muxametov, R. S. Myagkaya sila Rossii i ES na prostranstve obshhego sosedstva: sravnitel`ny`j analiz programm politicheskix partij postsovetskix gosudarstv / R. S. Muxametov // Sravnitel`naya politika. – 2020. – Т. 11, № 4. – S. 78-91. – DOI 10.24411/2221-3279-2020-10050. – EDN CSTJLC.

11. Nazarov, V. P. Nacional`ny`e interesy` vo vneshnej politike Rossii / V. P. Nazarov // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2024. – Т. 17, № 1. – S. 7-21. – DOI 10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21. – EDN ZYTMZG.

12. Ulyashkina, E. G. Regional`ny`e priority`y` sovremennoj vneshnej politiki Rossii v programmny`x dokumentax i iniciativax politicheskix partij / E. G. Ulyashkina // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). – 2019. – Т. 11, № 1. – S. 24-43. – DOI 10.17072/2218-9173-2019-1-24-43. – EDN ZAFZRZ.

Информация об авторах

Алексей Иванович Бардаков, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066, г. Волгоград, Российская Федерация, bardakov-ai@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1349-4997>, SPIN-код: 3796-6157, AuthorID: 269068

Алексей Михайлович Логинов, заместитель Председателя Волгоградской областной Думы, руководитель фракции ЛДПР, пр. имени В. И. Ленина, 9, г. Волгоград, Российская Федерация, amloginov@list.ru, SPIN-код: 9608-0493, AuthorID: 1287270

Information about Authors

Aleksey I. Bardakov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400066, Volgograd, Russian Federation, bardakov-ai@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1349-4997>, SPIN-код: 3796-6157, AuthorID: 269068

Alexey M. Loginov, Deputy Chairman of the Volgograd Regional Duma, Head of the LDPR faction, Lenin Ave., 9, Volgograd, Russian Federation, amloginov@list.ru, SPIN code: 9608-0493, AuthorID: 1287270 SPIN-код: 9608-0493, AuthorID: 1287270

Для цитирования: Бардаков А. И., Логинов А. М. Защита национальных интересов России на международной арене политическими партиями // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 7-17. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

УДК 353.1 (574)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРЛАМЕНТА КАЗАХСТАНА СОГЛАСНО НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СТРАНЫ 2026 ГОДА

Шарип Абдрахманович Ишмухамедов

Университет Туран, Алматы, Казахстан

Аннотация. Введение. В статье рассматривается современный процесс трансформации парламента Казахстана в условиях политических реформ и принятия новой Конституции страны в 2026 году. Массовые волнения и конфликты в 2022 году в Казахстане вынудили власти провести масштабные политические реформы, которые изменили политическую систему и упразднили систему «двоевластия» в стране. Кульминацией политических перемен становится референдум и вероятное принятие новой Конституции Казахстана. В результате предполагаемых изменений будут пересмотрены различные условия и особенности властных отношений между ветвями властей. Наиболее серьезные изменения произойдут в отношении парламента Казахстана, который не только сменит своё название, но и станет более открытой площадкой для политической конкуренции. Принятие новой Конституции упразднит президентскую квоту на места в парламенте и позволит остановить практику нарушения принципа равенства представительства интересов граждан в законодательной власти.

Методы. Опираясь на исторический и сравнительный анализ строительства парламентаризма удастся провести анализ формирования и функционирования парламента в условиях предстоящего изменения Конституции страны. Это позволяет объективно оценить перспективы демократизации принятия решений и усилить конкуренцию между партиями страны.

Анализ. Повествуется о результатах политических реформ в Казахстане, начавшихся после «Кровавого января» 2022 года. Реформы стали вынужденной реакцией на недовольство населения прежней политической ситуацией «двоевластия» и доминирования должностных лиц предыдущего руководителя на ключевых постах в государственной власти.

Результаты. Выявлена объективная потребность в трансформации парламентаризма в Казахстане, представлена аргументация о необходимости усиления конкуренции между партиями за представительство в парламенте, определены возможные перспективы развития многопартийности и политической конкуренции.

Ключевые слова: парламент, политическая партия, многопартийность, Казахстан, Президент, трансформация, реформы, Конституция.

UDC 353.1 (574)

TRANSFORMATION OF THE PARLIAMENT OF KAZAKHSTAN ACCORDING TO THE NEW CONSTITUTION OF THE COUNTRY IN 2026

Sharip A. Ishmukhamedov

Turan University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. Introduction. The article examines the current process of transformation of the Parliament of Kazakhstan in the context of political reforms and the adoption of a new Constitution in 2026. Mass unrest and conflicts in 2022 in Kazakhstan forced the authorities to carry out large-scale political reforms that changed the political system and abolished the system of «dual power» in the country. The culmination of political changes is the referendum and the likely adoption of a new Constitution of Kazakhstan. As a result of the proposed changes, various conditions and features of the power relations between the branches of government will be reviewed. The most serious changes will take place in relation to the Parliament of Kazakhstan, which will not only change its name, but also become a more open platform for political competition. The adoption of the new Constitution will abolish the presidential quota for seats in Parliament and will stop the practice of violating the principle of equal representation of citizens' interests in the legislature.

Methods. Based on the historical and comparative analysis of the construction of parliamentarism, it is possible to analyze the formation and functioning of parliament in the context of the upcoming constitutional amendment. This allows for an objective assessment of the prospects for democratizing decision-making and increasing competition between the country's parties.

Analysis. The article describes the results of political reforms in Kazakhstan that began after the «Bloody January» of 2022. The reforms were a forced reaction to the discontent of the population with the previous political situation of «dual power» and the dominance of officials of the previous leader in key positions in government.

Results. The objective need for the transformation of parliamentarism in Kazakhstan has been identified, arguments about the need to strengthen competition between parties for representation in parliament have been presented, and possible prospects for the development of multiparty system and political competition have been identified.

Keywords: parliament, political party, multiparty system, Kazakhstan, President, transformation, reforms, Constitution.

Введение. Согласно действующей Конституции Казахстана, принятой на референдуме 30 августа 1995 года, парламент является важнейшим представительным органом страны, осуществляющим законодательную власть в Республике. Структура и деятельность парламента, правовое положение его депутатов определены также конституционным законом «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» [4]. Парламентаризм является фундаментальным институтом любого современного правового демократического госу-

дарства. Депутаты парламента обеспечивают представительство интересов общества, легитимность власти и устойчивость политической системы. Парламент выступает важнейшим политическим институтом связи общества, групп населения с властью. Для Казахстана формирование эффективного парламентаризма стало одним из ключевых направлений государственного строительства после обретения независимости в 1991 году. Эволюция законодательного органа страны отражает процессы политической модернизации, институционального развития и укрепления национальной стабильности. Трансформация и изменения парламента Казахстана отражали политические, экономические изменения внутри страны, а также отвечали внешним вызовам мировой политики. Исторические основы становления парламентаризма в Казахстане не столь глубокие по причине небольшого срока политической независимости страны. Только после распада СССР Казахстан приступил к формированию собственной модели государственного управления. Первоначально законодательные функции выполнял Верховный Совет, который был сформирован на первых этапах независимости и Конституции 1993 года [5]. Политические реформы и конфронтация властей привели к изменению Конституции и пересмотру роли парламента в Казахстане. Конституционная реформа 1995 года внедрила двухпалатную структуру Парламента, состоящего из Сената и Мажилиса. Принятие Конституции 1995 года стало поворотным моментом в институционализации системы разделения властей и формировании устойчивой политической архитектуры. Верхняя палата (Сенат) стала состоять из депутатов, представляющих области и города республиканского значения. Избрание сенаторов проходило путем косвенного голосования депутатами местных-областных маслихатов (парламентов) на шестилетний срок. Также 10 сенаторов назначались самим президентом, в том числе по предложению общественной организации «Ассамблея народа Казахстана». Нижняя палата парламента (Мажилис) избралась на пятилетний срок по смешанной форме. Часть депутатов избиралась по партийному списку, часть по одномандатным округам на основе прямого голосования самим населением. Парламент обладал значительными функциями, как принятие законов, внесение изменений в Конституцию, контроль выполнения бюджета, выражение вотума недоверия правительству и самому президенту. Выбор двухпалатной системы часто вызывал критику, поскольку подобная модель более соответствовала большим, многонациональным федерациям как Россия или США. Однако различные объяснения властей сводились к обеспечению представительства всего населения и региональных особенностей областей страны. Парламентаризм должен был выступать механизмом интеграции различных социальных, региональных, этнических групп в общий политический орган прямого диалога и принятия решений.

Методы. Для выявления особенностей трансформации парламента Казахстана использовался сравнительный и исторический подход исследования функционирования парламентаризма в стране. Детальное сравнение системы выборов, квотирования в парламент Казахстана позволило доказать обоснованность реформ 2022 года и принятия современной Конституции Казахстана, которые должны укрепить процесс демократизации и усилить многопартийность в стране.

Анализ. Одним из последних изменений полномочий и статуса парламента Казахстана стали события 2019–2022 годов, которые охарактеризовались общественно-политической нестабильностью и массовыми демонстрациями по всей стране. Двадцать восемь лет непрерывного правления Нурсултана Назарбаева в качестве Президента Казахстана завершились официальной отставкой в 2019 году. В качестве Президента суверенного Казахстана Н. Назарбаев выиграл 5 президентских кампаний (1991, 1999, 2005, 2011, 2015). Долгий период правления первого президента значительным образом охарактеризовался снижением роли парламента, политических партий, слабостью оппозиции и усилением критики властей. Парламентаризм испытывал серьезный кризис доверия среди населения, что отражалось на популярности партий, депутатов и политических выборов. Нурсултан Назарбаев ушел с поста президента Казахстана 19 марта 2019 года оставив за собой значительные политические привилегии и властные полномочия. Назначенный на пост Президента К. Токаев стал руководителем, который был ограничен в своих решениях. В качестве руководителя Совета безопасности Нурсултан Назарбаев имел конституционные полномочия контролировать деятельность всех ветвей власти. «Двоевластие» двух руководителей завершилось митингами в 2022 году, которые известны как «Кровавый январь». Демонтаж «Назарбаевской» политической системы был завершен после начала конституционной и политической реформы. В 2022-2023 годах были приняты поправки в Конституцию, отменяющие особые привилегии первого президента. Конституционный закон «О Первом Президенте Республики Казахстан – Елбасы» был упразднен, что лишило Н. Назарбаева и членов его семьи пожизненных привилегий. Также реформы повлияли на состав Сената парламента Казахстана, который предоставлял одно место за первым президентом РК Нурсултаном Назарбаевым. В качестве пожизненного, почетного сенатора он имел право участвовать в работе Сената РК. В январе 2023 года парламента Казахстана упразднил данный статус «почетного сенатора» и отменил соответствующие нормы из работы верхней палаты. «Кровавый январь» 2022 года в Казахстане начался с протестов на Западе страны из-за роста цен на газ. Недовольство населения переросло в масштабные беспорядки по всей стране. Трагедия с применением оружия унесла жизни множества людей, включая силовиков [7]. В ответ на кризис президент К. Токаев инициировал масштабные политические реформы, направленные на демонтаж старой системы, в том числе на реформирование парламентаризма. Эти события стали важным моментом в современной истории Казахстана, в том числе повлияв на усиление роли парламента в стране.

Современный этап развития парламентаризма начинается с 11 февраля 2026 года, когда Президент Казахстана К. Токаев подписал Указ о назначении на 15 марта 2026 года республиканского референдума по вопросу принятия новой Конституции страны [6]. Первые дискуссии по поводу необходимости дальнейших политических перемен в стране начались после инициативы Главы государства К. Токаева о создании в Казахстане однопалатного Парламента. Глава страны поднял вопрос о необходимости создания однопалатного парламента 8 сентября 2025 года в рамках ежегодного Послания народу страны [3]. В качестве причин глубокого пересмотра политической системы были названы потребности социально-экономического развития Казахстана в эпоху искусственного интеллекта и глобальной кон-

курении. 8 октября 2025 года было принято распоряжение о создании рабочей группы по парламентской реформе, в составе правоведов, экспертов, представителей политических партий и НПО. 20 января 2026 года Глава государства подвел результаты сбора предложений граждан, партий, НПО по реформе Парламента и политической системы страны [2]. 30 января 2026 года на официальном сайте правительства Казахстана был опубликован окончательный вариант текста новой Конституции Казахстана, который должен быть утвержден или отклонен на общенациональном референдуме 15 марта 2026 года [1]. Сравнительный анализ модели, структуры верхней и нижней палаты парламента 2018, 2023, и возможного 2026 годов показал важные перемены. Возможный однопалатный парламент будет восстановлением прежней системы, в соответствии с первой Конституцией 1993 года, когда также существовал однопалатный Верховный Совет Казахстана. Также верхняя палата парламента – Сенат, созданный согласно Конституции 1995 года, будет упразднен в 2026 году. Нижняя палата – Мажилис возможно станет единственной палатой парламента по результатам референдума 2026 года. Система выборов данных этапов парламентаризма показывает, что перспективная система выборов 2026 года будет примером восстановления системы 2018–2021 годов. Важнейшим результатом станет упразднение системы квотирования, которую можно назвать как прямое вмешательство в работу парламентариев. Назначение представителей президента в состав парламента неизбежно сказывается на результатах голосования, принятие решений депутатов. Упразднение квотирования непосредственно будет укреплением демократизма и открытости в работе парламента.

Таблица 1 – Сравнительная таблица структуры парламента Казахстана 2018 года и возможного, согласно реформам 2026 года

Показатель	Парламент РК 2018 года (VII созыв)	Парламент РК 2023 года после реформы (VIII созыв)	Парламент 2026 (созыв IX) возможный будущий после конституционной реформы)
Модель парламента	Двухпалатный (Сенат + Мажилис)	Двухпалатный (Сенат + Мажилис)	Однопалатный (новая унифицированная структура, предлагается называться «Курултай»)
Сенат (верхняя палата)	Общее количество – 49 депутатов, 34 депутата избирались через косвенные выборы через региональные представительства – депутатами маслихатов, 15 депутатов непосредственно назначались президентом РК	Общее количество – 51 депутатов, 40 депутатов избирались через косвенные выборы через региональные представительства – депутатами маслихатов, 10 депутатов назначались непосредственно президентом РК (5 из них выдвигаются Ассамблеей народа Казахстана) 1 место было закреплено за	Отменяется / ликвидируется (в рамках реформы предполагается только однопалатный парламента)

Показатель	Парламент РК 2018 года (VII созыв)	Парламент РК 2023 года после реформы (VIII созыв)	Парламент 2026 (созыв IX) возможный будущий после конституционной реформы)
	также из состава Ассамблеи народа Казахстана (АНК)	первым президентом РК Нурсултаном Назарбаевым в качестве пожизненного, почетного сенатора	
Мажилис (нижняя палата)	Общее количество – 107 депутатов, 98 депутатов, избранных на основе пропорциональной системы выборов, 9 депутатов назначались президентом из состава Ассамблеи народа Казахстана (Квота АНК)	Общее количество – 98 депутатов, 69 депутатов избраны на основе пропорциональной системы по партийным спискам, 29 депутатов избраны по одномандатным округам, 9 депутатских мест были упразднены, которые назначались из состава Ассамблеи народа Казахстана по согласованию с президентом РК	Единый состав: 145 депутатов, избираемых по пропорциональной системе партийных списков (5-летний срок, без квот квоты президента и квоты АНК)
Общее количество депутатов	156 (Сенат + Мажилис)	149 (Сенат + Мажилис)	145 депутатов в однопалатном парламенте
Система выборов	Пропорциональная партийная система по спискам	Смешанная избирательная система (Мажилис: пропорциональная + одномандатные округа; Сенат: выборы представителями регионов и квоты)	Пропорциональная партийная система по спискам (предложено убрать одномандатные округа и квоты)
Роль президента / квоты	Президент назначает часть сенаторов; АНК делегирует депутатов в Мажилис	Президент назначает часть сенаторов; Первый президент имел статус пожизненного сенатора; АНК больше не делегирует депутатов в Мажилис	Упразднена президентская квота на места в Сенате и Мажилисе; АНК квота также будет упразднена в Сенате; все депутаты избираются через партийные списки
Квота на прохождение политических партий на выборах в парламент РК	7 %	5 %	5 %

Примечание: составлено автором на основе источников [1; 2].

Результаты. Современная трансформация Парламента Казахстана осуществляется в сложные геополитические времена для Республики. Внешние и внутренние вызовы требуют соответствующих решений на уровне правительства и республики. Новая Конституция должна стать одним из ответов на вызовы, которые угрожают стабильному развитию государства и безопасности общества. Новый проект Конституции Казахстана содержит различные новшества по составу и полномочиям парламента. Они также меняют содержание и механизмы принятия решений в парламенте. Вводимые изменения прямо повлияют на парламентаризм, многопартийность, систему «баланса и противовесов», развитие оппозиции и гражданского общества. В числе ключевых новшеств проекта Конституции можно выделить создание нового однопалатного Парламента – «Курултай». Вместе с изменением названия парламент сокращается с двух палат до одной общей палаты. Несмотря на сокращение палат, общее количество депутатов будет сравнительно одинаковым. Самым дискуссионным является упразднение смешанной формы избирательной системы, которая позволяла стать депутатом по партийному списку или по одномандатному округу. Предлагаемая пропорциональная избирательная система будет восстановлением прежней формы, действовавшей при предыдущем президенте, но без квотирования. Отмена президентской квоты с прямым назначением депутатов в нижнюю и верхнюю палату парламента Казахстана будет способствовать повышению открытой конкуренции и укреплению многопартийности в стране.

Таким образом, современные реформы 2026 года в Казахстане направлены на дальнейшее укрепление парламентаризма и развитие представительной демократии. Текущие изменения являются продолжением масштабных демократических преобразований, начатых после конституционной реформы 2022 года. Все они усиливают роль Мажилиса Парламента Республики Казахстан как ключевого института законодательной власти. Одним из главных результатов реформ является повышение политической конкуренции между политическими партиями. Снижение избирательного порога и упразднение президентских квот создают условия для более открытой политической конкуренции. Прежняя система квотирования предоставляла президенту право прямо влиять на действия и решения в парламенте. Упразднение президентской квоты произошло впервые с 1995 года. Ассамблея Народа Казахстана также имела свои конституционные возможности получить места парламенте Казахстана, что противоречило равенству политических возможностей и прав в демократическом государстве. Парламент становится площадкой для публичных дебатов и поиска компромиссов между партиями без внешнего влияния со стороны президента. В совокупности реформы 2026 года создают институциональные предпосылки для эволюции Казахстана от суперпрезидентской модели к более устойчивой и зрелой президентско-парламентской системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абубакарова, Т. Опубликован полный текст проекта новой Конституции Казахстана // Информационное агентство informburo.kz (31.01.2026). URL: <https://informburo.kz/novosti/opublikovan-polnyi-tekst-proekta-novoi-konstitucii-kazaxstana>

<https://informburo.kz/novosti/opublikovan-polnyi-tekst-proekta-novoi-konstitucii-kazaxstana> (дата обращения: 12.02.2026).

2. Дарибай, А. Токаев предложил новое название для Парламента Казахстана // Информационное агентство zakon.kz (20.01.2026). URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-predlozil-novoe-nazvanie-dlya-parlamenta-kazahstana-590668/ (дата обращения: 12.02.2026).

3. Капитанова, И. Токаев предложил реформировать Парламент в однопалатный // Информационное агентство zakon.kz (08.09.2025). URL: <https://www.zakon.kz/politika/6490078-tokaev-predlozhit-reformirovat-parlament-v-odnopalatnyu.html> (дата обращения: 12.02.2026).

4. Конституционный закон Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» от 16 октября 1995 года N 2529. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002529> (дата обращения: 9.02.2026).

5. Саулен, Н. Институт парламентаризма в контексте конституционной реформы Казахстана // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2023. – №. 2. – С. 129-147.

6. Указ Президента Казахстана «О проведении 15 марта 2026 года республиканского референдума» от 11 февраля 2026 года. URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-provedenii-15-marta-2026-goda-respublikanskogo-referenduma-111316> (дата обращения: 12.02.2026).

7. Abishev, G., Kurmanov, B., Sabitov, Z. Authoritarian succession, rules, and conflicts: Tokayev's gambit and Kazakhstan's bloody January of 2022 (Qandy Qantar) // Post-Soviet Affairs. – 2024. – Т. 40. – №. 6. – С. 429-451.

REFERENCES

1. Abubakarova, T. Opublikovan polny`j tekst proekta novoj Konstitucii Kazaxstana // Информационное агентство informburo.kz (31.01.2026). URL: <https://informburo.kz/novosti/opublikovan-polnyi-tekst-proekta-novoi-konstitucii-kazaxstana> <https://informburo.kz/novosti/opublikovan-polnyi-tekst-proekta-novoi-konstitucii-kazaxstana> (дата обращения: 12.02.2026).

2. Daribaj, A. Tokaev predlozhit novoe nazvanie dlya Parlamenta Kazaxstana // Информационное агентство zakon.kz (20.01.2026). URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-predlozil-novoe-nazvanie-dlya-parlamenta-kazahstana-590668/ (дата обращения: 12.02.2026).

3. Kapitanova, I. Tokaev predlozhit reformirovat` Parlament v odnopalatny`j // Информационное агентство zakon.kz (08.09.2025). URL: <https://www.zakon.kz/politika/6490078-tokaev-predlozhit-reformirovat-parlament-v-odnopalatnyu.html> (дата обращения: 12.02.2026).

4. Konstitucionny`j zakon Respubliki Kazaxstan «O Parlamente Respubliki Kazaxstan i statuse ego deputatov» ot 16 oktyabrya 1995 goda N 2529. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002529_ (дата обращения: 9.02.2026).

5. Saulen, N. Institut parlamentarizma v kontekste konstitucionnoj reformy` Kazaxstana // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. – 2023. – №. 2. – С. 129-147.

6. Ukaz Prezidenta Kazaxstana «O provedenii 15 marta 2026 goda respublikanskogo referendum» ot 11 fevralya 2026 goda. URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-provedenii-15-marta-2026-goda-respublikanskogo-referenduma-111316> (data obrashheniya: 12.02.2026).

7. Abishev, G., Kurmanov, B., Sabitov, Z. Authoritarian succession, rules, and conflicts: Tokayev's gambit and Kazakhstan's bloody January of 2022 (Qandy Qantar) // Post-Soviet Affairs. – 2024. – Т. 40. – №. 6. – S. 429-451.

Информация об авторе

Шарип Абдрахманович Ишмухамедов, кандидат политических наук, ассоциированный профессор, Университет Туран, ул. Сатпаева 16а, 050013, г. Алматы, Казахстан, sh.ishmukhamedov@turana.edu.kz, <https://orcid.org/0000-0000-0002-8357-6675>, Scopus Author ID: 58605345700, SPIN-код: 7537-7225, Author ID: 1282646

Information about the author

Sharip A. Ishmukhamedov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Turan University, Satpayev street 16a, 050013, Almaty, Kazakhstan, sh.ishmukhamedov@turana.edu.kz, <https://orcid.org/0000-0000-0002-8357-6675>, Scopus Author ID: 58605345700, SPIN-код: 7537-7225, Author ID: 1282646

Для цитирования: Ишмухамедов Ш. А. Трансформация парламента Казахстана согласно новой Конституции страны 2026 года // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 18-26. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

УДК 321: 316.3

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Зураб Бесарионович Джинджолия

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье исследуется проблема легитимности политической власти в условиях современного общества. Эта проблема осознается теоретически в трудах ученых и исследователей и требует согласования с нашим представлением о ней, что означает необходимость рассмотрения и анализа легитимности политической власти в условиях современного общества.

Методы. В ходе научного исследования был использован комплекс различных методов: дедукция, индукция, сравнительный анализ тематической литературы признанных исследователей, синтез научной позиции касемо развития и элиминации властного процесса в рамках анализа легитимности политической власти в социальных системах.

Анализ. Синтезирован тезис о влиянии легитимности политической власти на развитие и элиминацию властного процесса. Развитие властного процесса через модернизацию органов государственной власти, улучшение социально-экономических условий жизни граждан, усиление вертикали власти однозначно возможно и не затруднено при одобрении власти со стороны общества, а не при сопротивлении народа. Развитие властного процесса сопряжено с изменением условий функционирования общественно-политических институтов государства. В случае элиминации властного процесса легитимность политической власти может быть отражена через непринятие обществом действий государства. В свою очередь отсутствие общественного договора не позволяет проводить развитие общественно-политических институтов, что выражается в стагнации политических процессов, и в некоторых случаях деградации государства и его исчезновения. Однако, стоит отметить, что в этом контексте можно также утверждать о непрекращающемся развитии властного процесса через уничтожение или видоизменение прошлой итерации власти.

Выводы. Элиминирует лишь конкретный властный процесс, порожденный возникновением конкретного государства и развивавшийся в конкретных властных институтах. Общий же характер властного процесса в данном варианте предполагает постоянное развитие, невзирая на меняющуюся политическую среду.

Ключевые слова: легитимность, политика, власть, общество, государство.

UDC 321: 316.3

LEGITIMACY OF POLITICAL POWER IN SOCIAL SYSTEMS

Zurab B. Dzhindzholiya

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article studies the problem of legitimacy of political power in the conditions of modern society. This problem is realized theoretically in the works of scientists and researchers and requires coordination with our view of it, which means the need to consider and analyze the legitimacy of political power in the conditions of modern society. The article also describes various concepts of power, touching on the perspectives of various researchers. Various concepts of the legitimacy of political power are examined. In the article, the author provides general conclusions on the concepts of the development and elimination of power. The article contains a detailed examination of the issue of theoretical and methodological foundations for studying state power in the context of the legitimacy of the right to power.

Methods. In the course of scientific research, a complex of various methods was used: deduction, induction, comparative analysis of thematic literature of recognized studies, synthesis of the position concerning the development and scientific elimination of the power process within the framework of the analysis of the legitimacy of political power in the social sphere.

Analysis. A thesis is synthesized regarding the influence of the legitimacy of political power on the development and elimination of the power process. The development of the power process through the modernization of government bodies, the improvement of citizens' socioeconomic conditions, and the strengthening of the vertical power structure is clearly possible and not hindered by public approval of the government, rather than by popular resistance. The development of the power process is associated with changes in the operating conditions of the state's socio-political institutions. In the event of the elimination of the power process, the legitimacy of political power can be reflected in public rejection of the state's actions. In turn, the absence of a social contract hinders the development of socio-political institutions, resulting in stagnation of political processes and, in some cases, the degradation and disappearance of the state. However, it is worth noting that in this context, one can also argue for the ongoing development of the power process through the destruction or modification of the previous iteration of power.

Conclusions. Only a specific power process, generated by the emergence of a specific state and developed within specific power institutions, is eliminated. The general nature of the power process in this version presupposes constant development, regardless of the changing political environment.

Keywords: legitimacy, politics, power, society, state.

Введение. Власть является неотъемлемым атрибутом политической сферы общественно-государственных отношений. Власть в самом коротком смысле – это господство, позволяющее одной части общества навязывать волю другой. Но можно ли навязывать свою волю только лишь на основе обладания властью или в этом ключе необходимо какое-либо обоснование? Является ли легитимность власти этим обоснованием? Каким образом можно обосновать саму легитимность политической власти? Существует ли взаимосвязь между развитием и элиминацией власти в контексте проблематики ее легитимности? На этот и другие вопросы автор пытается ответить в этой статье.

Методы. В ходе научного исследования был использован комплекс различных методов: дедукция, индукция, сравнительный анализ тематической литературы признанных исследователей, синтез научной позиции касательно развития и элиминации властного процесса в рамках анализа легитимности политической власти в социальных системах.

Анализ. Признанный специалист, доктор философских наук В. Г. Ледяев в своей работе «Концептуальный анализ власти: современные тенденции» полагает, что «все, что обозначается термином «власть» в разных концепциях принимается и рассматривается в качестве тех или иных форм (проекций) властных отношений» [5, с. 326]. В этой связи хочется отметить, что проблема власти особенно актуальна во времена социально-экономических и политических потрясений, как правило, идущих рука об руку. В нашем отечестве долго господствовала марксистско-ленинская концепция власти, и Ледяев формировался как исследователь в советской системе, поэтому, вероятно, можно перейти к теоретическим установкам политического мыслителя К. Маркса. Взаимосвязь социально-экономической и политической сфер жизни общества, по мнению К. Маркса, осуществлялась на основе базиса и надстройки. Базисом выступают производственно-экономические отношения [2], а надстройкой – идеологические, куда входят политические институты, государство, а значит и власть.

В дополнение к вышеизложенному, вполне допустимо отметить еще одно высказывание В. Г. Ледяева о том, что термин «власть» зачастую используется для обозначения совершенно различных явлений. Так, по мнению исследователя, «Власть» объясняется как зонтичное понятие, обозначающее широкий спектр социальных отношений» [5, с. 325].

В отличие от В. Г. Ледяева политический и социальный теоретик Стивен Льюкс в своем труде «Власть: радикальный взгляд» утверждал, что «... на самом деле существует одно, всеобъемлющее, в высшей степени общее или родовое понятие власти, применимое ко всем случаям» [6, с. 185]. Развивая свою мысль С. Льюкс расширил определение на основании интерпретации феномена власти Джона Локка, заключавшегося в том, что власть – это способность «или производить перемену или воспринимать ее» [6, с. 186]. Опираясь на эту концептуальную установку Дж. Локка, С. Льюкс уточняет, что «... обладание властью/силой есть способность производить или воспринимать какие-либо перемены либо сопротивляться им» [6, с. 186].

Обобщая вышеизложенное, можно отметить действительно власть является широким понятием, предполагающим множество подходов к его определению. Власть, по мнению

В. П. Макаренко, также может иметь различный характер, например, демократический, авторитарный, либеральный, пастырский [7, с. 1-16].

Для достижения цели исследования необходимо рассмотреть понятие «народ», который является атрибутом легитимности политической власти, как часть общественного договора и как объект управления, чье одобрение или неодобрение влияет на властные отношения.

В работе «Современная проблематика деятельности органов публичной власти в свете их легитимности» исследователь Д. А. Авдеев акцентирует свое внимание на том, что «... исследуя проблематику легитимности публичной власти, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой определения юридического значения понятия «народ», употребляемого в конституционном законодательстве» [1, с. 43]. Развивая эту принципиальную позицию, автор ссылается на исследователя И. С. Романчука, который выстроил аргументацию о том, что прежде, чем выявить возможность существования власти народа, необходимо первоначально выявить этот субъект, поскольку, чтобы наделить кого-то властью, нужно понимать, кто является субъектом или какие лица в него включены, иначе можно говорить о том, что власть передана аморфному субъекту, иными словами, никому [11, с. 88-90].

Нельзя не согласиться с Д. А. Авдеевым также в том, что «... нужно исходить из различия в понимании народа как «источника власти», с одной стороны, и как «носителя суверенитета – с другой» [1, с. 43]. Такой подход представляется наиболее продуктивным, так как позволяет рассмотреть понятие «народ» с более точных позиций научного знания. Вышеизложенное формирует четкое представление о единстве двух существенных свойств народа. Далее ученый подчеркивает, что «... как носитель суверенитета народ представляет собой всех граждан Российской Федерации вне зависимости от их правового статуса и факторов, влияющих на него (дееспособность, возраст, нахождение в местах лишения свободы по приговору суда и т.д.). Как источник власти народ следует рассматривать как совокупность российских граждан, обладающих юридической возможностью участвовать в формировании (образовании) органов публичной власти различного уровня, иными словами, речь идет об избирателях (электорате)» [1, с. 44]. Конечно, рассматривая народ как источник власти и носителя суверенитета, нельзя забывать, что народу свойственна не только социальная, но и природная, и культурная атрибутивность, что предопределяет его функционирование и за пределами социальных взаимосвязей.

В этом плане интересен подход к власти В. П. Макаренко, который обращает внимание на пастырский характер власти. В своей работе «Пастырская власть: концепт Мишеля Фуко» он утверждает, что «... концепт пастырской власти формулируется Фуко на фоне общей проблемы становления современного государства, которую он называет историей управленчества» [7, с. 10]. Как известно М. Фуко исходит из того, что управлять можно людьми, но не государством, территорией или политической структурой. В. П. Макаренко акцентирует внимание на том, что М. Фуко последовательно проводит мысль о том, что истоки идеи об управлении людьми восходят к пастырской власти Востока, а не Запада. Метафора пастуха является обозначением отношений между властителем и Богом. Царь в этой

конструкции – это младший пастух, которому Бог доверил управление стадом людей. Пастырство – это фундаментальный тип отношений между Богом и людьми, в котором царь как представитель власти выступает одним из участников [7].

Такой взгляд на истоки власти заслуживает уважения, однако в нем наличествует довольно важный нюанс. Видимо, было бы более объективным сделать акцент на том, каким именно участником является царь, и как отсюда можно выделить легитимность политической власти. Царь является младшим субъектом управления, и именно полученное доверие от Бога на управление людьми является не только той самой легитимностью политической власти, но и ее первоисточником.

Надо заметить, что в контексте пастырской власти выкристаллизовывается вопрос о человеческой сущности и обладания властью как ее неотъемлемого желания. Этот аспект властных отношений неплохо представлен в научной статье «Легитимность и эффективность государственной власти в России: теоретико-методологический анализ» доктора политических наук И. А. Иванникова [3, с. 30-34]. В своей работе исследователь опирается на высказывание философа Ф. Ницше, которое звучит следующим образом: «Воля к власти специализируется как воля к пище, к собственности, к орудиям, к слугам (повинующимся) и господам: тело как образчик. Более сильная воля управляет слабой. Нет никакой иной причинности, как от воли к воле. Механически это необъяснимо» [9, с. 359]. Развивая этот концепт, И. А. Иванников концентрирует свое внимание на причинности власти в контексте учета интересов объектов управления. Далее автор постулирует мысль о том, что «... веками и тысячелетиями государственная власть была оторвана от народа, осуществлялась без народа и зачастую против его интересов» [3, с. 32]. Соглашаясь с ученым в том, что между народом и властью существуют противоречия, следует заметить, что контекст взаимосвязи народа и власти всегда сопряжен с социально-политическими, социально-экономическими и социально-культурными факторами конкретного общества.

Видимо, для того чтобы четко понять соответствие власти интересам народа необходимо обратить внимание на социально-экономические составляющие государства. Если посмотреть на пример Сингапура и стран Скандинавии, можно сделать вывод о том, что власть в этих странах не осуществлялась без народа, а наоборот учитывала его интересы и за счет развития социальной и экономической политики улучшала жизнь собственных граждан, хотя и пути этого улучшения кардинально разные. В Сингапуре совершивший «экономическое чудо» Ли Куан Ю использовал методы авторитарного характера, в то время как в странах Скандинавии правительство в рамках проводимой политики использовало социально-демократические инструменты.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить следующее. В рамках исследования легитимности политической власти следует обратить внимание на социально-экономическое обоснование легитимности политической власти. Это означает, что улучшение социальной и экономической составляющих жизни общества приводит к установлению легитимности политической власти со стороны народа, который признает эффективность проводимой государственной политики и таким образом одобряет действия правительства,

признавая власть над собой и давая карт-бланш на дальнейшее обладание властными полномочиями. Видимо, это можно охарактеризовать и как своего рода общественный договор, при котором объекты управления обязуются не оказывать сопротивления правительству в обмен на улучшение либо «не ухудшение» уровня жизни, определяемого социально-экономическими показателями проводимой государством политики.

Для дальнейшего решения нашей исследовательской задачи необходимо обстоятельно рассмотреть вопрос о теоретико-методологических основаниях исследования власти государства в контексте легитимности права на власть. В этом поможет одноименная статья ученых А. С. Прудникова и Ю. А. Иванченко. В своей работе исследователи отталкиваются от концепции Б. А. Кистяковского, который в свое время отмечал, что «всякая власть должна быть носителем какой-нибудь идеи, она должна иметь нравственное оправдание. Как только власть теряет одухотворяющую ее идею, она неминуемо гибнет» [10, с. 7].

Вероятно, можно утверждать, что идея, которая одухотворяет власть и пролонгирует ее существование в лице определенного круга лиц на продолжительное время, исходит только от объектов управления, поэтому есть основания полагать, что эта идея находит свое выражение в легитимации власти, т. е. в признании легитимности управления со стороны властных акторов. История знает множество примеров, когда отсутствие такой легитимации со стороны народа как объекта навязывания воли, не приводило к свержению власти, а наоборот к ее укреплению через применение аппарата насилия и «бетонирования» авторитарного режима. Например, данные факты отображены в истории многолетних африканских диктатур, смена режима в которых осуществлялась из «верхов», т. е. через предательство элит, а никак не из «низов», которые расторгли общественный договор. Решающей была «подпись» элит. И в данном контексте окружение правителя находится в верхней части общественной иерархии и не может считаться частью народа, поскольку имеет значительно больше властных полномочий и денежных средств, чем обычный гражданин государства.

Представляется достаточно важным в нашем исследовательском поиске обратить внимание на легитимность политической власти. В этом плане статья кандидата социологических наук О. А. Игнатъевой, посвященная анализу концепций легитимности политической власти, будет интересна для нас. В своей научной статье «Эволюция концепций политической власти» автор утверждает, что «... проблемы демократического устройства современных государств и легитимации политической власти в них взаимосвязаны, так как именно демократические режимы наиболее озабочены поддержанием солидарных отношений с обществом, его вовлечением в принятие и одобрением принимаемых элитой решений» [4, с. 153].

О. А. Игнатьева также выделяет еще один аспект легитимности политической власти – «процедурная легитимность». Данная концепция подразумевает способность процедуры принятия решений порождать легитимные политические решения. Доверие к власти и ее принятие может быть основано не только на престиже ее носителя или на силе правовой нормы, или традиции, но и на уверенности в правомерности используемых процедур принятия политических решений. Автор дополняет эту мысль следующим тезисом: «С точки зре-

ния представителей данного направления политологической мысли, справедливая процедура принятия решений, обладающая потенциалом легитимности, должна, с одной стороны, быть не хуже любой другой справедливой процедуры (подбрасывание монеты, равная лотерея, королева на день), а с другой стороны, быть эпистемически правильной» [4, с. 153].

На практике в мировой политике известно множество общепризнанных автократических режимов, опирающихся на мнение народа. Например, современный Китай. Китай, несмотря на автократическую сущность власти, многие реформы проводил с целью улучшения благосостояния населения несмотря на то, что автократии могут выживать и даже длительно существовать в условиях бедности общества, которое не будет задавать вопросов и высказывать свое мнение пока холодильник полон и удовлетворяются базовые потребности в пище и защите. Тем не менее, Китай существенно увеличил долю среднего класса, наиболее «опасного» для власти и наиболее политически активного, поскольку, удовлетворив все базовые потребности и потребность в социальном благополучии, у индивидов появляются новые потребности в улучшении или поддержании благополучия.

В данном ключе легитимность политической власти поддерживается не только в демократических, но и в некоторых автократических режимах. Исходя из вышесказанного, однозначно утверждать о потребности в подтверждении легитимности власти лишь в демократических режимах не приходится.

Необходимо заострить внимание на нескольких подходах к определению легитимности политической власти.

Политическая власть и режим как два атрибута, по отношению к которым подтверждается легитимность выделены Д. Истоном [13]. Признание легитимности политической власти означает одобрение действий власти со стороны граждан государства. Согласно Д. Истону одобрение власти может быть как открытым, так и скрытым, при этом он различает специфическую и диффузную поддержку. Специфическая – итог функционирования субъектов власти, который повлек за собой удовлетворение общества. Диффузная поддержка – одобрение деятельности власти, даже в случае отсутствия согласия с действиями властных акторов. Легитимность власти по Д. Истону важна как для носителей власти, так и в целом для политической системы.

Следующая концепция легитимности политической власти, которую необходимо рассмотреть – концепция коммуникативной легитимности, предложенная Ю. Хабермасом. Выдающийся немецкий философ, обращаясь к проблеме практического разума в практическом и моральном контексте, опирается на категорические императивы И. Канта, так как «лишь руководствующую моральной точкой зрения и потому целиком рациональную волю можно назвать автономной. Она очищена от всех гетерономных черт спонтанного действия (Willkür) или воли к специфической, всегда также аутентичной жизни» [12, с. 107]. Хабермас полагает, что рассматриваемые категорические императивы должны приниматься членами общества только после обсуждения, которое является своего рода тестом на универсальность, так как «... пересмотр ценностей, дающих основание для интерпретации потребно-

стей, не может быть делом, которым монологически распоряжались бы отдельные индивиды» [12, с. 107].

Выводы. Обращаясь к теме развития и элиминация властного процесса, необходимо опереться на вышеизложенные суждения и выдвинуть тезис о том, что легитимность политической власти, выраженная в различных подходах к определению этой легитимности, напрямую влияет на развитие и элиминацию властного процесса в государстве. Развитие властного процесса через модернизацию органов государственной власти, улучшение социально-экономических условий жизни граждан, усиление вертикали власти однозначно возможно и не затруднено при одобрении власти со стороны общества, а не при сопротивлении народа. Развитие властного процесса сопряжено с изменением условий функционирования общественно-политических институтов государства. В случае элиминации властного процесса легитимность политической власти может быть отражена через непринятие обществом действий государства. В свою очередь отсутствие общественного договора не позволяет проводить развитие общественно-политических институтов, что выражается в стагнации политических процессов, и в некоторых случаях деградации государства и его исчезновения. Однако, стоит отметить, что в этом контексте можно также утверждать о непрекращающемся развитии властного процесса через уничтожение или видоизменение прошлой итерации власти. В этом ключе элиминирует лишь конкретный властный процесс, порожденный возникновением конкретного государства и развивавшийся в конкретных властных институтах. Общий же характер властного процесса в данном варианте предполагает постоянное развитие, невзирая на меняющуюся политическую среду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеев, Д. А. Современная проблематика деятельности органов публичной власти в свете их легитимности / Д. А. Авдеев // Государство и право. – 2021. – № 7. – С. 36-46. – DOI 10.31857/S102694520016182-1. – EDN EWPUXO.
2. Базис и надстройка в марксистской теории культуры. – CyberLeninka. – Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazis-i-nadstroyka-v-marksistskoy-teorii-kultury> (проверено: 15.11.2025).
3. Иванников, И. А. Легитимность и эффективность государственной власти в России: теоретико-методологический анализ / И. А. Иванников // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7, № 4-3. – С. 30-34. – EDN PKZAYP.
4. Игнатьева, О. А. Эволюция концепций легитимности политической власти / О. А. Игнатьева // Социальные и гуманитарные знания. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 152-163. – DOI 10.18255/2412-6519-2024-2-152-163. – EDN YTBPGZ.
5. Ледяев, В. Г. Концептуальный анализ власти: современные тенденции / В. Г. Ледяев // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск : материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием, Москва, 01–02 декабря 2023 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. – С. 325-326. – EDN AONVLD.

6. Льюис, С. Власть: радикальный взгляд / С. Льюис // Социология власти. – 2011. – № 6. – С. 185-197. – EDN OKIXLX.
7. Макаренко, В. П. От папства к поводырству: модель Мишеля Фуко в контексте Московской Руси / В. П. Макаренко, Х. М. Амро Аззам // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2018. – № 3. – С. 1-16. – DOI 10.23683/2218-5518.2018.3.616. – EDN YTVSEH.
8. Назарчук, А. В. Этика глобализирующегося общества. Тенденции и проблемы глобализации в свете социально-этической концепции немецкого философа К.-О. Апеля : Монография / А. В. Назарчук. – Москва : Директ-Медиа, 2002. – 809 с. – ISBN 5-94865-001-4. – EDN SUPCTF.
9. Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше ; пер. с нем. Е. Герцык [и др.]. – Москва : Культурная Революция, 2005. – 880 с.
10. Прудников, А. С. Теоретико-методологические основания исследования власти государства в контексте легитимности права на власть / А. С. Прудников, Ю. А. Иванченко // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 10. – С. 6-9. – EDN OIBSGV.
11. Романчук, И. С. Публичная государственная власть: методология исследования и практика ограничения / И. С. Романчук. – Тюмень : Тюменский государственный университет. – 2013 – 172 с. – ISBN 978-5-400-00839-9. – EDN ZAQYVN.
12. Хабермас, Ю. 1995. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас ; пер. с нем. – Москва : Academia, – 245 с. – ISBN 5-86187-044-6.
13. Easton, D. A. 1965. Systems Analysis of Political Life / D. Easton. – New York : John Wiley & Sons, – 507 p.

REFERENCES

1. Avdeev, D. A. Sovremennaya problematika deyatel`nosti organov publichnoy vlasti v svete ix legitimnosti / D. A. Avdeev // Gosudarstvo i pravo. – 2021. – № 7. – S. 36-46. – DOI 10.31857/S102694520016182-1. – EDN EWPUXO.
2. Bazis i nadstroyka v marksistskoj teorii kul`tury`. – CyberLeninka. – Dostup: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazis-i-nadstroyka-v-marksistskoj-teorii-kultury> (provereno: 15.11.2025).
3. Ivannikov, I. A. Legitimnost` i e`ffektivnost` gosudarstvennoj vlasti v Rossii: teoretiko-metodologicheskij analiz / I. A. Ivannikov // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7, № 4-3. – S. 30-34. – EDN PKZAYP.
4. Ignat`eva, O. A. E`volyuciya koncepcij legitimnosti politicheskoy vlasti / O. A. Ignat`eva // Social`ny`e i gumanitarny`e znaniya. – 2024. – Т. 10, № 2. – S. 152-163. – DOI 10.18255/2412-6519-2024-2-152-163. – EDN YTBPGZ.
5. Ledyayev, V. G. Konceptual`ny`j analiz vlasti: sovremenny`e tendencii / V. G. Ledyayev // Politicheskaya nauka v menyayushhemsya mire: novy`e praktiki i teoreticheskij poisk : materialy` Vserossijskoj konferencii RAPN s mezhdunarodny`m uchastiem, Moskva, 01–02 dekabrya 2023

goda. – Moskva: Rossijskij universitet družby` narodov (RUDN), 2023. – S. 325-326. – EDN AONVLD.

6. L`yuis, S. Vlast`: radikal`ny`j vzglyad / S. L`yuis // Sociologiya vlasti. – 2011. – № 6. – S. 185-197. – EDN OKIXLX.

7. Makarenko, V. P. Ot pasty`rstva k povody`rstvu: model` Mishelya Fuko v kontekste Moskovskoj Rusi / V. P. Makarenko, X. M. Amro Azzam // Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarny`x issledovaniy. – 2018. – № 3. – S. 1-16. – DOI 10.23683/2218-5518.2018.3.616. – EDN YTVSEH.

8. Nazarchuk, A. V. E`tika globaliziruyushhegosya obshhestva. Tendencii i problemy` globalizacii v svete social`no-e`ticheskoy koncepcii nemeczkogo filosofa K.-O. Apelya : Monografiya / A. V. Nazarchuk. – Moskva : Direkt-Media, 2002. – 809 s. – ISBN 5-94865-001-4. – EDN SUPCTF.

9. Niczsche, F. Volya k vlasti: opy`t pereocenki vsekh cennostej / F. Niczsche ; per. s nem. E. Gercyk [i dr.]. – Moskva : Kul`turnaya Revolyuciya, 2005. – 880 s.

10. Prudnikov, A. S. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya vlasti gosudarstva v kontekste legitimnosti prava na vlast` / A. S. Prudnikov, Yu. A. Ivanchenko // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 10. – S. 6-9. – EDN OIBSGV.

11. Romanchuk, I. S. Publichnaya gosudarstvennaya vlast`: metodologiya issledovaniya i praktika ogranicheniya / I. S. Romanchuk. – Tyumen` : Tyumenskij gosudarstvenny`j universitet. – 2013 – 172 s. – ISBN 978-5-400-00839-9. – EDN ZAQYVN.

12. Habermas, Yu. 1995. Demokratiya. Razum. Nравstvennost`: Moskovskie lekicii i interv`yu / Yu. Habermas ; per. s nem. – Moskva : Academia, – 245 s. – ISBN 5-86187-044-6.

13. Easton, D. A. 1965. Systems Analysis of Political Life / D. Easton. – New York : John Wiley & Sons, – 507 p.

Информация об авторе

Зураб Бесарионович Джинджолия, аспирант, кафедра государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066, г. Волгоград, Российская Федерация, altern7@mail.ru, SPIN-код: 4793-3900, AuthorID: 1318348

Information about the Author

Zurab B. Dzhindzholiya, Postgraduate Student, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400066, Volgograd, Russian Federation, altern7@mail.ru, SPIN-код: 4793-3900, AuthorID: 1318348

Для цитирования: Джинджолия З. Б. Легитимность политической власти в социальных системах // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 27-36. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 316.334.52: 351.74

ДОВЕРИЕ К ПОЛИЦИИ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Николай Николаевич Демидов

Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию факторов, влияющих на уровень доверия граждан органам внутренних дел. Автором проанализированы ключевые детерминанты доверия к полиции с учетом трех уровней влияния: индивидуального (виктимность, социально-демографические характеристики, личный опыт взаимодействия), институционального (восприятия процедурной справедливости, компетентности) и социально-медийного (медиапотребление).

Методология и методы. Теоретико-методологической основой исследования являются принципы междисциплинарного подхода. Многоплановость проблематики обусловила использование ряда теорий и методологических подходов, разработанных в классической и современной социологии: – структурно-функциональный анализ; символический интеракционизм и методология исследования тотальных институтов; – теория структуризации; методология социологической диагностики доверия. Методы исследования: анализ статистической информации, сбор первичной социологической информации с использованием методов опроса, факторный анализ первичной социологической информации.

Анализ. Данная статья является результатом анализа данных, полученных в ходе очередной волны ежегодного лонгитюдного мониторинга, который проводится в Волгоградской академии МВД России с 1994 года.

Результаты. Результаты исследования показывают, что восприятие процедурной справедливости и качество контактов с полицией выступают наиболее сильными предикторами доверия. На основе анализа социологических исследований, проведенных, в том числе, и автором публикации, сформулированы практические рекомендации по повышению леги-

тимности полиции: усиление стандартов процедурной справедливости, прозрачности полиции и подотчетности, развитие механизмов обратной связи и целевые коммуникативные стратегии.

Ключевые слова: общественное мнение, органы внутренних дел, полиция, доверие, социальные медиа, процедурная справедливость, социологические исследования.

UDC 316.334.52: 351.74

TRUST IN THE POLICE AND ITS DETERMINANTS: SOCIAL, INSTITUTIONAL, AND INDIVIDUAL FACTORS

Nikolay N. Demidov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of factors affecting the level of citizens' trust in the internal affairs bodies. The author analyzes the key determinants of trust in the police, taking into account three levels of influence: individual (victimization, socio-demographic characteristics, and personal experience of interaction), institutional (perception of procedural justice and competence), and socio-media (media consumption).

Methodology and methods. The theoretical and methodological basis of the study is the principles of an interdisciplinary approach. The multifaceted nature of the problem has led to the use of a number of theories and methodological approaches developed in classical and modern sociology: structural-functional analysis; symbolic interactionism and the methodology of studying total institutions; the theory of structuration; the methodology of sociological diagnostics of trust. Research methods: analysis of statistical information, collection of primary sociological information using survey methods, and factor analysis of primary sociological information.

Analysis. This article is the result of data analysis obtained during the next wave of the annual longitudinal monitoring, which has been conducted at the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia since 1994.

Results. The results of the study show that the perception of procedural justice and the quality of contacts with the police are the strongest predictors of trust. Based on the analysis of sociological studies conducted by the author of this publication, practical recommendations have been formulated to increase the legitimacy of the police: strengthening the standards of procedural justice, transparency, and accountability of the police, developing feedback mechanisms, and implementing targeted communication strategies.

Keywords: public opinion, internal affairs bodies, police, trust, social media, procedural justice, sociological research.

Введение. Доверие граждан к органам внутренних дел – ключевой индикатор состояния взаимоотношений общества и правоохранительной системы, служащий связующим звеном между легитимностью власти и эффективностью поддержания правопорядка. Высокий уровень доверия облегчает сбор информации о преступлениях, стимулирует добровольное сотрудничество населения с полицией и повышает готовность следовать правовым предписаниям; низкий уровень доверия, напротив, ведет к отчуждению, снижению готовности к взаимодействию и росту практик обращения к альтернативным, неформальным механизмам разрешения конфликтов. В современных условиях, когда информационное поле расширяется, а общественное внимание к различным инцидентам с участием полиции возрастает, понимание причин и механизмов формирования доверия приобретает как теоретическое, так и практическое значение.

В современном контексте теоретической социологии доверие приобретает статус отдельной и уникальной области исследования, становясь заметным социальным феноменом, заслуживающим внимательного изучения. Ученые активно обсуждают, как доверие формируется и развивается в различных социально-экономических и культурных контекстах. Один из значительных вкладов в понимание этого явления сделан Э. Гидденсом, который выделяет два типа доверия: «персонифицированное», или личное доверие к людям, строящееся на основе индивидуальных обязательств и личного общения, и «неперсонифицированное» доверие, которое относится к абстрактным системам и институтам, таким как правительство, армия, церковь и другие организационные структуры. Это доверие характеризуется тем, что основывается на безличных обязательствах, что означает, что индивид доверяет не конкретному человеку, а институциональным механизмам и структурам, которые действуют в обществе [1].

Кроме того, Ф. Фукуяма рассматривает доверие как ключевой фактор, определяющий прогресс и развитие не только общества в целом, но и каждого отдельного социального института. Отношение доверия, как он подчеркивает, является критически важным для функционирования социальных систем. Снижение уровня доверия по отношению к институциональным структурам может привести к серьезным последствиям, включая неспособность этих институтов выполнять свои основные функции, такие как обеспечение безопасности и эффективного управления [5].

В академической и прикладной литературе сложился консенсус о множественности детерминант доверия: это не только отражение объективной результативности полиции в борьбе с преступностью, но и продукт восприятия процедурной справедливости, честности и подотчетности института, а также результат индивидуального опыта взаимодействия с правоохранительными органами и влияния медиапространства. Теоретические концепции, такие как теория процедурной справедливости [6; 9] и подходы к институциональному доверию [7], подчеркивают, что субъективные оценки справедливости процедур, уважительного обращения и доступ к механизмам защиты прав важнее «жестких» показателей эффективности для формирования легитимности и доверия. Вместе с тем, эмпирические исследования указывают на значимую роль социально-демографических характеристик (возраст, пол, уровень

образования) [3; 4], виктимности [8], восприятия коррупции как мощных модификаторов отношения к полиции [2].

Несмотря на обширный корпус международных и национальных исследований, остается ряд нерешенных вопросов, которые делают актуальным предлагаемое исследование. Во-первых, недостаточно ясно различие в относительной значимости отдельных факторов в различных социально-культурных и институциональных контекстах: одни исследователи подчеркивают доминирование процедурной справедливости, другие – ключевую роль реального опыта виктимности или восприятия коррупции. Во-вторых, мало изучены механизмы взаимодействия между факторами – например, в какой мере позитивный личный контакт компенсирует негативное медиапредставление, или как медиапотребление модифицирует связь между восприятием коррупции и доверием. В-третьих, для практики важен переход от отдельных выводов к тестируемым рекомендациям: какие именно институциональные изменения и коммуникационные стратегии дают наилучший эффект по повышению доверия в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Цель настоящей статьи – исследовать детерминанты доверия к полиции, интегрируя в единую модель социальные, институциональные и индивидуальные факторы, а также проверить их взаимосвязи и относительную значимость.

Методология и методы исследования. В 2025 году коллектив кафедры философии ВА МВД России продолжил изучение общественного мнения о деятельности органов внутренних дел. Данная работа является результатом анализа данных, полученных в ходе очередной волны ежегодного лонгитюдного мониторинга, который проводится в Волгоградской академии МВД России с 1994 года.

В рамках исследования 2025 года изучались ключевые параметры отношения населения как к органам внутренних дел в целом, так и к различным подразделениям полиции – уровень доверия, оценки профессиональной деятельности, восприятие имиджа сотрудников и ожидания граждан в сфере правоприменения. Особое внимание уделялось факторам, способствующим повышению доверия сотрудникам органов внутренних дел. Для обеспечения сопоставимости и валидности результатов применялись стандартизованные методы сбора и анализа данных, что позволяет проследить динамику общественных настроений и выработать практические рекомендации по повышению эффективности коммуникации и взаимодействия полиции с населением.

Объектом исследования общественного мнения выступают жители г. Волгограда, стратифицированные по полу, уровню образования, возрасту, роду занятий и уровню материального достатка. Страты формировались по административным районам города; внутри страт отбирались первичные выборочные единицы (избирательные участки) методом пропорциональным размеру. На следующем этапе случайным образом выбирались адреса респондентов, в выбранном доме респондент отбирался в соответствии с квотой. Опрос проводился методом формализованного интервью и носил выборочный характер. Для осуществления мониторингового среза применялся многоступенчатый стратифицированный отбор, объединяющий элементы территориальной и квотной выборки. По завершению по-

левого этапа исследования выполнено постстратификационное взвешивание по демографическим эталонам для приведения выборки в соответствие с распределением взрослого населения Волгограда.

Основным инструментом является стандартизованная анкета-опросник, разработанная для ежегодной лонгитюдной волны. В основном в большинстве закрытых вопросов использовались шкалы Лайкерта. В качестве ориентировочных показателей в исследовании применялись индексы оценки деятельности полиции, а также индекс субъективной защищенности граждан. Расчет этих показателей выполнен в соответствии с методикой ВЦИОМ, что обеспечивает сравнимость показателей во времени и дает возможность количественно оценить тенденции в общественном восприятии деятельности полиции и уровень защищенности граждан.

На основе обзора профильной литературы и источников по исследуемой теме были выделены основные группы детерминантов: демографические (пол, возраст, образование) и контекстные (медиа-среда, уровень дохода, субъективное ощущение безопасности).

Восприятие безопасности измерялось через вопросы о степени уверенности респондентов в защищенности их личных и имущественных интересов, а также об изменении этих ощущений во времени. Дополнительно респондентов спрашивали об обеспокоенности уровнем преступности в районе проживания.

Результаты. В целом 71,6 % опрошенных в той или иной степени заявили, что чувствуют себя защищенными: 26,8 % – «уверены», 44,8 % – «скорее уверены, чем не уверены». 17,4 % ответили «скорее не уверен, чем уверен», 5,6 % – «не уверен», 5,4 % – «затруднились ответить» (см. таблицу 1). Что касается динамики ощущения безопасности, 37,6 % респондентов отметили, что стали чувствовать себя более защищенными, 24,7 % – менее защищенными, а 31,2 % – не заметили изменений.

Таблица 1 – **Распределение ответов респондентов на вопрос о степени их уверенности в защищенности своих интересов**

	Варианты ответа	(%) 2022 г.	(%) 2023 г.	(%) 2024 г.	(%) 2025 г.
1	Уверен	25,7	21,2	24,5	26,8
2	Скорее уверен, чем не уверен	35,1	42,7	42,2	44,8
3	Скорее не уверен, чем уверен	19,6	16,2	15,1	17,4
4	Не уверен	12,8	10,0	10,8	5,6
5	Затрудняюсь ответить	6,5	9,5	7,5	5,4
	Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

Гипотеза исследования предполагала прямую пропорциональность между уровнем субъективной безопасности и доверием полиции: чем выше ощущение защищенности, тем выше доверие и положительная оценка работы правоохранительных органов. Анализ сопряженности переменных «Доверяете полиции?», «Степень уверенности в защищенности своих интересов?», «Как оцениваете работу полиции?» подтвердил наличие статистической значимой корреляции между ощущением безопасности и доверием/оценкой деятельности полиции.

Ключевые наблюдения по категориям.

Категория 1 (респонденты, чувствующие себя защищенными): 85,8 % доверяют полиции, 8,7 % – не доверяют, 5,5 % затруднились ответить. Оценка работы полиции: «хорошо и отлично» – 58,7 %; удовлетворительно – 32,8 %; плохо – 4,6 %; затрудняюсь – 3,9 %.

Категория 2 (респонденты, не чувствующие себя защищенными): 41,3 % доверяют полиции, 50,7 % – не доверяют, 8,0 % затруднились ответить. Оценка работы полиции: «хорошо и отлично» – 23,6 %; удовлетворительно – 47,1 %; плохо – 21,4 %; затрудняюсь – 7,9 %.

Категория 3 (респонденты, затруднившиеся оценить степень собственной защищенности): 66,6 % доверяют полиции, 18,2 % – не доверяют, 15,2 % затруднились ответить. Оценка работы полиции: «хорошо и отлично» – 15,1 %; удовлетворительно – 54,5 %; плохо – 18,2 %; затрудняюсь – 12,1 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что чувство личной и имущественной безопасности является мощным предиктором доверия полиции и положительной оценки ее работы: у респондентов с высокой субъективной безопасностью уровень доверия и удовлетворенности деятельностью ОВД значительно выше. Группа респондентов, не чувствующих себя защищенными, демонстрируют более низкий уровень доверия и более критические оценки профессиональной деятельности полиции, что указывает на связь между повседневным опытом безопасности и легитимностью правоохранительных институтов в глазах граждан.

Результаты подчеркивают необходимость интегрированных полицейских стратегий, направленных на повышение фактической и воспринимаемой безопасности населения. Меры по укреплению субъективного ощущения защищенности (профилактика преступности, присутствие полиции на улицах, оперативное реагирование на обращения) могут способствовать повышению доверия к органам внутренних дел и улучшению общественной оценки их работы.

Таблица 2 – Сопряженность по переменным «Доверяете полиции?» «Степень уверенности в защищенности своих интересов?», «Как оцениваете работу полиции?» (процент по строке)

	Доверие полиции			Оценка работы полиции			
	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь	Хорошо и отлично	Удовлет.	Плохо	Затрудняюсь
Уверен в защищенности своих интересов % (1 категория)	85,8	8,7	5,5	58,7	32,8	4,6	3,9
Не уверен % (2 категория)	41,3	50,7	8	23,6	47,1	21,4	7,9
Затрудняюсь % (3 категория)	66,6	18,2	15,2	15,1	54,5	18,2	12,1

Важно при этом отметить, что установленные нами взаимосвязи не обязательно отражают однозначные причинно-следственные отношения. Возможны несколько альтернативных механизмов объяснения наблюдаемой корреляции. Во-первых, влияние может быть двунаправленным: с одной стороны более высокий уровень доверия к полиции может способствовать повышенному ощущению безопасности (через готовность обращаться за помощью и вера в способность институтов защитить), с другой – ощущение собственной защищенности может укреплять обобщенное доверие к тем структурам, которые воспринимаются как гаранты порядка. Во-вторых, связь может опосредоваться или модифицироваться другими переменными: реальный уровень виктимности, экономический статус, качество персонального контакта с полицией, локальная криминогенная обстановка и медийные контенты способны, как усилить, так и ослабить прямую связь между безопасностью и доверием к правоохранительным органам. Наконец, возможен эффект смешения, когда общая характеристика (например, высокий социальный капитал или активная гражданская позиция) одновременно повышает и восприятие безопасности, и доверие к полиции.

Несмотря на указанные ограничения, связь между ощущением защищенности и доверием к местной полиции воспроизводится достаточно последовательно в наших анализах и сохраняется при контроле ряда базовых социально-демографических переменных. Это позволяет считать наблюдение эмпирически значимым и релевантным для практики: мероприятия, направленные на повышение реальной и субъективной безопасности (улучшение доступности, качества взаимодействия с полицейскими, прозрачность процедур), вероятно, будут способствовать росту доверия на местном уровне – хотя для более точной разработки мер требуется дальнейшее исследование механизмов и тестирование эффективных форм.

Анализ уровня обеспокоенности граждан состоянием преступности в районе проживания дал следующие результаты. В той или иной мере тревогу по этому поводу испытывают 57,2 % респондентов; при этом 4,0 % заявили о сильной обеспокоенности, тогда как 42,9 % не испытывают беспокойства. Эти данные заметно отличаются от результатов 2024 года, когда респондентов спрашивали об обеспокоенности преступностью в обществе в целом; тогда 37,5 % были сильно обеспокоены, 26 % – не испытывали беспокойства, и в сумме обеспокоенность отмечали 74 % опрошенных. Такое изменение восприятия частично объясняется различием предмета вопросов: в 2024 году речь шла о преступности в обществе в целом, а в текущем исследовании – о криминальной ситуации непосредственно в районе проживания, что может смещать оценки в сторону меньшей тревожности.

Кроме того, мы сопоставили уровень обеспокоенности состоянием преступности с доверительным отношением к полиции и с оценкой ее работы. Среди респондентов, которые заявили о высокой тревоге по поводу преступности, доля тех, кто доверяет полиции, составляет 47,8 % – на 22 процентных пункта ниже среднего показателя по выборке. Одновременно доля не доверяющих в этой группе достигает 52,2 % – это на 33,3 процентных пункта выше среднего по выборке. Напротив, среди тех, кто не обеспокоен уровнем преступности, доля доверяющих полиции значительно выше и равна 83,1 % (см. табл. 3).

Таблица 3 – Сопряженность по переменным «Доверяете полиции?» и «Обеспокоенность респондентов состоянием преступности» (процент по строке)

	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь
Сильно обеспокоен %	47,8	52,2	0,
Немного обеспокоен %	76,2	17	6,8
Не обеспокоен %	83,1	10,3	6,5

Аналогичная закономерность прослеживается и в оценках эффективности работы полиции: респонденты с высокой обеспокоенностью преступностью, дают значительно более низкие оценки деятельности органам правопорядка по сравнению с теми, кто не беспокоится преступностью.

Кроме того, в данных выявлена связь между доверием и виктимностью. Лица, подвергавшиеся преступным посягательствам, в среднем демонстрируют более низкий уровень доверия и дают менее положительную оценку полиции. Среди жертв преступлений 63,6 % доверяют полиции, 30,3 % не доверяют, 6 % затруднились ответить; оценки работы распределяются так: «хорошо и отлично» – 47,4 %, «удовлетворительно» – 31,3 %, «плохо» – 21,3 %. (см. табл. 4).

Таблица 4 – Сопряженность по переменным «Доверяете полиции?» «Подвергались ли преступным посягательствам?», «Как оцениваете работу полиции?» (процент по строке)

	Доверие полиции			Оценка работы полиции		
	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь	Хорошо и отлично	Удовлет.	Плохо
Подвергались преступным посягательствам %	63,6	30,3	6	47,4	31,3	21,3
Не подвергались %	76,6	16,5	6,6	59,2	28,8	12

Таким образом, уровень обеспокоенности преступностью и факты виктимизации оказывают заметное влияние на доверие к полиции и на оценку ее деятельности. Вместе с тем, позитивная связь между низкой обеспокоенностью преступностью и высоким доверием к полиции может отражать и обратное влияние: высокая оценка работы местных правоохранительных органов формирует у людей чувство безопасности, в то время как высокий уровень тревоги может быть вызван, как реальной угрозой, так и усиливаться социальной тревожностью и медийными нарративами.

Виктимность, по всей видимости, оказывает негативное влияние на доверие – личный негативный опыт взаимодействия с преступлением и, возможно, с полицией снижает веру в ее способность защищать граждан. Однако степень этой связи может зависеть от качества полицейского реагирования, помощи и последующей поддержки жертв.

Не исключено и влияние третьих факторов: реальный уровень преступности в районе проживания, качество работы полиции, характер освещения криминальных событий в СМИ – все они способны одновременно воздействовать и на обеспокоенность, и на доверие.

Для повышения доверия к правоохранительным органам целесообразно уделять не только профилактике преступлений, но и мерам по снижению тревожности населения, поскольку восприятие безопасности напрямую коррелирует с легитимностью полиции в глазах граждан.

Выводы. Субъективное ощущение защищенности выступает ключевым фактором формирования позитивных оценок полиции: у уверенных в защите своих интересов респондентов доля позитивных оценок почти в четыре раза выше, чем у неуверенных.

Уровень институционального доверия правоохранительных органов детерминирован не только объективными параметрами работы полиции, но и широкой социо-политической конъюнктурой, в которой функционируют институты власти.

Виктимизация существенно понижает доверие к полиции и увеличивает долю негативных оценок, что указывает на проблемные аспекты реагирования и взаимодействия с жертвами преступлений.

Информационно-коммуникативная активность СМИ и собственных пресс-служб полиции играет существенную роль в формировании позитивного образа сотрудников органов внутренних дел.

Многолетнее наблюдение показывает, что положительный эффект мероприятий по укреплению доверия достигается при условии комплексного учета множества факторов: уровня межличностного доверия в обществе, степени институционального доверия к базовым социальным институтам, уровня защищенности населения. Для устойчивого повышения доверия необходима координация этих направлений в рамках системной стратегии взаимодействия с населением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гидденс, Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М. : Праксис, 2011. – 352 с.
2. Гимпельсон, В. Е., Монусова, Г. А. Доверие к полиции: межстрановой анализ // Вопросы экономики. 2012. № 11. С. 24–47. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-11-24-47> (дата обращения: 3.11.2025).
3. Демидов, Н. Н. Проблемы изучения общественного мнения о деятельности полиции в российском обществе / Н. Н. Демидов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2024. – № 4 (857). – С. 133-139. – EDN EFRPWR.
4. Зуева, О. В. Доверие граждан к полиции в современной России: актуальное состояние и анализ факторов / О. В. Зуева, Н. Н. Демидов // Вестник Московского государственно-

го лингвистического университета. *Общественные науки*. – 2022. – № 2 (847). – С. 144-150. – DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_144. – EDN FSVHOG.

5. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

6. Hough, M., Jackson, J., Bradford, B., & Hohl, K. (2013). Procedural justice, trust, and institutional legitimacy. В: *The Oxford Handbook of Police and Policing*. <https://fliphtml5.com/ofuc/ixwp/basic/> (дата обращения: 03.11.2025).

7. Levi, M., & Stoker, L. (2000). Political trust and trustworthiness. *American Political Science Review*, 94 (3), 611–628. <https://sci-hub.ru/10.1146/annurev.polisci.3.1.475?ysclid=mhhv22klj1785394780> (дата обращения: 03.11.2025).

8. Reising, M. D., & Kane, R. J. (2014). *The Oxford Handbook of Police and Policing*. <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Oxford-handbook-of-police-and-policing-Reising-Kane/4a02a28f675412ad543d264d95cb85beba68b0f9> (дата обращения: 03.11.2025).

9. Tyler, T. R. (1990). *Why People Obey the Law*. Yale University Press. <https://archive.org/details/whypeopleobeylaw0000tyler/page/n2/mode/1up> (дата обращения: 03.11.2025).

REFERENCES

1. Giddens, E. Posledstviya sovremennosti. Per. s angl. G. K. Ol'xovikova; D. A. Kibal'chicha; vstup. stat'ya T. A. Dmitrieva. – М. : Praxis, 2011. – 352 s.

2. Gimpel'son, V. E., Monusova, G. A. Doverie k policii: mezhstranovoj analiz // *Voprosy` ekonomiki*. 2012. № 11. S. 24–47. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-11-24-47> (data obrashheniya: 3.11.2025).

3. Demidov, N. N. Problemy` izucheniya obshhestvennogo mneniya o deyatel`nosti policii v rossijskom obshhestve / N. N. Demidov // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvenny`e nauki*. – 2024. – № 4 (857). – S. 133-139. – EDN EFRPWR.

4. Zueva, O. V. Doverie grazhdan k policii v sovremennoj Rossii: aktual'noe sostoyanie i analiz faktorov / O. V. Zueva, N. N. Demidov // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvenny`e nauki*. – 2022. – № 2 (847). – S. 144-150. – DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_144. – EDN FSVHOG.

5. Fukuyama, F. Doverie: social'ny`e dobrodeteli i put` k proczvetaniyu: Per. s angl. / F. Fukuyama. – М. : ООО «Izdatel'stvo АСТ»: ЗАО NPP «Eрмак», 2004. – 730 s.

6. Hough, M., Jackson, J., Bradford, B., & Hohl, K. (2013). Procedural justice, trust, and institutional legitimacy. В: *The Oxford Handbook of Police and Policing*. <https://fliphtml5.com/ofuc/ixwp/basic/> (data obrashheniya: 03.11.2025).

7. Levi, M., & Stoker, L. (2000). Political trust and trustworthiness. *American Political Science Review*, 94 (3), 611–628. <https://sci-hub.ru/10.1146/annurev.polisci.3.1.475?ysclid=mhhv22klj1785394780> (data obrashheniya: 03.11.2025).

8. Reisig, M. D., & Kane, R. J. (2014). The Oxford Handbook of Police and Policing. <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Oxford-handbook-of-police-and-policing-Reisig-Kane/4a02a28f675412ad543d264d95cb85beba68b0f9> (data obrashheniya: 03.11.2025).

9. Tyler, T. R. (1990). Why People Obey the Law. Yale University Press. <https://archive.org/details/whypeopleobeylaw0000tyle/page/n2/mode/1up> (data obrashheniya: 03.11.2025).

Информация об авторе

Николай Николаевич Демидов, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Волгоградская академия МВД России, 400075, ул. Историческая, 130, г. Волгоград, Российская Федерация, demidovnick@yandex.ru, SPIN-код: 3482-2893, AuthorID: 309675

Information about the author

Nikolay N. Demidov, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 400075, Historichesky str., 130, Volgograd, Russian Federation, demidovnick@yandex.ru, SPIN-код: 3482-2893, AuthorID: 309675

Для цитирования: Демидов Н. Н. Доверие к полиции и его детерминанты: социальные, институциональные и индивидуальные факторы // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 37-47. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHY OF POWER AND MANAGEMENT

УДК 316.77:327.5

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА: ДИАГНОСТИКА УГРОЗ И СТРАТЕГИИ АКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ

Антон Иванович Лукаш

Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации
«Российское военно-историческое общество»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Современный этап геополитических отношений характеризуется переносом основного противоборства из физической сферы в сферу когнитивную, где объектом воздействия становятся механизмы мышления, принятия решений и ценностные структуры населения. Наиболее уязвимой категорией являются дети и молодежь, чья психика находится в стадии формирования.

Методы. Исследование базируется на междисциплинарном синтезе постструктуралистской философии (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари), критической теории медиа (Н. Хомский), антропологического подхода (Ю. Н. Харари), теории рефлексивного управления (В. А. Лефевр), теории когнитивных матриц (В. Э. Багдасарян), операционального анализа информационных операций (А. В. Манойло), концепций когнитивного суверенитета (В. Д. Никишин) и ментальной безопасности (А. А. Ковалев), а также на анализе документов РФ, материалов НАТО и данных эмпирических исследований.

Анализ. Рассматриваются концепции когнитивной войны НАТО (три уровня поражения (биологический, психологический, социальный), когнитивное превосходство); документы NextGen Information Environment (нейро-война, агентные системы). Раскрывается теория рефлексивного управления Владимира Лефевра, анализируется технологическая реализация рефлексивного управления через алгоритмы ИИ, включая семантическую фильтрацию данных, онтологическую рамку и эпистемический колониализм. Представлена авторская модель пяти уровней когнитивного поражения. Особое внимание уделяется цифровым угрозам для детей и молодежи: нейрофизиологическая уязвимость детского мозга, данные Global Mind

Project о критическом возрасте 13 лет, дофаминовая зависимость, клиповое мышление, селфхарм, официальная статистика роста преступлений. Предлагаются стратегии активного противодействия: 10 шагов для родителей, рекомендации для педагогов, для государства, когнитивный суверенитет, работа с лидерами общественного мнения.

Выводы. Когнитивная война ведется против каждого гражданина, начиная с детства. Эффективная защита требует перехода к проактивному формированию когнитивной устойчивости на основе принципов когнитивного суверенитета.

Ключевые слова: когнитивная безопасность, когнитивная война, рефлексивное управление, когнитивные матрицы, пять уровней поражения, семантическая фильтрация, когнитивный суверенитет, цифровые угрозы детям.

UDC 316.77:327.5

COGNITIVE WARFARE: THREAT DIAGNOSTICS AND STRATEGIES FOR ACTIVE DEFENSE

Anton I. Lukash

Regional Branch of the All-Russian Public-State Organization
“Russian Military Historical Society”,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The contemporary stage of geopolitical relations is characterized by the shift of the main confrontation from the physical sphere to the cognitive domain, where the targets of influence are the mechanisms of thinking, decision-making, and the value structures of the population. Children and youth represent the most vulnerable category, as their psychological and cognitive systems are still in the process of formation.

Methods. The study is based on an interdisciplinary synthesis of post-structuralist philosophy (Michel Foucault, Jacques Derrida, Gilles Deleuze, Félix Guattari), critical media theory (Noam Chomsky), the anthropological approach (Yuval Noah Harari), the theory of reflexive control (Vladimir Lefebvre), the theory of cognitive matrices (Vardan Bagdasaryan), the operational analysis of information operations (Andrey Manoilo), the concepts of cognitive sovereignty (Vladimir Nikishin) and mental security (Andrey Kovalev), as well as on the analysis of Russian Federation documents, NATO materials, and data from empirical studies.

Analysis. It examines NATO’s concept of cognitive warfare (three levels of impact – biological, psychological, and social – and the notion of cognitive superiority), as well as the NextGen Information Environment documents (neuro-warfare and agent-based systems). The theory of reflexive control developed by Vladimir Lefebvre is discussed, and the technological implementation of reflexive control through AI algorithms is analyzed, including semantic data filtering, ontological framing, and epistemic colonialism. The author proposes a model of five levels of cognitive impact. Particular attention is paid to digital threats affecting children and youth: the neurophysiological

vulnerability of the developing brain, Global Mind Project data on the critical age of 13, dopamine-driven dependency, clip thinking, self-harm, and official statistics on rising crime rates. The paper also proposes strategies of active counteraction, including ten steps for parents, recommendations for educators and the state, the concept of cognitive sovereignty, and engagement with opinion leaders.

Conclusions. Cognitive warfare is conducted against every citizen, beginning in childhood. Effective protection requires a transition toward the proactive development of cognitive resilience based on the principles of cognitive sovereignty.

Keywords: cognitive security, cognitive warfare, reflexive control, cognitive matrices, five levels of impact, semantic filtering, cognitive sovereignty, digital threats to children.

Введение. Современный этап развития международных отношений характеризуется фундаментальной трансформацией архитектуры безопасности и переносом основного противоборства из физической сферы в сферу когнитивную. Страны коллективного Запада рассматривают Россию в качестве стратегического противника, против которого развернута полномасштабная гибридная война, включающая информационно-психологические операции, направленные на изменение моделей восприятия, ценностных ориентаций и механизмов принятия решений населением.

Наиболее уязвимой категорией в этой войне являются дети и молодежь, чья психика находится в стадии формирования, а критическое мышление еще не развито [20]. Как отмечается в документах стратегического планирования Российской Федерации, в последние годы наблюдается наращивание информационно-психологического воздействия на несовершеннолетних со стороны спецслужб отдельных государств и аффилированных с ними структур, в качестве угрозы названо внедрение деструктивной идеологии [9; 11]. Помощник секретаря Совета безопасности России Дмитрий Грибков, выступая на «Инфофоруме-2026» с докладом о новой редакции Доктрины информационной безопасности РФ, подчеркнул, что технологии западных IT-компаний, включая широко распространенные мобильные устройства и социальные платформы, используются как инструмент деструктивного воздействия на подрастающее поколение [10].

Концептуальное осмысление этих процессов требует обращения к фундаментальным философским основаниям, а также к анализу стратегических документов и практик коллективного Запада. Особое значение имеет понимание того, как теоретические модели рефлексивного управления реализуются в технологиях искусственного интеллекта и алгоритмического управления, и какую угрозу это представляет для детей и молодежи, проводящих значительную часть времени в цифровой среде.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе междисциплинарного подхода систематизировать механизмы когнитивного воздействия, выявить специфику угроз для детей и молодежи и обосновать стратегии активного противодействия, позволяющие перейти от реактивной модели защиты к проактивному формированию когнитивной устойчивости личности и общества.

Методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляет междисциплинарный синтез, включающий:

- системный подход, позволяющий рассматривать когнитивную безопасность как целостную систему взаимосвязанных элементов (источники угроз, каналы воздействия, объекты защиты, механизмы противодействия);
- сравнительно-политологический метод, используемый при анализе институциональных структур НАТО, включая Центр инноваций (iHub) и Центр передового опыта в области стратегической коммуникации (StratCom COE);
- постструктуралистская философия: концепция «власти-знания» М.Фуко, позволяющая понять, как контроль над информационными потоками формирует саму реальность [12]; метод деконструкции Ж. Деррида для анализа бинарных оппозиций и скрытых предположений дискурса [4]; ризоматическая модель Ж. Делёза и Ф. Гваттари для описания децентрализованных сетевых структур современного информационного пространства [3];
- критическая теория медиа Н. Хомского: модель пропаганды и концепция «производства согласия» (manufacturing consent), раскрывающая структурные механизмы формирования общественного мнения в западных демократиях [14];
- антропологический подход Ю. Н. Харари: анализ технологического «взлома человека», кризис либерального субъекта и проблема постправды как новой нормы информационной среды [13];
- теория рефлексивного управления В. А. Лефевра [6];
- теория когнитивных матриц В. Э. Багдасаряна: исследование ценностно-смысловых, исторических, политико-языковых, идентитарных и антропологических структур сознания, выступающих объектами поражения в когнитивных войнах [1; 2];
- операциональный анализ информационных операций А. В. Манойло: теория рефлексивного контроля, управление ожиданиями, психологические игры, вероятностное прогнозирование рисков [7];
- концепции когнитивного суверенитета В. Д. Никишина [8] и ментальной безопасности А. А. Ковалева [5];
- нормативно-правовой анализ актуальных документов стратегического планирования РФ: Стратегия национальной безопасности [9], Основы государственной политики по сохранению традиционных ценностей [11];
- анализ документов исследовательских центров НАТО: доклады Ф. дю Клузеля [18], Б. Клавери и Ф. дю Клузеля [17], отчет «NextGen Information Environment» [16];
- анализ эмпирических исследований цифровых угроз для детей: данные Global Mind Project (2025) [19; 21], исследования воздействия социальных сетей [15].

Анализ. Для понимания природы современных угроз необходимо рассмотреть когнитивную войну как объективный и универсальный феномен, порожденный эволюцией технологий и трансформацией конфликтной среды. В самом широком смысле **когнитивная война** представляет собой форму противоборства, в которой главной целью становится не физическое уничтожение противника или захват территории, а контроль над процессами восприя-

тия, мышления, принятия решений и формирования ценностей у населения страны-объекта. Глубинная суть этого явления заключается в переносе конфликта из физического пространства в сферу эпистемологическую – в пространство знаний, верований и представлений о реальности.

Детерминанты выхода когнитивной войны на доминирующие позиции в современном противоборстве носят системный характер. Во-первых, это достижение **технологической зрелости**: цифровые платформы, алгоритмы искусственного интеллекта, технологии больших данных и нейронаучные методы достигли уровня, позволяющего осуществлять массированное, персонализированное и контекстное воздействие на сознание в реальном времени. Во-вторых, когнитивная война демонстрирует беспрецедентную **экономическую эффективность**: стоимость «поражения» сознания (например, через создание и распространение вирусного мема, дестабилизирующего общественные настроения) на порядок ниже стоимости поражения физических объектов. В-третьих, фундаментальное значение имеет **трансформация природы конфликтов** в условиях глобальной взаимозависимости. Прямая агрессия против ядерной державы становится самоубийственной, а тотальные экономические санкции болезненны для всех участников. Сознание населения остается последним «незащищенным» пространством, где противоборство может вестись с приемлемым уровнем риска для атакующего. Наконец, нельзя игнорировать феномен **постправды**, описанный Ю. Н. Харари: современные технологии позволяют не просто распространять ложь, но «подкармливать» индивида именно той информацией, которую он хочет получить, замыкая его в когнитивных пузырях и делая постправду не отклонением, а нормой функционирования информационно-среды [13].

Крайне важным для корректного анализа является понимание **универсальности феномена когнитивной войны**. Сведение его исключительно к инструментарию конкретных военно-политических блоков методологически некорректно – когнитивное измерение в той или иной форме всегда присутствовало в любом конфликте – будь то борьба за моральный дух войск или поддержка населения. Однако сегодня, благодаря технологиям, эта составляющая становится доминирующей. Уязвимость перед когнитивными операциями универсальна, и все субъекты международных отношений – Россия, Китай, США, страны ЕС – одновременно являются как объектами такого воздействия, так и (в разной степени) разработчиками защитных и наступательных инструментов. Более того, значительная часть механизмов когнитивной войны была разработана не в военных целях, а коммерческими корпорациями для максимизации вовлеченности и прибыли (алгоритмические ленты, таргетированная реклама, геймификация). Их «перепрофилирование» под военно-политические задачи стало возможным благодаря универсальности самих технологий.

Признание универсальности и объективности когнитивной войны как свойства современной среды неизбежно ведет к пересмотру стратегий защиты, формированию способности личности и общества в целом распознавать манипулятивные воздействия и противостоять им, сохраняя ценностную структуру и способность к рациональному целеполаганию.

Философские основания когнитивной безопасности

Мишель Фуко: власть-знание и эпистема

Философия Мишеля Фуко представляет собой ключевой теоретический ресурс для понимания когнитивной войны. Центральным является концепт «власть-знание» (*puissance-savoir*), представленный в работах «Надзирать и наказывать» и «Воля к знанию» [12]. Согласно Фуко, власть и знание непосредственно предполагают друг друга: нет отношения власти без соответствующего поля знания, и нет знания, которое не предполагало бы и одновременно не формировало бы отношений власти.

В контексте когнитивной войны это означает, что контроль над информационными потоками, алгоритмами и нарративами есть не просто техническая задача, но способ производства самой реальности. Фуко вводит понятие «эпистемы» – исторически изменчивых структур, определяющих условия возможности знания в ту или иную эпоху. Современная цифровая эпистема, формируемая алгоритмами больших данных и искусственного интеллекта, задает рамки того, что может быть сказано, увидено и помыслено. Противник, овладевая этими структурами, получает возможность не просто транслировать пропаганду, но формировать саму матрицу восприятия реальности.

Жак Деррида: деконструкция и различие

Философия Жака Деррида предлагает методологический инструментарий для анализа того, как формируются иерархии смыслов и как они могут быть деконструированы. Центральное понятие «деконструкции» представляет собой анализ устройства смысловых структур, выявление скрытых предпосылок и бинарных оппозиций (свой/чужой, истина/ложь, друг/враг), на которых держится дискурс [4]. В когнитивной войне противник активно использует механизмы деконструкции традиционных смыслов, размывая границы между реальным и ложным, подрывая доверие к базовым категориям. Другое важнейшее понятие Деррида – *différance* (различение/различание), указывающее на то, что значение никогда не дано в присутствии, но всегда отсылает к другим знакам, образуя бесконечную сеть различий. В информационной среде это означает, что любой нарратив существует лишь в контексте других нарративов и управление смыслами есть управление этой сетью различий.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари: ризома

Концепция ризомы, разработанная Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари в труде «Тысяча плато», представляет собой одну из наиболее продуктивных моделей для описания современных информационных процессов [3]. В отличие от классической «арбореальной» (древовидной) модели, предполагающей иерархию, центр и линейное развитие, ризома описывает структуру, которая является децентрированной, гетерогенной, множественной, обладает множеством точек входа и выхода. В контексте исследования ризоматическая модель позволяет понять, как устроено современное информационное пространство. Традиционные иерархические СМИ уступают место децентрированным сетевым структурам, где любой пользователь может быть и потребителем, и генератором контента. Противник использует эту ризоматичность для ведения когнитивных операций: нарративы распростра-

няются не сверху вниз, а горизонтально, через множественные точки входа, укореняясь в разнородных сообществах.

Ноам Хомский: производство согласия

Американский лингвист и философ Ноам Хомский в фундаментальной работе «Производство согласия» (Manufacturing Consent), написанной в соавторстве с Эдвардом Германом, предложил «модель пропаганды» для анализа того, как функционируют корпоративные СМИ в западных демократиях [14]. Согласно Хомскому, СМИ не являются независимыми источниками информации, но структурно встроены в систему, которая производит согласие в интересах доминирующих элитных групп. Модель включает пять «фильтров», определяющих, что становится новостью: собственность и контроль; реклама как источник дохода; привлечение экспертов; флейк (flak) как механизм давления; идеология страха. Для настоящего исследования модель Хомского важна в двух аспектах. Во-первых, она показывает, что «свободные» СМИ могут быть инструментом производства согласия не в силу заговора, но в силу структурных ограничений. Во-вторых, она позволяет анализировать информационные операции против России как системное производство нарративов, проходящих через те же «фильтры» в западном медийном пространстве.

Юваль Ной Харари: антропологические вызовы

Израильский историк и философ Юваль Ной Харари в работах «Homo Deus» и «21 урок для XXI века» анализирует фундаментальные вызовы, которые технологии ставят перед человечеством [13]. Для нашего исследования ключевыми являются следующие тезисы:

1. **Технология взлома человека.** Либеральная демократия исходила из принципа, что наш мозг – это «черный ящик», доступ к которому есть только у нас самих. Однако развитие биотехнологий и искусственного интеллекта создает возможность для «взлома» человека – понимания и предсказания его желаний, чувств и мыслей лучше, чем он сам.

2. **Постправда не как отклонение, а как норма.** Харари указывает, что проблема фейковых новостей не в том, что люди ошибаются, а в том, что технологии позволяют «подкармливать» людей именно той информацией, которую они хотят услышать, замыкая их в когнитивных пузырях.

3. **Кризис образования и необходимость «пересборки» личности.** Традиционная модель образования, основанная на формировании устойчивой личности с пожизненными профессиональными навыками, устаревает. Люди должны быть готовы несколько раз в жизни «пересобрать» себя, учиться новому и адаптироваться.

Концепция когнитивной войны НАТО

Структуры управления когнитивной войной в НАТО

В организационной структуре НАТО выделяются несколько ключевых центров, ответственных за разработку и реализацию концепции когнитивной войны:

- **АСТ (Allied Command Transformation)** – стратегическое командование НАТО по трансформации, дислоцированное в Норфолке (штат Вирджиния, США). АСТ курирует раз-

работку концепций будущих войн, включая когнитивное измерение противоборства. В структуру АСТ входит Центр инноваций НАТО (NATO Innovation Hub – iHub), созданный в 2013 году.

- **StratCom COE (Centre of Excellence)** – Центр передового опыта НАТО в области стратегической коммуникации, расположенный в Риге (Латвия). Специализируется на исследовании гибридных угроз, анализе воздействия социальных медиа, разработке методологий противодействия дезинформации и изучении нейро-войны. Директором центра является Янис Сартс.

- **CMDR COE (Crisis Management and Disaster Response COE)** – Центр передового опыта по управлению кризисами и реагированию на катастрофы, расположенный в Софии (Болгария). Проводит ежегодные курсы и тренинги по когнитивной войне и когнитивному превосходству.

Ключевые фигуры и архитекторы концепции

- **Франсуа дю Клузель (François du Cluzel)** – бывший французский офицер, создатель Центра инноваций НАТО (iHub). В 2020 году по поручению Верховного главнокомандующего ОВС НАТО по трансформации (SACT) он провел шестимесячное исследование, результатом которого стал доклад «Когнитивная война» (Cognitive Warfare) [18]. В 2021 году совместно с Бернаром Клавери выпустил работу «Концепция когнитивной войны» (The Cognitive Warfare Concept) [17]. Главные тезисы дю Клузеля: «мозг станет полем битвы XXI века» (the brain will become the battlefield of the 21st century), «сделать каждого оружием» (weaponize everyone), «милитаризация науки» (militarization of science).

- **Бернар Клавери (Bernard Claverie)** – профессор когнитивных наук Бордоского института технологий, соавтор концепции когнитивной войны. Внес вклад в разработку модели трех уровней поражения и анализ влияния цифровых технологий на когнитивные процессы [17].

- **Джеймс Джордано (James Giordano)** – директор Центра прорывных технологий и будущих войн Института национальных стратегических исследований (INSS) при Университете национальной обороны (NDU). Автор многочисленных публикаций по нейротехнологиям и когнитивной войне. Разрабатывает концепцию конвергенции нейротехнологий и искусственного интеллекта как ускорителя когнитивной войны.

- **Стин Сёндергаард (Steen Søndergaard)** – главный научный советник НАТО (NATO Chief Scientist). В декабре 2025 года выпустил два стратегических отчета по когнитивной войне и устойчивости, представляющих критическое научное и стратегическое видение того, как НАТО может защищать общества, укреплять сдерживание и использовать технологии в эпоху гибридной конкуренции.

- **Пол Грёстад (Paul Grøstad)** – капитан ВМС Норвегии, начальник сектора безопасности и противодействия гибридным угрозам Министерства обороны Норвегии, бывший руководитель группы по когнитивной войне в НАТО АСТ. Один из разработчиков NATO Cognitive Warfare Concept, представленной на утверждение 18 июня 2025 года.

- **Невилл Болт (Neville Bolt) и Элина Ланге-Ионатамишвили (Elina Lange-Ionatamishvili)** – аналитики StratCom COE, соавторы отчета «NextGen Information Environment» (2026), посвященного нейро-войне, агентным системам и отравлению моделей искусственного интеллекта [16].

Три уровня поражения

В концепции д-ра Ключезля и Клавери выделяются три уровня поражения, образующие системную модель когнитивного воздействия:

1. Биологический уровень: непосредственное воздействие на нервную систему как субстрат мысли, эмоции и поведения. Нейронаучные технологии (нейро-война) используются для оценки и целенаправленного изменения физиологических функций с целью нарушить, перенаправить или ухудшить когнитивные способности, психическое состояние и процессы принятия решений.

2. Психологический уровень: воздействие на когнитивные оценки, фрейминг, эмоциональные реакции и паттерны мышления, формирующие индивидуальные и коллективные установки, убеждения и суждения. Технологии искусственного интеллекта позволяют персонализировать стимулы, нацеливаясь на индивидуальные и групповые когнитивные уязвимости.

3. Социальный уровень: воздействие на разделяемые нарративы, коллективные убеждения, институциональную легитимность и общественные ценности. Когнитивное воздействие направлено на разрушение социальной сплоченности, превращение идентичности в оружие (weaponization of identity) и создание эпистемического хаоса.

Когнитивное превосходство

Когнитивная война в понимании НАТО – это борьба за **когнитивное превосходство** (cognitive superiority), которое выстраивается в три последовательных этапа:

- **Ситуационная осведомленность** (situational awareness): сбор и анализ разведывательных данных о противнике, оценка его позиционирования, сил, ключевых партнерств, сетей влияния. Требуется высококачественных, верифицированных данных из множественных источников.

- **Углубленное понимание** (deep understanding): проникновение в логику противника, понимание его стратегического видения, операциональной культуры, методов принятия решений, когнитивных паттернов и ценностных структур.

- **Когнитивное преимущество** (cognitive advantage): способность принимать более быстрые и стратегически более верные решения, чем противник, во всех доменах, что обеспечивает упреждающее действие и навязывание противнику выгодной для себя логики развития событий.

NextGen Information Environment: новые угрозы

В отчёте **Bolt N., Lange-Ionatamishvili E. *The NextGen Information Environment*** (2026) [16] («Информационная среда следующего поколения») выделяется ряд ключевых угроз трансформации информационной среды, в частности:

1. Агентные системы (agentic systems) – автоматизированные агенты, взаимодействующие в масштабах, выходящих за пределы человеческого контроля, фильтрующие и оценивающие релевантность информации способами, уязвимыми для манипуляций.

2. Отравление open-source моделей ИИ – преднамеренное внедрение ложных данных, предназначенных для искажения будущих циклов обучения.

Особое внимание уделяется формированию феномена нейро-войны. Авторы подчёркивают, что конвергенция человека и машины формирует новую технологическую реальность: «Нейро-война становится формирующимся направлением, требующим срочного внимания... Предсказание человеческого сознания и интерпретация нейронных данных уже не являются теоретическими возможностями – они существуют на практике» [16, p. 11].

Теория рефлексивного управления Владимира Лефевра

Владимир Александрович Лефевр (1936–2020) – советский и американский математик, психолог, создатель теории рефлексивных игр и концепции рефлексивного управления. Он начал разрабатывать свои идеи в середине 1960-х годов в СССР, работая в НИИ автоматической аппаратуры имени В. С. Семенихина, где вел инженерно-психологические разработки военного профиля, связанные с моделированием процессов принятия решений в конфликтных ситуациях [6]. В 1974 году эмигрировал в США, где продолжил исследования в Калифорнийском университете в Ирвайне.

Термин «рефлексивное управление» (reflexive control) введен Лефевром в работе «Конфликтующие структуры» (1967) [6]. В этой работе он математически формализовал процесс, в котором один из участников конфликта передает другому основания для принятия решения, приводящие к выгодному для первого результату. Лефевр показал, что управление противником возможно не только через прямое воздействие на его возможности, но и через опосредованное влияние на его модель ситуации и модель самого себя.

Конечная цель рефлексивного управления – заставить противника добровольно принять решение, которое объективно выгодно управляющей стороне, но субъективно воспринимается противником как собственное, соответствующее его интересам и ценностям. Это достигается через формирование у противника такой картины реальности, в которой единственно логичным и морально приемлемым оказывается именно нужное управляющей стороне решение.

Теория рефлексивного управления перестала быть абстрактной математической моделью – сегодня она воплощена в алгоритмической архитектуре систем искусственного интеллекта, управляющих информационными потоками, вниманием и поведением миллионов пользователей.

Современные рекомендательные системы в сетевых мультимедиа платформах, на различных интернет-площадках построены на принципах машинного обучения с подкреплением (reinforcement learning). Архитектура включает следующие компоненты:

1. Сбор поведенческих данных в реальном времени: система анализирует тысячи параметров – время просмотра, повторные просмотры, паузы, скорость пролистывания, лайки, комментарии, репосты, переходы по ссылкам, время суток, геолокацию.

2. Построение многомерной модели пользователя: на основе собранных данных формируется психографический профиль, включающий не только демографические характеристики, но и эмоциональные триггеры, когнитивные стили, ценностные предпочтения, уязвимости и точки наибольшего вовлечения.

3. Оптимизация контента под максимизацию времени удержания: алгоритмы обучаются подбирать последовательность стимулов, максимизирующих дофаминовый отклик и продлевающих сессию.

4. Формирование «информационного пузыря» (filter bubble): система создает замкнутую информационную среду, где пользователю демонстрируется преимущественно контент, подтверждающий его существующие установки, что усиливает эффект предвзятости подтверждения (confirmation bias).

Семантическая фильтрация: неявное рефлексивное управление

Наиболее фундаментальный уровень рефлексивного управления реализуется на этапе формирования самой базы знаний, на которой обучаются модели. Университеты, исследовательские центры, корпоративные лаборатории (преимущественно западные, англоязычные) транслируют не только технические знания, но и имплицитные семантические структуры – способы категоризации мира, оценочные шкалы, иерархии значимости, модели «нормального» и «отклоняющегося». Когда эти инженеры создают алгоритмы, они бессознательно материализуют в коде те семантические паттерны, которые были интериоризированы в процессе обучения. Обучающие выборки формируются из источников, уже несущих определенную ценностную нагрузку (западные медиа, академические публикации, корпоративные датасеты). Критерии «хорошего» и «плохого» контента задаются экспертами, чьи оценки сформированы в той же семантической парадигме. Метрики успеха (вовлеченность, удержание, конверсия) оптимизируют алгоритм под максимизацию показателей, которые сами по себе не нейтральны, а отражают определенную антропологическую модель человека-потребителя.

Результат: алгоритм воспроизводит и усиливает семантические структуры, заложенные в его обучающую базу, выдавая их за объективные, нейтральные, «естественные». Это и есть чистейшее рефлексивное управление, реализованное на самом глубоком уровне:

- Субъект А (западная академическая/корпоративная культура) формирует семантическую базу и критерии оценки.
- Субъект Б (инженеры) интериоризирует эту базу как «объективное знание» и материализует ее в алгоритмах.
- Субъект В (пользователи, включая детей и молодежь по всему миру) получает информационную среду, которая структурирует его восприятие в соответствии с исходной семантической базой, но воспринимает это как «естественный порядок вещей».

Российская школа исследования когнитивной войны

Вардан Багдасарян: теория когнитивных матриц

Концептуальное развитие теории когнитивных матриц представлено в работах В. Э. Багдасаряна. Исследуя феномен «**матриц общественного сознания**» как средства государственного и глобального управления, автор показывает, что современная политическая борьба есть борьба различных когнитивных матриц, а технологии манипуляции направлены на поражение матричных оснований сознания противника [1; 2]. Информация, по Багдасаряну, подчиняется этим матрицам и структурируется на их основе; победа достигается не подавлением воли, а подчинением сознания через трансформацию смысловых парадигм.

В рамках аксиологического подхода в работах ученого выделяются ключевые матрицы, подвергающиеся атаке в когнитивных войнах:

Тип матрицы	Суть матрицы	Ключевые угрозы
Ценностно-смысловая	Базовые ориентации личности, система «добра и зла»	Размывание традиционных ценностей, подмена понятий, дезориентация
Историческая	Восприятие прошлого, историческая идентичность	Фальсификация истории, разрушение связи поколений, культивирование чувства вины
Политико-языковая	Категориальный аппарат мышления о власти	Манипуляция через переопределение слов, навязывание «единственно верного» языка
Идентичности	Чувство принадлежности к общности, образ «своего» и «чужого»	Разжигание межгрупповой розни, раскол общества, демонизация соотечественников
Антропологическая	Определение того, что значит «быть человеком»	Трансгуманизм, «цифровое слабоумие», снижение когнитивных способностей

Андрей Манойло: операциональный анализ

Операционально-технологический подход к анализу информационно-психологического противоборства представлен в работах А. В. Манойло. Исследователь рассматривает информационно-психологические операции как инструмент воздействия на массовое сознание и социально-политические процессы, подчёркивая, что они направлены на манипулирование общественным мнением и дестабилизацию социальной системы.

В частности, отмечается, что «информационно-психологические операции направлены на манипулирование массовым сознанием и дестабилизацию социально-политической системы общества» [7, с. 125].

Владимир Никишин: когнитивный суверенитет

В. Д. Никишин обосновывает необходимость разграничения концептов информационного и когнитивного суверенитета [8]. Под **когнитивным суверенитетом** понимается способность общества и личности самостоятельно определять свою картину мира и защищать её

от деструктивного внешнего воздействия. В его структуру входят медиабезопасность, культурный суверенитет, технологический суверенитет, управленческий суверенитет, правовая безопасность.

Андрей Ковалев: ментальная безопасность

По мнению А. А. Ковалева современные информационные и технологические воздействия способны затрагивать ценностные основания личности, её идентичность и механизмы восприятия реальности. В философских исследованиях проблем безопасности А. А. Ковалев подчёркивает, что «ментальная и экзистенциальная безопасность выступает условием сохранения человеческой свободы, разумности и культурной преемственности в условиях цифровой трансформации» [5, с. 19].

Авторская модель: пять уровней когнитивного поражения

Интеграция рассмотренных подходов позволяет предложить авторскую модель пяти уровней когнитивного поражения, которая описывает комплекс целей в когнитивной войне.

Описание уровней

1. **Ценностно-смысловое ядро** – базовые убеждения, мировоззренческие опоры, система «священного» (то, что человек не готов предать). То, что делает человека «собой». Противник атакует этот уровень через подмену понятий (фрейминг), размывание смыслов, традиционных ценностей, десакрализацию, навязывание чувства вины. Цель – дезориентация: **«Я больше не знаю, что такое хорошо и что такое плохо».**

2. **Восприятие экономической безопасности и социального статуса** – страх потери работы, дохода, положения в обществе, неуверенность в завтрашнем дне. Противник создает негативные экономические прогнозы, транслирует безысходность, запугивает кризисом, формирует образ **«врага, виновного в бедности».** Цель – перевести страх в злость, направленную на власть.

3. **Социальные связи и идентичность** – чувство принадлежности к общности (семья, коллектив, нация), доверие к «своим», горизонтальные связи. Противник разжигает межгрупповую рознь, раскалывает общество на **«своих» и «предателей»**, подрывает доверие к институтам, изолирует индивида, использует культуру отмены.

4. **Эмоционально-волевая сфера** – способность управлять эмоциями, сохранять волю к сопротивлению, не поддаваться панике. Противник индуцирует тревогу, страх, апатию, отчаяние через триггерный контент. Цель – истощить волевой ресурс.

5. **Поведенческие паттерны** – привычки, зависимости, действия «на автомате». Противник программирует реакции через рефлексивный контроль, формирует зависимости (цифровые, поведенческие), управляет массовым поведением через **«вирусные» триггеры.** Цель – заставить человека действовать против своих интересов, не осознавая этого.

Социально-экономическая матрица определяет восприятие человеком своего места в экономической системе, отношение к труду, богатству и бедности, готовность к солидарным действиям, а также базовую дихотомию **«полезный член общества vs паразит/нахлебник».**

Социально-экономическая матрица тесно связана с матрицей антропологической (В. Э. Багдасарян), выступая ее прикладным измерением. Если антропологическая матрица отвечает на вопрос «**что значит быть человеком вообще**», то социально-экономическая конкретизирует его: «**что значит быть человеком в обществе, где необходимо добывать средства к существованию**». Противник, атакуя эту матрицу, стремится свести человека к чистой экономической функции («**ты только то, что ты потребляешь**»), отсекая экзистенциальные, духовные и культурные измерения личности.

Отметим, что социальные механизмы воздействия в условиях когнитивного противоборства ориентированы именно на молодежную аудиторию с учетом ее коммуникативных предпочтений. Ключевым каналом распространения нарративов становятся блогеры и инфлюенсеры, чье «искреннее мнение» воспринимается подростками как референтное, что позволяет маскировать пропаганду под естественную коммуникацию. Широко используются игровые и меметические форматы, позволяющие сводить сложные социально-политические процессы к простым, эмоционально заряженным образам, что лишает явления глубины, но формирует к ним четкое эмоциональное отношение. Проникновение в субкультурные сообщества, геймерские группы, околофилософские объединения позволяет осуществлять постепенную радикализацию участников через «общие интересы», уводя их в сторону деструктивных идеологий [11].

Цифровые угрозы для детей и молодежи: нейрофизиология, риски и стратегии защиты

Уязвимость подрастающего поколения

В современном геополитическом противоборстве особая роль отводится воздействию на подрастающее поколение, поскольку именно дети и молодежь представляют собой наиболее уязвимую категорию для информационно-психологического влияния. Период детства и юности является определяющим для формирования ценностных и мировоззренческих установок, культурной идентичности и исторических представлений. Это делает данную возрастную группу исключительно уязвимой для атак на идентичность.

Воздействие на информационную среду социализации способно деформировать базовые ценностные ориентации через размывание культурного кода, подмену исторических нарративов и демонизацию собственной национальной идентичности. Формирование чувства исторической вины или нигилизма по отношению к прошлому становится инструментом долгосрочного ослабления общества. Параллельно осуществляется целенаправленная трансформация полоролевых и семейных моделей, пропаганда моделей поведения, ведущих к депопуляции, культивированию инфантилизма и разрушению традиционных социальных связей. Насажение культа потребления и успеха любой ценой формирует ценностную матрицу, отчуждающую молодых людей от национальных интересов и делающую их управляемыми через рыночные механизмы.

Нейрофизиология детского мозга: особенности уязвимости

Мозг ребенка и подростка находится в стадии активного формирования. Кора головного мозга, отвечающая за самоконтроль, критическое мышление и долгосрочное планирование, созревает только к 20–25 годам. При этом лимбическая система, отвечающая за эмоции и мгновенное вознаграждение, развита уже в подростковом возрасте.

Это создает нейрофизиологическую ловушку: сильный эмоциональный отклик при слабых механизмах контроля. Повышенная пластичность нейронных связей в сочетании с доминированием эмоциональных реакций создает условия для повышенной восприимчивости к манипулятивным воздействиям [20].

Противник активно эксплуатирует эти особенности через эмоционально насыщенный контент, вызывающий страх, гнев или эйфорию, что блокирует рациональное мышление и способствует некритичному усвоению информации. Одновременно использование механизмов нейропластичности посредством систематического повторения нарративов в сочетании с дофаминовыми стимулами позволяет буквально «вживлять» необходимые идеологические установки, формируя устойчивые нейронные связи, соответствующие целевым паттернам реагирования.

Алгоритмическое управление информационной средой

Современные цифровые платформы на основе анализа пользовательского поведения формируют персонализированные информационные пространства, создавая так называемые «информационные пузыри». Для молодежи, обладающей несформированными навыками критического анализа, это оборачивается закреплением односторонних представлений о социальной реальности, снижением способности к объективной оценке событий и усилением радикальных взглядов.

При этом механизмы переменного подкрепления, используемые в социальных сетях и игровых сервисах, стимулируют дофаминовую зависимость от экранного контента, формируя устойчивые поведенческие паттерны, ведущие к снижению концентрации внимания, распространению клипового мышления и атрофии способности к длительному когнитивному усилию, без которого невозможна полноценная критическая рефлексия.

Фактором, усугубляющим все перечисленные угрозы, выступает **ранняя цифровая социализация**. Современные дети получают доступ к интернету и мобильным устройствам в возрасте, когда традиционные институты социализации – семья и школа – еще не успели сформировать у них необходимых защитных механизмов. В результате цифровая среда становится одним из главных источников формирования мировоззрения, что ведет к частичной утрате семьей и школой монополии на воспитание и ценностное ориентирование.

Цифровая среда порождает специфические психологические угрозы, среди которых кибербуллинг выступает инструментом систематической травли, способной довести жертву до социальной изоляции и тяжелых депрессивных состояний. Особую опасность представляет вовлечение в деструктивные онлайн-игры и сетевые челленджи, где система заданий (квестов) переводит виртуальную активность в реальные действия, чреватые само-

повреждениями, нанесением вреда окружающим или совершением противоправных поступков.

Исследование Global Mind Project, проводимое Sapient Labs и включающее базу данных психического благополучия более чем двух миллионов респондентов из 163 стран, выявило статистически значимую связь между возрастом получения первого смартфона и показателями психического здоровья в молодом и взрослом возрасте. Анализ подвыборки более чем 100 тыс. молодых людей (18–24 лет), опубликованный в журнале *Journal of Human Development and Capabilities*, свидетельствует, что более ранний доступ к смартфону ассоциирован с более низкими показателями психического благополучия, включая ухудшение эмоциональной устойчивости и регуляции, снижение самооценки и рост суицидальных мыслей, агрессию, чувство оторванности от реальности, снижение эмпатии (особенно у юношей) [15; 19; 21].

Стратегические долгосрочные последствия

Таким образом, сочетание нейropsychологической уязвимости незавершенного формирования мозговых структур, особенностей возрастного становления личности и специфики современной цифровой среды с ее алгоритмическим управлением и дофаминовыми механизмами делает детей и молодежь главной целевой аудиторией когнитивной войны.

Воздействие на эту группу направлено не на сиюминутный результат, а на программирование будущего состояния общества. Именно сегодняшние дети и молодежь в перспективе сформируют политическую культуру общества, систему ценностей и доминирующие социальные нормы. Если противнику удастся сформировать «нужные» нейронные связи, ценностные установки и модели поведения у молодых людей, он получает контроль над долгосрочной общественной повесткой. Такое общество через полтора-два десятилетия начнет самостоятельно воспроизводить чуждые идеологемы и разрушать себя изнутри, не осознавая внешнего происхождения этих деструктивных импульсов.

Стратегии защиты детей и молодежи в условиях когнитивной войны

Защита подрастающего поколения от этих угроз требует перехода от реактивных мер информационной гигиены к проактивному формированию устойчивости к манипулятивным воздействиям.

Технологические и регуляторные стратегии

Цифровая среда не может оставаться пространством неограниченного воздействия на детскую психику, что обуславливает необходимость технологических и регуляторных стратегий. Требуется внедрение технологических решений, ограничивающих манипулятивный потенциал алгоритмов: разработка и внедрение **детских версий цифровых платформ** с ограниченными рекомендательными системами; **маркировка контента**, созданного с использованием технологий глубокой подделки (дипфейков); внедрение систем выявления деструктивных сообществ и вербовочных практик.

На регуляторном уровне важно **законодательное закрепление ответственности цифровых платформ** за контент, распространяемый среди несовершеннолетних, включая ограничения на использование дофаминовых механизмов удержания внимания. Важно со-

здание механизмов оперативного блокирования деструктивного контента без ущерба для свободы распространения легальной информации.

Образовательные стратегии

Необходимы образовательные стратегии, ориентированные на формирование когнитивной устойчивости. Фундаментом защиты выступает **системное развитие критического мышления и медиакомпетентности** на всех уровнях образования. Требуется внедрение специализированных курсов по информационно-психологической безопасности, начинающихся с младших классов и адаптированных к возрастным особенностям. Ключевыми элементами выступают: обучение верификации информации; распознавание манипулятивных техник; понимание природы информационных пузырей и алгоритмической персонализации контента.

Важно не просто транслировать знания, а формировать устойчивые навыки через практические занятия, разбор кейсов, моделирование ситуаций информационного воздействия. Особое внимание следует уделять **развитию эмоционального интеллекта и навыков саморегуляции**, позволяющих снижать эффективность апелляции к эмоциям как основного инструмента когнитивной войны.

Ценностно-мировоззренческие стратегии

Целесообразно комплексное применение запретительных мер и позитивного наполнения информационного пространства качественным контентом, формирующим **чувство принадлежности к культурной традиции**, историческую преемственность и понимание национальных интересов без навязчивой дидактики в форматах, органичных для молодежной аудитории: проекты с вовлечением блогеров; интерактивные исторические реконструкции; просветительские цифровые платформы.

Семейно-ориентированные стратегии

Семья остается ключевым институтом формирования устойчивости, однако современные родители зачастую сами не обладают достаточными компетенциями в области цифровой безопасности, что актуализирует семейно-ориентированные стратегии.

Актуально создание **системы просвещения родителей**, включающей доступные образовательные программы, консультационные центры, памятки и рекомендации по выстраиванию цифрового воспитания. Важно формировать **культуру доверительного общения в семье**, где ребенок может обсуждать увиденное в сети, не опасаясь наказания или непонимания. Родители должны становиться не «надзирателями», а компетентными проводниками в цифровой реальности, способными совместно с детьми анализировать контент и вырабатывать критическое отношение к нему.

Дополнением выступают **психолого-педагогические стратегии**, предполагающие подготовку педагогов и школьных психологов к распознаванию маркеров вовлечения в деструктивные сообщества, изменений поведенческих паттернов, признаков кибербуллинга и суицидальных рисков, а также создание доступных служб психологической помощи, включая анонимные онлайн-консультации, ориентированные на подростковую аудиторию. Необходим мониторинг внешних деструктивных воздействий и оперативное информирование

населения о выявляемых кампаниях влияния, направленных на молодежь, с разъяснением их целей и методов. Здесь может быть применена **методология анализа слабых сигналов**, разработанная в теории стратегического управления: выявление зарождающихся информационных кампаний до их выхода на широкую аудиторию; обнаружение изменений в тональности и тематике медийного пространства; идентификация новых каналов и методов распространения деструктивного контента; прогнозирование точек бифуркации в общественных настроениях.

Контентные стратегии: создание позитивной альтернативы

Стратегически продуктивным является **создание на основании традиционных духовно-нравственных ценностей [11] качественного, привлекательного отечественного контента**, способного конкурировать с зарубежными платформами за внимание молодежи. Это касается не только развлекательной сферы, но и просветительских, образовательных, научно-популярных проектов, использующих современные форматы: подкасты; видеоблоги; интерактивные игры; визуальные новеллы.

Значимо формирование **пула молодых лидеров мнений**, транслирующих просоциальные ценности на языке, понятном сверстникам, без излишней официальности и морализаторства.

Инвестиции в когнитивный иммунитет подрастающего поколения представляют собой **стратегический приоритет**, определяющий способность общества сохранять суверенитет и устойчивость перед лицом долгосрочных деструктивных воздействий.

Практические рекомендации для родителей (10 конкретных шагов) на основе анализа эмпирических данных и экспертных оценок:

1. Не давать смартфон до 13 лет (данные Global Mind Project) [19; 21].
2. Использовать кнопочные телефоны для связи до этого возраста.
3. Контролировать экранное время, полностью исключив нахождение ребенка с гаджетом во время, отведенное для сна.
4. Установить родительский контроль на всех устройствах.
5. Объяснять механизмы работы алгоритмов: что лайки и уведомления созданы, чтобы удерживать внимание.
6. Не использовать гаджеты как поощрение или наказание.
7. Формировать цифровую гигиену личным примером.
8. Стимулировать офлайн-активности (спорт, творчество, живое общение).
9. Обсуждать с ребенком увиденное в сети, создавать доверительную атмосферу.
10. Создавать безопасное пространство для вопросов о том, что встревожило в интернете.

Рекомендации для педагогов:

1. Использовать методологию «равный-равному» для обсуждения киберугроз (когда для молодежи разбор фейков проводят популярные лидеры мнений из их же среды).
2. Обучать распознаванию AI-сгенерированного контента (дипфейков).

3. Организовывать тренинги по противодействию кибербуллингу.
4. Информировать родителей и детей о нейрофизиологических механизмах цифровой зависимости.

Рекомендации для государства:

1. Принять законодательные ограничения по возрасту доступа к соцсетям (по примеру Австралии – запрет до 16 лет, Франции – запрет до 15 лет).
2. Развивать отечественные платформы с альтернативными семантическими базами и онтологиями.
3. Финансировать программы психологической помощи детям, пострадавшим от киберугроз.
4. Создать систему мониторинга слабых сигналов для раннего выявления деструктивных трендов.
5. Внедрить обязательное цифровое образование в школах.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Когнитивная война не является случайным феноменом, но закономерным результатом эволюции стратегической среды.

2. Философское осмысление когнитивной войны требует обращения к постструктуралистской традиции: концепция власти-знания М. Фуко позволяет понять, как контроль над информацией формирует саму реальность; ризоматическая модель Ж. Делёза и Ф. Гваттари описывает децентрированные сетевые структуры современного информационного пространства; деконструкция Ж. Деррида выявляет механизмы размывания традиционных смыслов. Критическая теория медиа Н. Хомского демонстрирует структурную встроенность СМИ в систему производства согласия, а антропологический подход Ю. Н. Харари предупреждает о возможности технологического «взлома» человека.

3. Институционализация когнитивных операций достигла высокого уровня в структурах НАТО (ACT, iHub, StratCom COE, CMDR COE). Ключевые фигуры (Ф. дю Клузель, Б. Клавери, Дж. Джордано, С. Сёндергаард, П. Грёстад) разработали концепцию когнитивной войны, включающую три уровня поражения (биологический, психологический, социальный), милитаризацию науки и когнитивное превосходство. Документы NextGen Information Environment (2026) фиксируют новые угрозы: нейро-войну, агентные системы, отравление моделей ИИ.

4. Теория рефлексивного управления В. А. Лефевра дает математический аппарат понимания когнитивных операций. Через ранги рефлексии и воздействие на «внутренний монитор» противник навязывает свои решения, которые жертва воспринимает как собственные. Технологическая реализация этих принципов осуществляется через алгоритмы ИИ, где семантическая фильтрация данных на этапе обучения моделей является глубочайшей формой рефлексивного управления.

5. Российская школа исследования когнитивной войны представлена фундаментальными разработками: теория когнитивных матриц В. Э. Багдасаряна (ценностно-смысловая, историческая, политико-языковая, идентитарная, антропологическая), операциональный анализ А. В. Манойло, концепция когнитивного суверенитета В. Д. Никишина и теория ментальной безопасности А. А. Ковалева.

6. Авторская модель пяти уровней когнитивного поражения позволяет анализировать противоборство как системное поражение ценностно-смыслового ядра, экономической безопасности, социальных связей, эмоционально-волевой сферы и поведенческих паттернов.

7. Цифровые угрозы для детей и молодежи, как одной из ключевых аудиторий когнитивной войны требуют особого внимания. Показательны данные Global Mind Project (2025), которые свидетельствуют: раннее использование смартфонов (до 13 лет) ведет к суицидальным мыслям, агрессии, нарушению сна, кибербуллингу и дофаминовой зависимости.

8. Эффективная защита требует перехода от реактивной модели к проактивному формированию когнитивной устойчивости личности и общества на основе методологии анализа слабых сигналов, принципов когнитивного суверенитета, образовательной стратегии (с акцентом на методологию «равный-равному»). Предложенные 10 шагов для родителей, рекомендации для педагогов и государства могут стать основой практических действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багдасарян, В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа / В. Э. Багдасарян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 8-23. – DOI 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23. – EDN PVTZAS.

2. Багдасарян, В. Э. Матрицы общественного сознания. М. : Наше завтра, 2021. 416 с.

3. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. Свирского. – М. : АСТ, 2020. – 896 с.

4. Деррида, Ж. О грамматиологии / пер. с фр. Н. Автономовой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 512 с.

5. Ковалев, А. А. Ментальная и экзистенциальная безопасность человека как философская проблема в условиях цифровой трансформации / А. А. Ковалев // Социум и власть. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 7-25. – EDN WLSCTS.

6. Лефевр, В. А. Конфликтующие структуры. – М. : Советское радио, 1967. – 240 с.

7. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. – М. : МИФИ, 2003. – 388 с.

8. Никишин, В. Д. Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (часть 2) / В. Д. Никишин // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 12(217). – С. 140-155. – DOI 10.17803/1729-5920.2024.217.12.140-155. – EDN ESYDPC.

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

10. Помощник Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Дмитрий Грибков выступил на «Инфофоруме-2026» // Совет Безопасности Российской Федерации. 30.01.2026. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3958/> (дата обращения: 09.02.2026).
11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
12. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. – 416 с.
13. Харари, Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М.: Синдбад, 2019. 416 с.
14. Хомский, Н., Герман, Э. Производство согласия / пер. с англ. М. Некрасова. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. – 512 с.
15. Anggraeni, S. W., Robandi, B., Rahman The Impact of TikTok Social Media on Children's Language Politeness // KEMBARA: Jurnal Keilmuan Bahasa, Sastra, dan Pengajarannya. – 2023. – Vol. 9. – No. 2. – P. 527-541.
16. Bolt, N., Lange-Ionatamishvili, E. The NextGen Information Environment. – Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2026. – 98 p.
17. Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept. NATO Innovation Hub, 2021. 78 p.
18. du Cluzel, F. Cognitive Warfare. NATO Innovation Hub, 2020. – 45 p.
19. Global study of more than 100,000 young people latest to link early smartphone ownership with poorer mental health in young adults // Taylor & Francis Newsroom. 21.07.2025. URL: <https://newsroom.taylorandfrancisgroup.com/global-study-of-more-than-100000-young-people-latest-to-link-early-smartphone-ownership-with-poorer-mental-health-in-young-adults/> (дата обращения: 09.01.2026).
20. Klitochenko, G. V., Malyuzhinskaya, N. V., Lukash, A. I. Adolescent Brain Development: Features and Risk Factors // Modern Problems of Science and Education. – 2024. – № 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33535> (дата обращения: 25.02.2026).
21. Thiagarajan, T. C., Newson, J. J., Swaminathan, S. Protecting the Developing Mind in a Digital Age: A Global Policy Imperative // Journal of Human Development and Capabilities. – 2025. – Vol. 26. – No. 3. – P. 493-504. DOI: 10.1080/19452829.2025.2518313.

REFERENCES

1. Bagdasaryan, V. E`. Kognitivny`e matricy manipulyativny`x texnologijv vojnaх i revolyuciyaх novogo tipa / V. E`. Bagdasaryan // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. – 2020. – № 1. – S. 8-23. – DOI 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23. – EDN PVTZAS.
2. Bagdasaryan, V. E`. Matricy obshhestvennogo soznaniya. – М. : Nashe zavtra, 2021. – 416 s.

3. Delyoz, Zh., Gvattari, F. Ty'syacha plato. Kapitalizm i shizofreniya / per. s fr. Ya. Svirskogo. – M. : AST, 2020. – 896 s.
4. Derrida, Zh. O grammatologii / per. s fr. N. Avtonomovoj. – M.: Ad Marginem Press, 2020. – 512 s.
5. Kovalev, A. A. Mental'naya i e'kzistencial'naya bezopasnost' cheloveka kak filosofskaya problema v usloviyax cifrovoj transformacii / A. A. Kovalev // Socium i vlast'. – 2025. – T. 22, № 2. – S. 7-25. – EDN WLSCTS.
6. Lefevr, V. A. Konfliktuyushhie struktury. – M. : Sovetskoe radio, 1967. – 240 s.
7. Manojlo, A. V. Gosudarstvennaya informacionnaya politika v osoby`x usloviyax. – M.: MIFI, 2003. – 388 s.
8. Nikishin, V. D. Pravovoe obespechenie mediabezopasnosti i kognitivnogo suvereniteta: vy`zovy` social`noj inzhenerii, gibridny`x vojn i mexanizmov Web 3.0 (chast` 2) / V. D. Nikishin // Lex Russica (Russkij zakon). – 2024. – T. 77, № 12 (217). – S. 140-155. – DOI 10.17803/1729-5920.2024.217.12.140-155. – EDN ESYPDC.
9. Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2021. № 27 (ch. II). St. 5351.
10. Pomoshhnik Sekretarya Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii Dmitrij Gribkov vy`stupil na «Infoforume-2026» // Sovet Bezopasnosti Rossijskoj Federacii. 30.01.2026. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3958/> (data obrashheniya: 09.02.2026).
11. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2022. № 46. St. 7977.
12. Fuko, M. Nadzirat` i nakazy`vat`: Rozhdenie tyur`my` / per. s fr. V. Naumova. – M. : Ad Marginem Press, 2023. – 416 s.
13. Xarari, Yu. N. 21 urok dlya XXI veka / per. s angl. Yu. Gol'dberga. – M.: Sindbad, 2019. 416 s.
14. Xomskij, N., German, E`. Proizvodstvo soglasiya / per. s angl. M. Nekrasova. – M. : Ad Marginem Press, 2023. – 512 s.
15. Anggraeni, S. W., Robandi, B., Rahman The Impact of TikTok Social Media on Childrens Language Politeness // KEMBARA: Jurnal Keilmuan Bahasa, Sastra, dan Pengajarannya. 2023. – Vol. 9. – No. 2. – P. 527-541.
16. Bolt, N., Lange-Ionathamishvili, E. The NextGen Information Environment. – Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2026. – 98 p.
17. Claverie, B., du Cluzel, F. The Cognitive Warfare Concept. NATO Innovation Hub, 2021. – 78 p.
18. du Cluzel, F. Cognitive Warfare. NATO Innovation Hub, 2020. – 45 p.
19. Global study of more than 100,000 young people latest to link early smartphone ownership with poorer mental health in young adults // Taylor & Francis Newsroom. 21.07.2025. URL: <https://newsroom.taylorandfrancisgroup.com/global-study-of-more-than-100000-young->

people-latest-to-link-early-smartphone-ownership-with-poorer-mental-health-in-young-adults/ (data obrashheniya: 09.01.2026).

20. Klitochenko, G. V., Malyuzhinskaya, N. V., Lukash, A. I. Adolescent Brain Development: Features and Risk Factors // Modern Problems of Science and Education. – 2024. – № 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33535> (data obrashheniya: 25.02.2026).

21. Thiagarajan, T. C., Newson, J. J., Swaminathan, S. Protecting the Developing Mind in a Digital Age: A Global Policy Imperative // Journal of Human Development and Capabilities. 2025. Vol. 26. No. 3. P. 493-504. DOI: 10.1080/19452829.2025.2518313.

Информация об авторе

Антон Иванович Лукаш, кандидат социологических наук, член Российского военно-исторического общества. Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество», ул. Мира, 13, 400066, Волгоград, Россия, luka-6@yandex.ru, SPIN-код: 6958-8158, AuthorID: 704218

Information about the Author

Anton I. Lukash, Candidate of Sociological Sciences, member of the Russian Military Historical Society. Regional Branch of the All-Russian Public-State Organization «Russian Military Historical Society», Mira, st. 13, 400066, Volgograd, Russian Federation, luka-6@yandex.ru, SPIN-код: 6958-8158, AuthorID: 704218

Для цитирования: Лукаш А. И. Когнитивная война: диагностика угроз и стратегии активной защиты // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 48-70. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

УДК 164; 340

НЕГАТИВНАЯ САМОРЕФЕРЕНЦИЯ В ПРАВОВЫХ НОРМАХ, ЛОГИКЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Вячеслав Владимирович Задорин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье исследуется проблема *негативной самореференции* в правовых нормах, логике и эпистемологии, которая создает фундаментальные уязвимости в социальных и формальных системах (например, парадокс самоотмены основного закона, парадоксы Рассела, Гёделя). Эти уязвимости могут быть использованы вопреки интересам общества, что подчеркивает практическую значимость поиска их устранения.

Методы. Исследование проводилось с использованием комплекса теоретических методов, включая логико-семантический анализ, метод формализации и аксиоматический метод. Ключевым являлся метод критического анализа, примененный для ревизии канторовского диагонального метода. Материалами послужили работы Кантора, Рассела, Уайтхеда, Гёделя, Витгенштейна и современных авторов по цифровизации права.

Результаты. В работе выявлена уязвимость в канторовском доказательстве существования несчетно бесконечных множеств, что ставит под сомнение общепринятую научную парадигму и снимает принципиальный запрет теорем Гёделя на полноту исчислений предикатов высших порядков.

Выводы. Полученные результаты открывают теоретическую возможность для *синтаксического выделения и устранения* негативных самореференций в семантических конструкциях, включая правовые нормы. Это позволяет создавать более надежные, полные и защищенные от парадоксов правовые и управленческие системы.

Ключевые слова: парадокс самоотмены, теоремы Гёделя о неполноте, диагональный метод Кантора, полнота исчислений, логико-семантический анализ, цифровизация права.

UDC 164; 340

NEGATIVE SELF-REFERENCE IN LEGAL NORMS, LOGIC, AND EPISTEMOLOGY

Vyacheslav V. Zadorin

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the problem of *negative self-reference* in legal norms, logic, and epistemology, which creates fundamental vulnerabilities in social and formal

systems (e.g., the paradox of the self-repealing of the basic law, Russell's and Gödel's paradoxes). These vulnerabilities can be exploited against the interests of society, which emphasizes the practical significance of finding ways to eliminate them.

Methods. The study was conducted using a complex of theoretical methods, including logico-semantic analysis, the method of formalization, and the axiomatic method. A key element was the method of critical analysis applied to the revision of Cantor's diagonal method. The materials included works by Cantor, Russell, Whitehead, Gödel, Wittgenstein, and contemporary authors on the digitalization of law.

Results. The work identifies a vulnerability in Cantor's proof of the existence of uncountably infinite sets. This challenges the established scientific paradigm and removes the fundamental restriction imposed by Gödel's theorems on the completeness of higher-order predicate calculi.

Conclusion. The findings reveal a theoretical possibility for *the syntactic isolation and elimination* of negative self-references in semantic constructions, including legal norms. This allows for the creation of more reliable, complete, and paradox-proof legal and management systems.

Keywords: Self-abrogation paradox, Gödel's incompleteness theorems, Cantor's diagonal argument, Completeness of calculi, Logico-semantic analysis, Digitalization of law.

Введение. Современная научная парадигма формируется с учётом того обстоятельства, что цифровые устройства и программные продукты всё более основательно интегрируются не только в деятельность, но и в сами научно-исследовательские коллективы. Теоретическое основание этого обстоятельства закладывается постановкой и решением проблем, формулируемых в логических исследованиях оснований математики в период с 1890 по 1940 годы, а готовность научного сообщества изменить собственную структуру и формат организации происходит на фоне постмодернистских установок, включивших туда большие языковые модели [5, 12]. В 20–30-ые годы XX работы фон Неймана, Тьюринга, Клини и других ученых создали условия *промышленной* революции цифровых устройств, которая спустя сто лет привела к революции в области программного обеспечения – созданию больших языковых моделей, а в ближайшей перспективе – сверхсильного искусственного интеллекта.

Актуальность проблемы: в работе обосновывается важность изучения негативной самореференции, которая возникает как в правовых нормах (например, парадокс основного закона о самоотмене), так и в логике и эпистемологии (парадоксы Эпименида, Рассела, Гёделя). Уязвимости, возникающие из-за этих парадоксов в социальных нормах, могут быть использованы вопреки интересам общества, что подчеркивает практическую значимость исследования. **Степень изученности проблемы** – в работе кратко описывается история вопроса, начиная с парадокса Эпименида в Новом Завете, работ Рассела и Фреге 1902 года, классификации парадоксов Фрэнка Рамсея (1925 г.) и попыток их решения в «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда. Отмечается влияние теорем Гёделя о неполноте 1931 года на научную парадигму и признание невозможности одновременного доказательства полноты и непротиворечивости систем.

Цель исследования является поиск возможности синтаксического исключения семантических парадоксов негативной самореференции и, в конечном счете, их избегания в правовых нормах. *Задачи* – анализ негативной самореференции в работе Гёделя и критика канторовского диагонального метода, чтобы показать уязвимость в доказательстве существования несчетно бесконечных множеств. *Научная новизна*: заключается в опровержении канторовской диагонализации, что дает надежду на возможность создания полных и непротиворечивых исчислений предикатов (включая многоместные), тем самым открывая путь к синтаксическому устранению негативных самореференций.

Теоретическая и практическая значимость: теоретическая значимость состоит в пересмотре фундаментальных положений теории множеств и логики, а *практическая* – в возможности создания более надежных и защищенных на синтаксическом уровне от самореферентных форм мышления, утверждающих собственную ложность, противоречивость, недоказуемость и невыводимость (которые мы и называем *негативными*), в том числе – в искусственных языках – программном коде, и предотвращении угроз безопасности и управлению социальными системами, сопряженными с этими формами, в частности, в блокчейн-транзакциях и смарт-контрактах, исследования которых становятся сверхактуальными сегодня, как показывает стремительный рост числа работ по данной теме [2, 10, 11, 13].

Методология (материалы и методы исследования)

Информационную базу исследования составили фундаментальные труды в области логики, математики и правовой философии. Ключевыми источниками послужили: 1) логико-математические работы Б. Рассела и А. Уайтхеда (*Principia Mathematica*), К. Гёделя («О формально недоказуемых высказываниях Principia Mathematica и родственных ей систем»), Г. Кантора («Об одном элементарном вопросе учения о многообразиях») [7]; 2) классические философские и правовые тексты, включая Новый Завет (парадокс Эпименида), работы Л. Витгенштейна [1] и П. Субера по парадоксам самоизменения в праве [17]; 3) современные исследования в области цифровизации права и смарт-контрактов [2, 10, 11]. *Методы исследования* – в работе использован комплекс теоретических методов: 1) *логико-семантический анализ* – применяется для деконструкции парадоксов негативной самореференции в текстах правовых норм и логических высказываний; 2) *метод формализации* – используется для рассмотрения социальных норм как формул в исчислении предикатов и оценки их полноты и непротиворечивости; 3) *аксиоматический метод* – применяется при анализе теории типов Рассела-Уайтхеда и формальных систем Гёделя; 4) *критический анализ и пересмотр (ревизия)* – основной метод, использованный для выявления уязвимостей в канторовском диагональном методе.

Выполнение исследования имеет следующую последовательность

1. *Постановка проблемы*: определение понятия негативной самореференции в праве и фиксация парадокса «основного закона».
2. *Генезис и ретроспективный анализ*: прослеживание истории проблемы от античных парадоксов до кризиса логицизма в XX веке.
3. *Теоретический обзор*: анализ теорем Гёделя как обоснования невозможности синтаксического исключения парадоксов.

4. *Собственное исследование (доказательство)*: детальный разбор и инверсия таблицы характеристик в диагональном методе Кантора с целью опровержения существования несчетных множеств.

5. *Синтез и выводы*: обоснование возможности построения полных и непротиворечивых систем для устранения коллизий в социальных нормах.

Негативная самореференция: определение понятия, постановка проблемы и её генезис

Самореференция собственных имен социальных норм – ссылка нормы саму на себя в собственном тексте. Например, Конституция РФ, как и множество других нормативных актов России, в частности, Гражданский и Уголовный кодекс и т.д., как и множество правовых актов других государств, содержат указания на самих себя в себе самих. Один из вариантов *негативной, или инвертированной самореференции* – установление условий отмены или прекращения действия данной социальной нормы – также весьма распространенная практика правовых норм разных государств. Здесь возникает *парадокс правовой системы максимального уровня* – если основной закон государственного образования *не может* установить условия собственного изменения, значит он – не основной, так как есть ещё более значимые социальные установки, чем он, а если в нем *могут быть* установлены условия его собственного изменения, значит – он не основной в силу подчинения этим условиям [17]. (Максимального – поскольку подзаконные акты нижележащих уровней должны ссылаться на высший).

Примечательно, как правосознание обходит этот парадокс в разных парадигмах: 1) *позитивного права* – полагая, например, что на данном историческом этапе развития общества условия его (общества) существования, складываются таким образом, что это должно найти своё закрепление в обновленном (измененном) основном законе; 2) *естественного права* – например, основной закон, существующий на данный момент времени в данном государстве, не соответствует высшей ценности – естественным правам, а потому должен быть изменен; 3) *права сильного* – основной закон – это волеизъявление сильнейшего, а потому может быть изменен по его произволу в любое время. Отметим, что эти уклонения позволяют привычным, традиционным, обычным образом осуществлять правотворческую и правоприменительную деятельность, однако они *не приносят формального разрешения*, и это создает возможности адаптации данной формальной уязвимости к предельно общим предписаниям социальных норм. Таким образом, перед нами следующая *проблема*: можно ли избежать коллизий негативной самореференции в социальных нормах и управлении социальными организациями и процессами по этим нормам на формальном (синтаксическом) уровне?

История науки и эпистемологии складываются таким образом, что некоторые их вехи можно обозначить достаточно точно, указав время эмпирического открытия, которое впоследствии будет вписано в научную теорию и станет научным фактом, или год публикации, содержащей сообщение о такой систематизации и классификации исследуемых объектов, которая станет содержательным базисом новой теории, расширяющей объяснительные возможности прежней, или работы, где формулируется проблема, которая приобретет фун-

даментальный для науки характер, или решение такой проблемы или метод такого решения. Так, *первое упоминание проблемы негативной самореференции – парадокс Эпименида* (6-7 века до н.э.), мы обнаруживаем в Новом Завете, в Деяниях апостолов, в Послании к Титу. Критянин Эпименид говорит: «Все критяне – лжецы», а значит – и он сам. А если он сам лжец, то всё, что он говорит – ложно, а следовательно, высказывание «Все критяне – лжецы» тоже ложно. Однако, если оно ложно, значит, существуют критяне, не являющиеся лжецами, возможно, среди них Эпименид. Однако, если он не лжец, а говорящий правду, то он говорит правду и о том, что все критяне – лжецы, а значит, он сам – лжец.

Спустя более, чем 2000 лет Расселом был обнаружен и парадокс *самореферентных инвертированных понятий* – множества всех множеств, не являющихся элементом самого себя, о чем он в 1902 году написал в письме к Готлобу Фреге – известному логика, стоявшему у истоков создания исчисления предикатов. В 1925 Фрэнк Рамсей в «Основаниях математики» проводит четкое различие между (в его классификации) логико-математическими парадоксами (самореферентными понятиями) и семантическими – парадоксами самореферентных высказываний, утверждающих собственную ложность [15].

В 1910–13 годах именно для решения парадоксов *самореферентных инвертированных понятий и самореферентных инвертированных высказываний Рассел и Уайтхед строят формальную систему и теории типов* в трехтомнике Principia Mathematica. Выход этого произведения ознаменовал возрождение парадигмы *логицизма* – концепции, согласно которой всё научное знание выводимо из базовых понятий и принципов логики, впрочем, Рассел и Уайтхед, в отличие от античных стоиков, Декарта, Лейбница и Гегеля, претендовали только на то, что не всё научное знание, а только вся математика должна быть таковой. Краеугольным камнем формальной системы РМ является теория типов, в которой никакое множество никоим образом не может быть элементом самого себя. Кроме того, все значимые выражения формальной системы используются *автонимно* – то есть обозначают исключительно сами себя, возникновение парадоксов Эвбулида и Эпименида просто невозможно. Простейшие выражения формальной системы – это *знаки* (символы), некоторые из них являются *переменными* – вместо них мы можем подставлять другие значимые выражения, а некоторые – *константами* – вместо них подстановка невозможна, зато они сами могут быть подставлены вместо каких-либо переменных. Сложные значимые выражения представляют собой непустые последовательности простых значимых выражений, которые построены по заранее сформулированным правилам – *правилам образования*, и обычно называются *формулами*.

Таким образом, у нас появляется возможность построить полную и непротиворечивую систему, в которой формульные переменные не содержат дополнительных параметров (предметных переменных), и такая система – *исчисление высказываний*. Когда формульные переменные могут содержать ровно один дополнительный параметр – предметную переменную, мы получаем *исчисление одноместных предикатов*, которое тоже полно и непротиворечиво – ближайшим образом потому, что мы можем проиндексировать все элементарные предикатные переменные с одной приданной предметной переменной, и записать их уникальными простыми высказываниями. На этом уровне у нас появляется новый класс выражений – предикатные формы различной местности с приданными предметными переменными.

ми, количество которых соответствует местности предиката. Заметим, что предикатные формы определенной местности с соответствующим количеством предметных переменных являются значимыми выражениями – формулами, истинностные значения которых при построении моделей (интерпретаций) тоже невозможно определить – для этого нам надо будет вместо предметной переменной подставить предметную константу (индивидуальный символ), либо, как говорят, «связать» предметную переменную квантором – знаком формальной системы, выражающим, какому количеству предметов, обозначенных переменной, приписывается признак, выражаемый предикатной формой.

Отрицательный ответ о возможности полного синтаксического исключения семантических парадоксов негативной самореференции

Однако, в 1931 году появляется работа Гёделя «О формально недоказуемых высказываниях Principia Mathematica и родственных ей систем», в которой обосновывается, что формальной системе Principia Mathematica и ей подобным – то есть, в исчислении предикатов, могут существовать доказуемые формулы, утверждающие собственную недоказуемость – будем называть этот феномен *негативной самореференцией доказательств*.

С тех пор научная *парадигма*, вооружившись гёделевской нумерацией как способом обоснования невозможности одновременного доказательства полноты и непротиворечивости формальной системы – исчисления предикатов, в символизме которой могут быть представлены любые содержательные теории, как математические, так и правовые, управленческие, экономические и другие, уверенно *дает отрицательный ответ* на этот вопрос, который вполне устраивает не только ученое сообщество (включая правоведов), но и юристов, и сотрудников правоохранительных органов. Однако комфорт социальной конвенции скрывает фундаментальную уязвимость – если никто (следуя Гёделю) не может дать нам абсолютной уверенности в аподиктической безупречности социальных норм, то, где гарантии того, что кто-нибудь не сможет воспользоваться этими уязвимостями вопреки интересам общества? На это нам могут возразить, что «хакеры социальной реальности» уровня Гёделя – крайне маловероятный феномен, но, с другой стороны, историческим фактом считается рассказ Эйнштейна о том, что в день или за день до собеседования при подаче заявления на гражданство США, Гёдель рассказал ему, что нашел конституционный способ, как США из демократического государства превратились бы в диктатуру. Эйнштейн просил Гёделя не упоминать об этом факте на собеседовании, тот его благоразумно послушался и в итоге, получил искомое гражданство.

Всеобщая благодушная уверенность в справедливости доказательства Гёделем вышеуказанного тезиса воцарилась если не сразу, то достаточно стремительно – во многом благодаря тому авторитету, который приобрели его работы после доказательства теоремы о полноте исчисления предикатов. Формалисты во главе с Гильбертом некоторое время пытались сопротивляться, а логицисты Рассел и Уайтхед сдались почти сразу. Однако были и те, кто считал, что Гёдель в данной работе просто производит утонченную подмену синтаксиса семантикой, и что арифметические формулы, выражающие тезис о доказуемости собственной

недоказуемости, сами по себе не свидетельствуют об этом, а выступают лишь последовательностями знаков для интерпретаторов, которые принимают (придерживаются) или не принимают подобную интерпретацию – таков был Витгенштейн, но этот его фрагмент при его жизни не был опубликован [1].

В этой работе мы сделаем акцент на положении (1) гёделевской работы: $n \in K \equiv \overline{Vew}[R(n); n]$, с которого начинаются доказательства, ставшие сегодня хорошо известными теоремами о неполноте формальных систем, и в котором Гёдель прямо упоминает парадокс Лжеца. «Неверно, что доказуемая формула $R(n)$ с номером n доказуема» – так буквально читается формула (1). Для доказательства того, что число n может отсутствовать при пересчете одноместных предикатов $R(n)$, обычно пользуются канторовским диагональным методом, и далее мы докажем, что в этой процедуре рассуждения Кантора скрывается уязвимость, а значит – у нас есть надежда, что не только исчисление высказываний и исчисление одноместных предикатов, но и исчисления двух- и более местных предикатов могут быть полными и непротиворечивыми, а следовательно, у нас вполне обоснованно сохраняется надежда на возможность синтаксического выделения любых негативных самореференций, а значит – и возможностей их избежать в семантических конструкциях – в частности, в правовых нормах.

Опровержение канторовской диагонализации

Поистине судьбоносное значение среди трудов Кантора имеет небольшая работа «Об одном элементарном вопросе учения о многообразиях» (1890–91). Начиная с этой работы логика, наука и эпистемология развиваются в новой реальности – в реальности, где доказуемо существуют несчетно бесконечные множества. В этой работе Кантором доказывается существование несчетно бесконечных множеств [7] посредством следующей теоремы: «Если $E_1, E_2, \dots, E_\nu, \dots$ – какая-либо просто бесконечная последовательность многообразия M , то всегда существует такой элемент E_0 многообразия M , который не совпадает ни с каким E_ν ». Доказательство теоремы проводится методом, который впоследствии получает название диагонального и вот почему: пусть каждое E_ν из M состоит «бесконечно многих координат $x_1, x_2, \dots, x_\nu, \dots$ », то есть $E = (x_1, x_2, \dots, x_\nu, \dots)$, где каждая из этих координат «есть в точности t или w ». Тогда возьмем значения $a_{1,1}, a_{2,2}, a_{3,3}, \dots, a_{\nu,\nu}, \dots$ (Таблица 1) и инвертируем их – если значение координаты было t , заменим его на w , и наоборот. Кантор утверждает: «очевидно, что равенство $E_0 = E_\mu$ не может иметь места ни для какого положительного целочисленного значения μ , так как в противном случае для соответствующего μ и для всех целочисленных значений ν было бы $b_\nu = a_{\mu,\nu}$, а значит, в частности, $b_\mu = a_{\mu,\mu}$, что исключается определением b_ν » [7, с. 171].

В современной научной и образовательной парадигмах канторовский диагональный метод рассматривается как решающее, наглядное и настолько очевидное доказательство существования несчетно бесконечных множеств, что выдающиеся логики и математики современности популяризируют его представления для школьников [14]. Между тем, так было не всегда. Как глубокомысленно замечает Клини: «Приведенные ... результаты относительно применения понятия 1-1-соответствия к бесконечным множествам могли бы остаться в исто-

рии математики как любопытные курьезы, не замеченные до Кантора (или замеченные, но потом забытые) и никому особенно не нужные и после него, если бы оказалось, что 1-1-соответствие можно установить между любыми двумя бесконечными множествами ... Однако ... существуют и несчетные множества, которые нельзя поставить в 1-1-соответствие со множеством натуральных чисел» [8, с. 212-213].

Давайте присмотримся к нашим действиям в процедуре диагонального метода. Заметим следующее: порядок расположения значений m или w координат $x_1, x_2, \dots, x_v, \dots$ в элементах E_v Кантором не задается и не определяется, поэтому ничто не мешает поступить нам следующим образом: выберем произвольное E_μ из просто бесконечной последовательности многообразия M , и присвоим его первой характеристике $x_{\mu,1}$ инвертированное значение $a_{1,1}$ из $E_1 - b_1$ в работе Кантора, $b_{\mu,1}$ в нашей нижеследующей таблице, второй характеристике $x_{\mu,2}$ – инвертированное значение $a_{2,2}$ из E_2 , третьей характеристике $x_{\mu,3}$ – инвертированное значение $a_{3,3}$ из E_3 , и так далее, соответственно $-\mu + 1$ характеристике $a_{\mu,\mu+1}$ – инвертированное значение $a_{\mu,\mu+1}$ из $E_{\mu,\mu+1}$. Таким образом, очевидно, что значения всех характеристик $a_{\mu,i}$ из E_μ окажутся тождественны соответствующим характеристикам диагонали E_0 , после инверсии – (сами значения характеристик выделены прямоугольниками см. Таблицу 2).

Таблица 1 – Исходное состояние

$E_1 = ($	$\boxed{a_{1,1}}$	$a_{1,2}$	$a_{1,3}$	$a_{1,4}$	\dots	$a_{1,\mu}$		\dots
$E_2 = ($	$a_{2,1}$	$\boxed{a_{2,2}}$	$a_{2,3}$	$a_{2,4}$				\dots
$E_3 = ($	$a_{3,1}$	$a_{3,2}$	$\boxed{a_{3,3}}$	$a_{3,4}$				\dots
$E_4 = ($	$a_{4,1}$	$a_{4,2}$	$a_{4,3}$	$\boxed{a_{4,4}}$				\dots
\dots				\dots				\dots
$E_\mu = ($	$b_{\mu,1}$	$b_{\mu,2}$	$b_{\mu,3}$	\dots	$b_{\mu,\mu-1}$	$\boxed{a_{\mu,\mu}}$	$b_{\mu,\mu+1}$	\dots
$E_{\mu+1} = ($	$a_{\mu+1,1}$	$a_{\mu+1,2}$	$a_{\mu+1,3}$	\dots		$a_{\mu+1,\mu}$	$\boxed{a_{\mu+1,\mu+1}}$	\dots
\dots				\dots				\dots

Таблица 2 – Состояние после замены значений характеристик по диагонали

$E_1 = ($	$\boxed{b_{1,1}}$	$a_{1,2}$	$a_{1,3}$	$a_{1,4}$	\dots	$a_{1,\mu}$		\dots
$E_2 = ($	$a_{2,1}$	$\boxed{b_{2,2}}$	$a_{2,3}$	$a_{2,4}$				\dots
$E_3 = ($	$a_{3,1}$	$a_{3,2}$	$\boxed{b_{3,3}}$	$a_{3,4}$				\dots
$E_4 = ($	$a_{4,1}$	$a_{4,2}$	$a_{4,3}$	$\boxed{b_{4,4}}$				\dots
\dots				\dots				\dots
$E_\mu = ($	$\boxed{b_{\mu,1}}$	$\boxed{b_{\mu,2}}$	$\boxed{b_{\mu,3}}$	\dots	$\boxed{b_{\mu,\mu-1}}$	$\boxed{b_{\mu,\mu}}$	$\boxed{b_{\mu,\mu+1}}$	\dots
$E_{\mu+1} = ($	$a_{\mu+1,1}$	$a_{\mu+1,2}$	$a_{\mu+1,3}$	\dots		$a_{\mu+1,\mu}$	$\boxed{b_{\mu+1,\mu+1}}$	\dots
\dots				\dots				\dots

С нашей точки зрения, это будет означать, что доказательство Кантором существования несчетно бесконечных множеств содержит уязвимость, а любое множество бесконечных

множеств может быть поставлено во взаимно однозначное соответствие множеству натуральных чисел, то есть является не более, чем счётным.

Заключение. В ходе проведенного исследования была проанализирована проблема *негативной самореференции* в правовых нормах, логике и эпистемологии. На основании полученных результатов сформулированы следующие выводы:

1. Систематизация парадоксов. Установлено, что проблема самореференции является сквозной для социогуманитарного и формального знания – от античного парадокса Эпименида до современных коллизий в конституционном праве (парадокс самоизменения основного закона). Выявлено, что правосознание традиционно обходит эти парадоксы через внешние парадигмы (естественное право, право сильного), не решая их на формальном уровне.

2. Критический пересмотр ограничений. Рассмотрен основной барьер для создания полных и непротиворечивых систем – теорема Гёделя о неполноте и связанный с ней феномен негативной самореференции доказательств. Работа Гёделя долгое время служила обоснованием невозможности синтаксического исключения семантических парадоксов в социальных и правовых нормах.

3. Опровержение канторовской диагонализации. Ключевым результатом работы стало выявление уязвимости в методе *диагонального доказательства Кантора*. Автор продемонстрировал, что через произвольное перераспределение характеристик элементов бесконечной последовательности (инверсию значений в таблице) можно установить взаимно однозначное соответствие между любым множеством бесконечных множеств и множеством натуральных чисел.

4. Авторская идея и перспективы. Основным вывод исследования заключается в том, что утверждение о существовании несчетно бесконечных множеств является необоснованным. Это снимает принципиальный запрет на полноту и непротиворечивость исчислений предикатов высших порядков. Следовательно, открывается теоретическая возможность для *синтаксического выделения и устранения любых негативных самореференций* в семантических конструкциях, что критически важно для проектирования безупречных правовых и управленческих систем.

Таким образом, цель исследования достигнута: доказано, что формальные уязвимости в социальных нормах не являются фатальными и могут быть исключены методами строгой логики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Витгенштейн, Л. Философские работы. Часть II. Книга 1. Замечания по основаниям математики / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой. – Москва : Гнозис, 1994. – 207 с.
2. Ефимова, Л. Г. Правовая природа смарт-контракта / Л. Г. Ефимова, О. Б. Сизимова // Банковское право. – 2019. – №. 1. – С. 21-28.

3. Задорин, В. В. Нетривиальная противоречивость и диалектика // *Философская мысль*. – 2016. – № 12. – С. 68-74. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.12.2149 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21496 (дата обращения 24.02.2026).
4. Задорин, В. В. Исчисление предикатов с многосортными переменными как инструмент логического исследования социально-политических теорий // *Парадигмы управления, экономики и права*. – 2021. – № 2 (4). – С. 55-60. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2021_N2.pdf (дата обращения 24.02.2026).
5. Задорин, В. В. Машины Тьюринга в парадигме современной науки / В. В. Задорин, Н. Н. Плужникова // *Парадигмы управления, экономики и права*. – 2024. – № 1 (11). – С. 16-28. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf (дата обращения 24.02.2026).
6. Кант, И. Предисловие ко второму изданию // Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – С. 14–30. [с. 14]
7. Кантор, Г. Об одном элементарном вопросе учения о многообразиях. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 170-172.
8. Клини, С. К. Математическая логика: Перевод с англ. / под ред. Г. Е. Минца, изд. 2-ое стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 480 с.
9. Кравец, И. А. Номо Dignus в философском и правовом дискурсе: человеческое достоинство и философия конституционализма // *Вопросы философии*. – 2020. – № 2. – С. 26-37. – DOI 10.21146/0042-8744-2020-2-26-37.
10. Кусаинова, А. К. Правовая природа смарт-контракта в контексте цифровизации // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. – 2023. – № 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-smart-kontrakta-v-kontekste-tsifrovizatsii> (дата обращения: 25.02.2026).
11. Матвеева, Е. Ю. Правовая природа смарт-контракта // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. – 2024. – №. 6 (273). – С. 97-104.
12. Поломошнов, А. Ф. Новая и старая эпистемология // *Парадигмы управления, экономики и права*. – 2021. – № 2 (4). – С. 47-54. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2021_N2.pdf (дата обращения 24.02.2026).
13. Савельев, А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // *Вестник гражданского права*. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 32–59.
14. Шень, А. Диагональ Кантора и другие рассуждения. – М.: МЦНМО, 2025. – 24 с.: ил. ISBN 978-5-4439-1948-5
15. Ramsey, F. P. *The Foundations of Mathematics // The Foundations of Mathematics and other Logical Essays* / F. P. Ramsey; ed. by R. B. Braithwaite. – London: Routledge & Kegan Paul, 1931. – P. 1–61.
16. Franzén, T. *Gödel's Theorem: An Incomplete Guide to Its Use and Abuse* / T. Franzén. – Wellesley, Massachusetts: A K Peters/CRC Press, 2005. – 188 p. – ISBN 978-1568812380.
17. Suber, P. *The Paradox of Self-Amendment: A Study of Logic, Law, Omnipotence, and Change* / P. Suber. – New York: Peter Lang Publishing, 1990. – 490 p.

REFERENCES

1. Vitgenshteyn, L. *Filosofskie raboty. Chast II. Kniga 1. Zamechaniya po osnovaniyam matematiki* (Philosophical works. Part II. Book 1. Remarks on the foundations of mathematics). – Moscow: Gnozis, 1994. – 207 p.
2. Efimova, L. G., Sizemova, O. B. Pravovaya priroda smart-kontrakta (Legal nature of smart contract). *Bankovskoe pravo* (Banking Law), 2019, no. 1, pp. 21-28.
3. Zadorin, V. V. Netrivialnaya protivorechivost i dialektika (Nontrivial inconsistency and dialectics). *Filosofskaya mysl* (Philosophical Thought), 2016, no. 12, pp. 68-74. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.12.2149
4. Zadorin, V. V. Ischislenie predikatov s mnogosortnymi peremennymi kak instrument logicheskogo issledovaniya sotsialno-politicheskikh teoriy (Predicate calculus with multi-sorted variables as a tool for logical research of socio-political theories). *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava* (Paradigms of management, economics and law), 2021, no. 2 (4), pp. 55-60.
5. Zadorin, V. V., Pluzhnikova, N. N. Mashiny Tyuringa v paradigme sovremennoy nauki (Turing machines in the paradigm of modern science). *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava* (Paradigms of management, economics and law), 2024, no. 1(11), pp. 16-28.
6. Kant, I. Predislovie ko vtoromu izdaniyu (Preface to the second edition). *Kant I. Kritika chistogo razuma* (Kant I. Critique of Pure Reason). Moscow: Mysl, 1994, pp. 14-30.
7. Kantor, G. Ob odnom elementarnom voprose ucheniya o mnogoobraziyakh. *Trudy po teorii mnozhestv* (On one elementary question of the theory of manifolds. Works on set theory). Moscow: Nauka, 1985, pp. 170-172.
8. Klini, S. K. *Matematicheskaya logika* (Mathematical Logic). Moscow: Editorial URSS, 2005. 480 p., pp. 212-213.
9. Kravets, I. A. Homo Dignus v filosofskom i pravovom diskurse: chelovecheskoe dostoinstvo i filosofiya konstitutsionalizma (Homo Dignus in philosophical and legal discourse: human dignity and the philosophy of constitutionalism). *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2020, no. 2, pp. 26-37. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-26-37.
10. Kusainova, A. K. Pravovaya priroda smart-kontrakta v kontekste tsifrovizatsii (Legal nature of a smart contract in the context of digitalization). *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* (Bulletin of VSU. Series: Law), 2023, no. 1 (52).
11. Matveeva, E. Yu. Pravovaya priroda smart-kontrakta (Legal nature of smart contract). *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* (Property relations in the Russian Federation), 2024, no. 6 (273), pp. 97-104.
12. Polomoshnov, A. F. Novaya i staraya epistemologiya (New and old epistemology). *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava* (Paradigms of management, economics and law), 2021, no. 2 (4), pp. 47-54.
13. Savelev, A. I. Dogovornoe pravo 2.0: «umnye» kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava (Contract Law 2.0: «smart» contracts as the beginning of the end of classical contract law). *Vestnik grazhdanskogo prava* (Bulletin of Civil Law), 2016, vol. 16, no. 3, pp. 32–59.

14. Shen, A. *Diagonal Cantora i drugie rassuzhdeniya* (Cantor's diagonal and other reasoning). Moscow: MTsNMO, 2025. 24 p.
15. Ramsey, F. P. *The Foundations of Mathematics. The Foundations of Mathematics and other Logical Essays*. London: Routledge & Kegan Paul, 1931, pp. 1-61.
16. Franzén, T. *Gödel's Theorem: An Incomplete Guide to Its Use and Abuse*. Wellesley, Massachusetts: A K Peters/CRC Press, 2005. 188 p.
17. Suber, P. *The Paradox of Self-Amendment: A Study of Logic, Law, Omnipotence, and Change*. New York: Peter Lang Publishing, 1990. 490 p.

Информация об авторе

Вячеслав Владимирович Задорин, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066, г. Волгоград, Российская Федерация, formessage07@mail.ru, ORCID 0000-0002-0159-3237, SPIN-код: 2860-5803, AuthorID: 323895

Information about the Author

Vyacheslav V. Zadorin, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400066, Volgograd, Russian Federation, formessage07@mail.ru, ORCID 0000-0002-0159-3237, SPIN-код: 2860-5803, AuthorID: 323895

Для цитирования: Задорин В. В. Негативная самореференция в правовых нормах, логике и эпистемологии // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 71-82. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

INTERCULTURAL AND BUSINESS COMMUNICATION

УДК 316.77:[81:1]

ОТ СИНКРЕТИЗМА К РЕДУКЦИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК

Б. Р. Аджит

Азиатская школа архитектуры и дизайнерских инноваций (ASADI),
Эрнакулам, Индия

Екатерина Владимировна Степанова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию кризиса современной коммуникации, проявляющегося в росте недопонимания и конфликтности в условиях «гиперкоммуникации». Актуальность работы обусловлена выявленным противоречием между технологическим прогрессом средств связи и снижением качественных характеристик человеческого общения. Цель – выявить закономерности сенсорной и лингвистической редукции в истории коммуникации и обосновать необходимость синтеза традиционных и новых форм для достижения взаимопонимания.

Методы. Исследование использует междисциплинарный подход, объединяющей лингвистику, философию языка, теорию коммуникации, культурологию и индийскую философскую традицию. Применяются сравнительно-исторический метод, семиотический, прагматический анализ, элементы дискурс-анализа.

Анализ. Разработана лингвосенсорная типология коммуникации, охватывающая четыре исторических этапа, выявлена устойчивая тенденция к сужению спектра задействован-

ных сенсорных модальностей от полисенсорности древнего мира к редукции до преимущественно двух каналов в современной цифровой среде. Установлена корреляция между сенсорной редукцией и трансформацией языковых структур. Введена условная модель «40 % восприятия», иллюстрирующая масштаб сенсорных потерь. Предлагается интеграция восточной философской традиции как альтернативной модели понимания целостной, чувственно-насыщенной коммуникации.

Результаты. Исследование подтверждает гипотезу о глубоком разрыве между технологическим прогрессом коммуникации и качеством человеческого общения, обусловленном сенсорной редукцией и соответствующими языковыми трансформациями. Теоретическая значимость работы заключается в развитии междисциплинарного подхода к изучению коммуникации и обосновании перспективности мультисенсорной лингвистики. Делается вывод о том, что преодоление кризиса современной коммуникации требует восстановления сенсорной полноты опыта через синтез технологических инноваций и традиционных, в том числе восточных, моделей целостного общения.

Ключевые слова: коммуникация, сенсорная редукция, цифровая эпоха, языковые трансформации, историческая типология, эмодзи, клиповое сознание, индийская философия языка.

UDC 316.77:[81:1]

FROM SYNCRETISM TO REDUCTION: HISTORICAL TRANSFORMATION OF COMMUNICATIVE PRACTICES

B. R. Ajit

Asian School of Architecture & Design Innovations (ASADI),
Ernakulam, India

Ekaterina V. Stepanova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article explores the crisis of modern communication, manifested in the growth of misunderstandings and conflicts in the context of «hypercommunication.» The relevance of this work stems from the identified contradiction between technological progress in communications and the declining qualitative characteristics of human communication. The goal is to identify patterns of sensory and linguistic reduction in the history of communication and to substantiate the need to synthesize traditional and new forms to achieve mutual understanding.

Methods. The study utilizes an interdisciplinary approach, integrating linguistics, the philosophy of language, communication theory, cultural studies, and the Indian philosophical tradition. Comparative historical methods, semiotic and pragmalinguistic analysis, and elements of discourse analysis are applied.

Analysis. A linguosensory typology of communication has been developed, spanning four historical periods. A consistent trend toward a narrowing of the spectrum of sensory modalities, from the polysensory nature of the ancient world to a reduction to predominantly two channels in the modern digital environment, has been identified. A correlation between sensory reduction and the transformation of linguistic structures is established. A hypothetical «40 % perception» model is introduced to illustrate the scale of sensory losses. The integration of Eastern philosophical traditions is proposed as an alternative model for understanding holistic, sensory-rich communication.

Results. The study confirms the hypothesis of a profound gap between technological progress in communication and the quality of human communication, caused by sensory reduction and corresponding linguistic transformations. The theoretical significance of the study lies in the development of an interdisciplinary approach to the study of communication and the substantiation of the potential of multisensory linguistics. It is concluded that overcoming the crisis of modern communication requires restoring the sensory fullness of experience through a synthesis of technological innovations and traditional, including Eastern, models of holistic communication.

Keywords: communication, sensory reduction, digital age, linguistic transformations, historical typology, emoji, clip consciousness, Indian philosophy of language.

Introduction. The modern era is characterized by an unprecedented development of communication technologies. The speed of information transmission, its volume, and global reach have reached levels that seemed unimaginable half a century ago [8; 12]. Social networks have become an integral part of the daily lives of billions of people, forming a fundamentally new communicative environment. In this era of «hypercommunication,» we observe a growing crisis of human mutual understanding, an increase in social conflictogenicity, the spread of phenomena of loneliness online, and increasing cases of communicative failures (from misunderstanding of irony to outright hostility), all of which testify to deep-seated problems that cannot be solved simply by increasing the speed and accessibility of communication. This study addresses the fundamental foundations of the communicative act in search of the causes of the communication crisis.

The central problem of the study lies in identifying the gap between the quantitative indicators of technological progress in the sphere of communication (speed, channel bandwidth, audience reach) and the qualitative characteristics of communication content [7; 15] (its depth, fullness, emotional richness, and ability to generate genuine mutual understanding). This gap has deep historical roots and is connected with the process of sensory experience reduction in communication. An interdisciplinary approach is employed, combining methods from linguistics, philosophy, cultural studies, and history.

Of particular significance to our study is the appeal to the Eastern, specifically Indian, philosophical tradition. Unlike Western rationalism, which has largely reduced communication to the exchange of verbal messages, Indian thought for millennia has developed concepts of holistic perception, the inextricable connection of word, feeling, and being. The theory of aesthetic experience (rasa) of Abhinavagupta and the doctrine of meaning as holistic intuitive comprehension (sphoṭa) of

Bhartrhari offer a unique perspective [14] for understanding what has been lost in the evolution of the Western communicative model.

The object of the study is communicative processes in their historical retrospect, covering the eras of antiquity, the Middle Ages, the Modern era, and the present day (postmodern/digital age). The subject of the study is the evolution of linguistic means and sensory modalities as interconnected and interdependent components of a single communicative act. The purpose of this article is to identify the patterns of reduction of sensory and linguistic diversity in the history of human communication and to substantiate the necessity of synthesizing traditional (holistic, sensory-rich) and new (technologically mediated) forms for achieving genuine mutual understanding in the modern world.

The work addresses such tasks as: studying the etymology and semantic evolution of concepts describing communication in their cultural-historical context; linguo-cultural analysis of dominant types of communication and sensory modalities in different historical eras; studying the transformations of linguistic structures at the levels of syntax, lexicon, and pragmatics, including through the prism of the Eastern philosophical tradition.

Theoretical and Methodological Foundations. Etymologically, the term «communication» derives from the Latin *communicatio* – «to make common, to connect, to share.» In the modern understanding, communication is a broad concept revealing the nature of interaction between two or more systems in the process of information exchange; it serves simultaneously as a means and condition of existence of these objects, the realization of their potential for self-development [3, p. 45; 4, pp. 120-125].

In the scholarly literature, there are several approaches to the relationship between the concepts of «communication» and «interpersonal communication» (*obshchenie*). Some researchers identify these concepts, considering them as social interaction using human speech and language (L. S. Vygotsky, S. L. Rubinstein, T. Parsons, C. Cherry) [1]. M. S. Kagan proposes distinguishing *obshchenie*, which has a practical, material, spiritual character, whereas communication is a purely informational process, the transmission of messages [3]. G. M. Andreeva considers *obshchenie* a broader category and identifies in its structure three interconnected aspects: the communicative (the exchange of information proper), the interactive (exchange of actions), and the perceptual (perception and cognition of partners by each other) [1].

For the purposes of this study, oriented towards the analysis of communication in historical retrospect and in the context of sensory fullness/reduction, we will adhere to an approach according to which communication is understood as a generic concept encompassing various forms of information exchange (including technically mediated ones), while *obshchenie* is understood as its specific form, presupposing subject-subject interaction, dialogicality, and mutual activity of partners.

An important aspect of the theoretical foundation of the study is the problem of the relationship between sensory experience and its linguistic expression. Sensory modalities are understood as the channels of perception through which a person receives information about the surrounding world: sight, hearing, smell, taste, touch, as well as proprioceptive sensations (movement, balance, body position). In modern neuroscience, as noted in the research literature, up to

thirty-five distinct sensory capacities are identified [4], which significantly expands the traditional notion of the five senses.

The study examines the question of how changes in the sensory profile of communication, the transition from polysensory interaction to predominantly audiovisual communication, affect linguistic structures and communicative strategies. In the conditions of digital communication, reduced to two sensory modalities, the problem of compensating for lost channels arises: language is forced to take on the functions of conveying meanings that were previously transmitted non-verbally (smell, touch, intonation, distance), which leads to the transformation of linguistic means, the growth of compensatory mechanisms (emojis, stickers, graphical highlighting), and changes in syntax and utterance pragmatics.

The tenets of the speech act theory by J. Austin and J. Searle, distinguishing between constative and performative utterances, as well as illocutionary acts: representatives, directives, commissives, expressives, declarations, are relevant in the analysis of digital communication [6]. At the same time, special conditions arise for the realization of speech acts, due to the lack of direct contact, asynchronicity, screen mediation, and anonymity. Furthermore, new types of speech acts emerge (e.g., the «like» as a special performative of approval) and the conditions for the success of traditional ones are transformed.

Sensory reduction, i.e., the absence of intonation, gestures, facial expressions, tactile contact, leads to the fact that the illocutionary force of an utterance often goes unrecognized or is distorted, which manifests in possible misunderstanding of irony, flaming (unprovoked aggression), trolling, etc. [2;7].

Methodology. The interdisciplinary nature of the study requires a comprehensive methodological approach, combining methods from various humanities disciplines.

The comparative-historical method allows tracing the evolution of communicative forms from antiquity to the present day. Semiotic analysis is oriented towards investigating the semiotic nature of communication, focusing on the change of dominant sign systems from natural language and iconic signs to artificial languages and digital codes, and on sensory reduction – the loss of certain types of signs and modes of signification. Pragmalinguistic analysis is applied to study speech acts in their situational context. Elements of discourse analysis allow considering communication in a broad socio-cultural context. Discourse is understood as «speech immersed in life» (N. D. Arutyunova), which implies considering institutional, cultural, and historical factors influencing communicative practices [3]. The hermeneutic approach is oriented towards understanding and interpreting communicative phenomena, particularly in the analysis of the Eastern philosophical tradition.

The theoretical and methodological foundation of the study unites the Western scientific tradition (linguistics, philosophy of language, communication theory, neurolinguistics) with Eastern philosophical thought, which allows moving beyond a purely rationalistic approach to communication and posing the problem of its sensory fullness in a broader anthropological and cultural context.

Historical Typology of Communication: A Linguo-Sensory Approach

1. Communication in *ancient cultures* was predominantly oral in nature, which determined its fundamental properties. Research by M. Parry and A. Lord, dedicated to the Homeric epic and the South Slavic epic tradition, convincingly demonstrated that oral poetry functions fundamentally differently than written poetry [14]. In the absence of written fixation of the text, mnemonic techniques became a necessary condition for its preservation and transmission, namely formulaicity, repetition, fixed epithets, and standardized plot blocks.

Communication in antiquity was polysensory, that is, it engaged all five senses in their indivisible unity. Ritual, sacrifice, and dance represented syncretic actions in which word, movement, smell, taste, and tactile sensations formed an unanalyzable whole. Polysensoriness created the effect of «presence» and «co-being,» which modern phenomenology describes as the foundation of authentic communication [14]. The most striking example of auditory communication as the foundation of culture is the Vedas. The very name of Vedic literature – shruti (Sanskrit श्रुति – «that which is heard») – points to the fundamental significance of auditory perception. Vedic texts were transmitted orally for millennia and memorized with exceptional precision, which required the development of complex mnemonic systems. The sacredness of sound in the Indian tradition reaches its apogee in the concept of Om (Sanskrit ॐ) – the primordial sound containing within itself the entire universe and all possible sounds. The Upanishads assert that Om is the essence of the Vedas, the essence of all existence. The Indian tradition preserved and theoretically conceptualized that type of polysensory, auditory-centered communication which was displaced in the Western world with the spread of writing.

2. The *Middle Ages* are marked by a change in the dominant type of communication; the oral word yields to the written, although this process occurs unevenly. A key characteristic becomes diglossia, i.e., the coexistence of two languages – the sacred (Latin in Western Europe, Church Slavonic in the Orthodox world, classical Arabic in the Islamic world) and the vernacular languages. The written culture of the Middle Ages is strictly hierarchized; the genre system is structured according to the degree of proximity to the sacred center: from liturgical texts, Holy Scripture, writings of the Church Fathers, hagiographies, chronicles, to legal documents, business writing, and secular literature [12].

In medieval communication, polysensoriness is preserved, but sensory experience is strictly regulated and codified in accordance with religious doctrine. The auditory channel retains its leading significance: the ringing of bells performs not only a signaling but also a sacral function, organizing the space and time of the medieval city [11; 13]. The visual channel acquires new meaning; icon painting is interpreted as «speculation in colors.» The architecture of the Gothic cathedral or the cross-domed church creates a special space. The sense of smell is actively engaged through the use of incense and fragrances in worship. Smell acts as a marker of sacred space, separating it from the profane world. Tactility manifests in the veneration of relics, touching icons, and pilgrimage to holy places. However, all these forms of sensory experience are strictly regulated by the church and are not spontaneous. Communication functions as the transmission of authoritative knowledge, fundamentally monological. Truth is given in Revelation and fixed in Holy Scripture and Tradition.

The task of communication is the accurate transmission of the existing truth, which makes the role of commentary, gloss, and scholia more significant.

3. The invention of printing in the *Modern era* became a turning point in the history of civilization, determining the formation of «typographic man» [15]. The printing press created conditions for the unification of national languages; the development of science necessitated the emergence of a scientific style of speech, oriented towards precision, unambiguity, logicity, and demonstrability. Syntax becomes more complex, with the appearance of extended periods and systems of subordinate clauses allowing the expression of complex logical relationships. Journalism emerges as a new type of communication, oriented towards a broad audience and the discussion of socially significant issues; journals and newspapers shape public opinion as a new communicative space [11].

The dominant profile of communication becomes sight, but a special kind of sight – reading silently, alone. Prerequisites are created for the formation of the autonomous subject of the Modern era, but this simultaneously leads to the loss of sobornost' (collective spirituality) and the eventfulness of communication. The process of «sensory reduction» begins; communication gradually loses its connection with smell, taste, and tactility, relying increasingly on sight (text, print) and hearing. Bodily co-presence ceases to be a necessary condition for communication.

4. The digital revolution of the late 20th and early 21st centuries generates key changes in language and communicative practices. Text compression occurs; restrictions on message length in SMS (originally 160 characters) and on social networks (140-280 characters) stimulated the development of ultra-short forms of utterance, abbreviations (LOL, IMHO), contractions, and the omission of complex grammatical constructions [5; 7].

New genres emerge, such as the social media post, comment, repost, meme, and story. The meme as a unit of cultural information in the digital environment acquires a specifically verbal-visual character, often combining an image and a brief text [9]. Written language on the internet increasingly converges with oral speech, giving rise to the phenomenon of «written spoken speech» [8]. Parcellation (splitting a sentence into separate fragments), ellipsis (omission of implied elements), and incomplete constructions are actively used.

It is worth noting the increased use of iconic elements such as emojis, stickers, and GIFs, which have become an integral part of digital communication. Researchers note that «pictograms, not being punctuation marks, can act in a substitutive function» [5]; their presence in the text depends on the communicants' goals and the content of the original text. Neuroscientific research (M. Wolf, N. Carr) shows that the digital environment forms a new type of reading – scanning, browsing, skimming for keywords – to the detriment of deep, thoughtful, linear reading [15].

The process of sensory reduction continues: communication becomes almost completely confined to two channels – sight (reading from a screen, watching videos) and hearing (listening to audio messages, podcasts, calls) – while smell, taste, and tactility are excluded. The screen becomes a universal medium mediating many types of communication, creating a paradox: with an apparent expansion of communicative possibilities, a narrowing of the quality of communicative experience occurs. Bodily presence, which in antiquity was the foundation of authentic communication, is lost.

Analysis of Communicative Losses: From Sensory Reduction to Linguistic Incompleteness

Consequently, language is limited in its means of conveying meaning if it lacks the support of non-verbal components. In oral communication, meaning is conveyed not only by words but also by intonation, speech rate, loudness, pauses, gestures, facial expressions, the speaker's posture, and the distance between interlocutors. In direct communication, verbal means account for about 30–40 % of the information transmitted [14]. Written text conveys only words and punctuation marks, devoid of intonational coloring, which creates the problem of contextual insufficiency, exacerbated in the digital environment by the absence of physical presence.

Digital communication is characterized not only by sensory reduction but also by the loss of situational context: communicants do not know where the interlocutor is, in what physical and emotional state, or whether they are doing something else simultaneously. This information in direct communication is read automatically and largely determines the interpretation of utterances; its absence can lead to communicative failures.

The conditions for the success of a speech act include, among other things, the sincerity of the speaker, their authority, the correspondence of the utterance to the actual state of affairs, and the correct recognition of the illocutionary force of the utterance by the addressee [6]. In digital communication, these conditions are often violated due to the absence of non-verbal markers of illocutionary force, which sometimes manifests in the misunderstanding of irony and sarcasm. In oral speech, irony is marked by intonation, facial expressions, and sometimes gestures; in written text, these markers are absent, leading to literal interpretation.

Trolling and flaming become specific forms of verbal aggression in internet communication. Researchers define trolling as a «provocative message that plays the role of a stimulus for the development of a communicative conflict,» whose pragmalinguistic characteristics «exclude the possibility of constructive communication» and set a «negative-emotional tone of communication» [8]. Flaming represents the «result of a process of destructive communication, a transition from the conflict stage to the post-conflict stage.» Trolling is a single provocation, while flaming is a mutual exchange of aggressive remarks, where ad hominem attacks often occur. The functioning of these forms of verbal aggression is conditioned by the addressant's pragmatic aim to destabilize the communicative process.

Emojis are used to compensate for the absence of non-verbal elements. These graphic pictograms, used in digital communication to express emotions, actions, objects, and symbolic situations, can from a linguistic perspective be considered paralinguistic elements, not fully independent signs, acting as markers of mood, intention, and attitude towards the communicated content. Emojis «are not a language in the narrow sense of the word, but function as a supplement to written speech, expressing pragmatic nuances that in oral speech are conveyed by intonation, gestures, and facial expressions» [10]. They perform predominantly expressive and phatic functions of communication, helping to compensate for the loss of non-verbal components.

The status of emojis is determined by the absence of a defined syntax and the possibility of combining signs to convey complex meanings, therefore emojis cannot be considered a meta-

language. Unlike ancient pictographic systems, such as Sumerian cuneiform or Egyptian hieroglyphs, which developed towards phonetization and the acquisition of grammatical functions, emojis remain a paralinguistic means, supplementing but not replacing verbal speech. The perception of emojis depends on age, level of digital competence, and cultural experience; their interpretation across different cultures can vary significantly, creating a risk of communicative failures in intercultural communication.

Results. The conducted study of the evolution of communicative processes from antiquity to the digital age allows us to formulate several theoretically significant conclusions, confirming the hypothesis of a deep gap between the technological progress of communication means and the qualitative content of human interaction.

The historical typology of communication demonstrates a successive change in dominant types of communicative experience. The ancient world was characterized by the syncretism of word and sense, where communication represented a polysensory event engaging all five channels of perception in their indivisible unity. Oral culture, mnemonic techniques, the formulaicity of epic, and metaphorical thinking created a special type of consciousness. The Indian tradition, which preserved in the Vedas and the concept of shruti («that which is heard») a model of auditory-centered communication, and in the teaching on the sacredness of sound (Om) a theoretical conceptualization of polysensoriness, offers a unique perspective for understanding the lost dimensions of interaction. The Middle Ages, while preserving external polysensoriness, subordinated it to strict hierarchy and codification. Communication turns into the transmission of authoritative knowledge; sensory experience is regulated by church institutions. Diglossia and genre hierarchy consolidate the monological nature of medieval communication. The printing revolution of the Modern era shifts the dominant channel and initiates the individualization of perception. The digital age brings sensory reduction to its extreme, while text compression, new genres, syntactic transformation, and the growth of iconic elements (emojis, stickers) reflect the adaptation of language to the conditions of screen-mediated interaction. This occurs alongside a narrowing of the sensory profile of communication to two channels.

The analysis of communicative losses allows for a quantitative (in the conditional «40% perception» model) and qualitative assessment of the consequences of sensory reduction. The main consequence is the phenomenon of «contextual insufficiency»: language, deprived of the support of intonation, gesture, facial expression, smell, and tactile contact, proves unable to convey those subtle nuances of meaning that were transmitted non-verbally in polysensory communication.

The progress of communication cannot be measured solely by the speed of information transmission, its volume, and global reach. Genuine progress presupposes the preservation and development of the qualitative characteristics of interaction – depth, fullness, emotional richness, and the ability to generate mutual understanding. Modern communication, for all its technological achievements, demonstrates an alarming tendency towards sensory and linguistic reduction, which creates systemic risks for human mutual understanding and requires critical reflection and correction.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева, Г. М. Социальная психология. – Новополюцк: Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, 2023. – 203 с.
2. Забазнова, Н. М. Трансформация сетевого языка в новый стиль общения // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции, Москва, 15–16 января 2021 года. – Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2021. – Вып. 8. – С. 67–72. – EDN VWYCTY.
3. Каган, М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
5. Турко, У. И. Смайлик, эмоджикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 9. – С. 3005–3011. – DOI 10.30853/phil20240427. – EDN INSYQE.
6. Austin, J. L. How to Do Things with Words. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1975. – 203 p.
7. Carr, N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. – New York: W. W. Norton & Company, 2010.
8. Crystal, D. Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – DOI: 10.1017/CBO9781139164771.
9. Dawkins, R. The Selfish Gene. – Oxford: Oxford University Press, 1976. – 196 p.
10. Dresner, E., Herring S. C. Functions of the Nonverbal in CMC: Emoticons and Illocutionary Force // Communication Theory. – 2010. – Vol. 20, No. 3. – P. 249–268.
11. Howes, D. Afterword: The Sensory Revolution Comes of Age // The Cambridge Journal of Anthropology. – 2021. – Vol. 39, No. 2. – DOI: 10.3167/cja.2021.390209.
12. INSTINCT Project Consortium. Joint Sensing and Communications for Future Interactive, Immersive, and Intelligent Connectivity Beyond Communications // CORDIS EU. – 2025. – URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/101139161/reporting> (дата обращения: 04.03.2026).
13. Jewitt, C. Provocation: stop replicating and start reimagining digital communication for the sensing body // Cultural Studies. – 2025. – Vol. 39, No. 4. – P. 512–531.
14. Salgaonkar, A. S. N., Menezes W. Multiplicity of Meaning and Interpretation in Language: Revisiting the Dhvani Theory // Proceedings of the 3rd International Conference ICIKS 2025. – [Б. м.]: Atlantis Press, 2025.
15. Wolf, M. Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain. – New York: HarperCollins, 2007.

REFERENCES

1. Andreeva, G. M. *Social'naya psixologiya*. – Novopoloczk: Poloczkij gosudarstvenny`j universitet imeni Evfrosinii Poloczkoj, 2023. – 203 s.
2. Zabaznova, N. M. Transformaciya setevogo yazy`ka v novy`j stil` obshheniya // *Aktual`ny`e problemy` obshhej teorii yazy`ka, perevoda, mezhkul`turnoj kommunikacii i metodiki prepodavaniya inostranny`x yazy`kov: sbornik statej po materialam mezhregional`noj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Moskva, 15–16 yanvarya 2021 goda. – Saransk: Individual`ny`j predprinimatel` Afanas`ev Vyacheslav Sergeevich, 2021. – Vy`p. 8. – S. 67-72. – EDN VWYCTY.
3. Kagan, M. S. *Mir obshheniya: Problema mezhsob`ektny`x otnoshenij*. – M.: Politizdat, 1988. – 319 s.
4. Lotman, Yu. M. *Semiosfera*. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. – 704 s.
5. Turko, U. I. Smajlik, e`motikon i e`modzi kak neverbal`ny`e sredstva obshheniya v internet-kommunikacii // *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. – 2024. – T. 17, № 9. – S. 3005-3011. – DOI 10.30853/phil20240427. – EDN INSYQE.
6. Austin, J. L. *How to Do Things with Words*. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1975. – 203 p.
7. Carr, N. *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. – New York: W.W. Norton & Company, 2010.
8. Crystal, D. *Language and the Internet*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – DOI: 10.1017/CBO9781139164771.
9. Dawkins, R. *The Selfish Gene*. – Oxford: Oxford University Press, 1976. – 196 p.
10. Dresner, E., Herring S. C. Functions of the Nonverbal in CMC: Emoticons and Illocutionary Force // *Communication Theory*. – 2010. – Vol. 20, No. 3. – P. 249-268.
11. Howes, D. Afterword: The Sensory Revolution Comes of Age // *The Cambridge Journal of Anthropology*. – 2021. – Vol. 39, No. 2. – DOI: 10.3167/cja.2021.390209.
12. INSTINCT Project Consortium. *Joint Sensing and Communications for Future Interactive, Immersive, and Intelligent Connectivity Beyond Communications* // *CORDIS EU*. – 2025. – URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/101139161/reporting> (дата обращения: 04.03.2026).
13. Jewitt, C. Provocation: stop replicating and start reimagining digital communication for the sensing body // *Cultural Studies*. – 2025. – Vol. 39, No. 4. – P. 512-531.
14. Salgaonkar, A. S. N., Menezes, W. Multiplicity of Meaning and Interpretation in Language: Revisiting the Dhvani Theory // *Proceedings of the 3rd International Conference ICIKS 2025*. – [Б. м.]: Atlantis Press, 2025.
15. Wolf, M. *Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain*. – New York: HarperCollins, 2007.

Сведения об авторах

Б. Р. Аджит, доктор философии, Азиатская школа архитектуры и дизайнерских инноваций (ASADI), Виттила, Кочи-682019, Эрнакулам, Индия, info@asadi.edu.in

Екатерина Владимировна Степанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, stepanova-ev@ranepa.ru, SPIN-код: 3637-4696

Information about Authors

B. R. Ajit, Ph.D., Professor, Asian School of Architecture & Design Innovations (ASADI), Vyttila, Kochi-682019, Ernakulam, India, info@asadi.edu.in

Ekaterina V. Stepanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8, Gagarin Str. 400066, Volgograd, Russian Federation, stepanova-ev@ranepa.ru, SPIN-код: 3637-4696

Для цитирования: Аджит Б. Р., Степанова Е. В. От синкретизма к редукции: историческая трансформация коммуникативных практик // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 83-94. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

Citation: Ajit B. R., Stepanova E. V. From syncretism to reduction: historical transformation of communicative practices // Paradigms of Management, Economics and Law. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 83-94. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ECONOMIC THEORY

УДК 338.1, 332.3; 330.4

ЛОГИКО-ВЕРОЯТНОСТНЫЕ МОДЕЛИ РИСКОВ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

Виктор Николаевич Хлыстун

Государственный университет по землеустройству,
г. Москва, Российская Федерация

Андрей Геннадиевич Зеленский

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Динамика социально-экономического развития страны по-прежнему отстает от среднемировых темпов роста, что во многом обусловлено недооценкой земельно-ресурсного потенциала, неэффективным управлением земельными ресурсами страны. Для анализа рисков и оценки размера потерь от нерационального землепользования целесообразно применение логико-вероятностного подхода, позволяющего выделить основные факторы, вызывающие сокращению объемов производства сельскохозяйственной продукции, определить наиболее значимые меры по снижению их неблагоприятного влияния и выявить резервы экономического роста страны.

Материалы и методы исследования. Современные логико-вероятностные модели риска, могут быть адаптированы для анализа влияния различных рисков на экономическое развитие, эффективность использования земельно-ресурсного потенциала, объемы выпуска сельскохозяйственной продукции. Выделение основных видов рисков, возникающих при управлении земельно-ресурсным потенциалом, определение вероятности их наступления и ожидаемого процента потери доходности, дает возможность спрогнозировать динамику показателей развития сельскохозяйственной отрасли и построить эффективные модели землепользования.

Анализ. Высокие темпы экономического роста в стране за последние 25 лет не были достигнуты, использование земельных ресурсов во многом осуществлялось без учета экологически допустимых норм, что создало реальную угрозу деградации земель и в целом снижения производительности аграрной отрасли. Это обусловило необходимость разработки земельной доктрины обеспечивающей трансформацию всей системы управления земельными ресурсами в целях сохранения плодородия земель и решение задачи повышения земельно-ресурсного потенциала страны.

Результаты. Переход на систему устойчивого землепользования позволит ежегодно получать дополнительную продукцию высокого качества и обеспечит рост экономических показателей сельскохозяйственной отрасли на 8,8 % при этом среднегодовой темп экономического роста увеличиться на 0,32 %. При повышении роли аграрной отрасли в национальной экономике, благодаря эффективному управлению земельно-ресурсным потенциалом, темп прироста национального выпуска страны способен увеличиться более чем на один процент.

Ключевые слова: экономический рост, земельно-ресурсный потенциал, управление земельными ресурсами, деградация земель, логико-вероятностные модели риска, вероятности наступления неблагоприятных событий, выпуск сельскохозяйственной продукции.

UDC 338.1, 332.3; 330.4

LOGICAL-PROBABILISTIC MODELS OF LAND RESOURCES MANAGEMENT RISKS AND THEIR IMPACT ON ECONOMIC DEVELOPMENT

Viktor N. Khlystun

State University of Land Management,
Moscow, Russian Federation

Andrei G. Zelenskiy

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The country's socioeconomic development continues to lag behind global average growth rates, largely due to the underestimation of land resource potential and ineffective land management. To analyze risks and assess the magnitude of losses from inefficient land use, it is advisable to apply a logical-probabilistic approach. This approach allows us to identify the main factors causing the decline in agricultural production, determine the most significant measures to mitigate their adverse impact, and identify reserves for economic growth.

Research Materials and Methods. Modern logical-probabilistic risk models can be adapted to analyze the impact of various risks on economic development, the efficient use of land resource

potential, and agricultural output. Identifying the main types of risks arising from land resource management, determining the probability of their occurrence, and the expected percentage of loss of profitability makes it possible to forecast the dynamics of agricultural development indicators and build effective land use models.

Analysis. High rates of economic growth in the country have not been achieved over the past 25 years. Land use has largely been conducted without regard for environmentally acceptable standards, creating a real threat of land degradation and a general decline in agricultural productivity. This necessitated the development of a land doctrine that would ensure the transformation of the entire land management system to preserve soil fertility and increase the country's land resource potential.

Results. The transition to a sustainable land management system will enable the annual production of additional high-quality produce and ensure an 8.8 % increase in the economic performance of the agricultural sector, while the average annual economic growth rate will increase by 0.32 %. By increasing the role of the agricultural sector in the national economy, thanks to effective management of land resource potential, the country's national output growth rate could increase by more than one percent.

Keywords: economic growth, land resource potential, land management, land degradation, logical-probabilistic risk models, probability of adverse events, agricultural output.

Введение. Активное развитие в мире народнохозяйственных комплексов на новой основе, смена технологических укладов, обострение конкуренции, существующие диспропорции в экономической структуре и воспроизводственном процессе в нашей стране ставит перед отечественной наукой задачу повышения эффективности управления социо-эколого-экономической системой. Имея огромный, самый большой в мире земельно-ресурсный потенциал, структуру национального богатства почти на 50 % состоящую из природных ресурсов, достаточно высокий уровень человеческого капитала наша страна имеет все возможности при рациональном природопользовании обеспечить экономическое развитие и повысить уровень жизни населения страны.

Основные параметры социально-экономического развития хоть и имеют в большинстве случаев позитивную динамику по прежнему отстают от среднемировых темпов роста, что во многом обусловлено недооценкой земельно-ресурсного потенциала, неэффективным управлением земельными ресурсами страны, что неблагоприятно повлияло на результаты хозяйственного использования земель сельскохозяйственного назначения и лимитировало возможности повышения производительности ресурсов в аграрной сфере. Для анализа рисков и оценки размера потерь от нерационального землепользования целесообразно применение логико-вероятностного подхода, позволяющего выделить основные факторы, вызывающие сокращение объемов производства сельскохозяйственной продукции, определить наиболее значимые меры по снижению их неблагоприятного влияния и выявить резервы экономического роста при эффективном использовании земельно-ресурсного потенциала страны.

Материалы и методы исследования. В разработанном проекте Доктрины земельной политики Российской Федерации [12], представленном в Государственной Думе и Совете Федерации [7], был определен перечень основных рисков при реализации новой земельной политики: риски усиления негативного влияния на состояние земельных ресурсов (загрязнение земель, вырубка леса); риски негативного влияния природных процессов (изменение климата, подтопление территорий, опустынивание); риски неэффективности управления земельными ресурсами (сокращение площади сельскохозяйственных земель вследствие их деградации, рост числа сверхкрупных землевладений) [11].

Выделение основных видов рисков, возникающих при управлении земельно-ресурсным потенциалом, определение вероятности их наступления и ожидаемого процента потери доходности, дает возможность осуществить применение логико-вероятностных (ЛВ) моделей риска для прогнозирования динамики показателей развития сельскохозяйственной отрасли и построения эффективных моделей землепользования (табл. 1).

Таблица 1 – Основные риски ведения аграрного производства и вероятность их возникновения в природно-экономических зонах России [11], [14], [6]

№ п/п	Вид рисков	Влияние	Вероятность возникновения	Потеря дохода, %	
				в сложившихся условиях (в среднем)*	в среднем при рациональном управлении
1	Климатические риски	Затруднение ведения сельскохозяйственной деятельности	Высокая	10-15 (12,5)	12,5
2	Антропогенные риски, связанные с нерациональным землепользованием	Снижение урожайности и площади земель, пригодных для сельскохозяйственного использования, ограничение поголовья скота	Средняя	8-10 (9)	3
3	Снижение спроса на продукцию АПК и повышение уровня конкуренции	Снижение доходов от реализации сельскохозяйственной продукции	Низкая	3-5 (4)	2

* согласно поправки на высокую, среднюю и низкую величину риска, принятой Постановлением Правительства РФ от 06.10.2025 № 1553

Проведение природоохранных мероприятий, поверхностного и коренного улучшения деградированных земель позволит во многом избежать снижение урожайности культур, емкости кормовых угодий сократив ежегодные потери дохода с 8–10 % до 3 % от максимально возможного. Предложенные выше экономические и организационно-технологические меры будут способствовать обеспечению конкурентоспособности отечественного сельхозпроизводства и позволят снизить потери дохода в среднем с 4 % до 2 %.

Современные ЛВ-теории риска, включающие в себя: ЛВ-исчисление И. Рябинина, структурно-логическое моделирование А. Можаяева и ЛВ-теорию риска с ГНС Е. Соложенцева [15] могут быть адаптированы для анализа влияния различных рисков на экономическое развитие, эффективность использования земельно-ресурсного потенциала, объемы выпуска сельскохозяйственной продукции.

При отклонении параметров воспроизводственно-хозяйственной системы от допустимых (нарушение эколого-энергетического баланса), вследствие наступления неблагоприятного события (засухи, суровые зимы, несоблюдение сево- и пастбищеоборотов, перевыпас скота, засоление почв при мелиорации), которое рассматривается как вероятность (риск) наступления невалидного состояния системы (R_1, R_2, \dots, R_n – невалидности элементов системы), после которого она может выполнять свое назначение зачастую не в полном объеме и только с потерей качества (деградацией земельных ресурсов). Невалидность системы вычисляется по невалидности ее событий-элементов и равна: $P(Y) = R_1 + R_2(1 - R_1) + R_3(1 - R_1)(1 - R_2) + \dots (1)$ [10, с. 13].

Выделенным в таблице 2 рискам соответствует четыре состояния системы: S_1, S_2, S_3, D , где:

S_1 – вероятность неблагоприятных погодных и экологических условий;

S_2 – вероятность сокращения площади земель сельскохозяйственного назначения из-за неэффективного управления земельными ресурсами;

S_3 – вероятность снижения спроса на сельскохозяйственную продукцию;

D – вероятность не наступления рискованного события и получения максимального возможного результата.

Риск потерь может приводить к одному из этих состояний или к их комбинации. Потери от риска (E), можно определить в виде комбинации состояний, имеющих различные вероятности наступления рискованных событий (P), их суммирование позволит определить наиболее вероятный процент снижения результирующего показателя – выпуска сельскохозяйственной продукции (табл. 2).

Таблица 2 – Комбинации состояний, учитывающих риски ведения аграрного производства [6]

№ п/п	Характеристика состояния	Функция / порядок расчета вероятности наступления	Вероятность события, %	
			в сложившихся условиях	при рациональном управлении
1	Максимально возможный выпуск продукции и реализация ее по рыночным ценам в условиях отсутствия неблагоприятного влияния выделенных рисков.	$E_1 = \varphi(D) /$ $D=(1-R_1)*(1-R_2)*(1-R_3)$	76,4400	83,1775
2	Неблагоприятные погодные и экологические условия	$E_2 = \varphi(S_1) /$ $P(c_2) = R_1*(1-R_2)*(1-R_3)$	10,9200	11,8825
3	Неэффективное управление земельными ресурсами	$E_3 = \varphi(S_2) /$ $P(c_3) = R_2*(1-R_1)*(1-R_3)$	7,5600	2,5725
4	Снижение спроса на сельскохозяйственную продукцию	$E_4 = \varphi(S_3) /$ $P(c_4) = R_3*(1-R_1)*(1-R_2)$	3,1850	1,6975
5	Неблагоприятные погодные и экологические условия, сочетающиеся с неэффективным управлением земельными ресурсами	$E_5 = \varphi(S_1, S_2) /$ $P(c_5) = R_1*R_2*(1-R_3)$	1,0800	0,3675
6	Неблагоприятные погодные и экологические условия, сочетающиеся со снижением спроса на сельскохозяйственную продукцию	$E_6 = \varphi(S_1, S_3) /$ $P(c_6) = R_1*R_3*(1-R_2)$	0,4550	0,2425
7	Неэффективное управление земельными ресурсами, сочетающееся со снижением спроса на сельскохозяйственную продукцию	$E_7 = \varphi(S_2, S_3) / P(c_7) = R_2*R_3*(1-R_1)$	0,3150	0,0525
8	Неблагоприятные погодные и экологические условия, сочетающиеся с неэффективным управлением земельными ресурсами и снижением спроса на сельскохозяйственную продукцию	$E_8 = \varphi(S_1, S_2, S_3) / P(c_8) = R_1*R_2*R_3$	0,0450	0,0075
9	Вероятность наступления неблагоприятного события по выделенным рискам	$E_9 = \varphi(S_1) + \varphi(S_2) + \varphi(S_3) + \varphi(S_1, S_2) +$ $\varphi(S_1, S_3) + \varphi(S_2, S_3) + \varphi(S_1, S_2, S_3) /$ $P(c_9) = P(c_1) + P(c_2) + \dots + P(c_8)$	23,5600	16,8225

Построенная модель соответствует логико-вероятностному полиному, предложенному профессором Е. Соложенцевым для анализа риска неуспеха в социально-экономических системах, где $P(c_i)$ – вероятность итогового события; R_i – вероятность инициирующего события, а сумма вероятностей наступления всех состояний $P(c_n)$ составляет 100 % [6].

Анализ. В Послании Федеральному Собранию в марте 2018 года Президент страны В. В. Путин определил особый, рубежный характер этого документа, который определил цели и необходимые параметры развития на десятилетия вперед, указав, что отставание – это главная угроза и стране нужна экономика с темпами роста выше мировых. Источники роста: производительность труда темпами не ниже 5 процентов в год; увеличение инвестиций во что бы то ни стало до 25 процентов, а затем и до 27 процентов от ВВП; развитие малого

предпринимательства, и повышение его вклада в ВВП до 40 процентов, все это позволит к концу десятилетия выйти на уровень ведущих экономик мира [8]. Для оценки выполнения целей развития страны проанализируем динамику параметров социально-экономического развития страны (табл. 3).

Таблица 3 – Динамика основных показателей социально-экономического развития России за 2001–2025 гг. [9]

Показатели	В среднем за пятилетний период				
	2001-2005	2006-2010	2011-2015	2016-2020	2021-2025
1. Годовой темп экономического роста, %:					
в мире	3,09	2,64	2,81	1,39	3,78
в России	6,11	3,72	3,30	0,87	2,88
2. Темпы роста реального ВВП в расчете на душу населения, %:					
в мире	1,79	1,38	1,60	0,27	2,55
в России	6,57	3,86	2,78	0,71	3,13
3. Доля сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбноводства в ВВП, %	5,78	4,38	3,72	4,06	3,53
4. Расходы на науку из всех источников финансирования в % к ВВП	1,49	1,57	1,61	1,50	1,26*
5. Инвестиции в основной капитал в % к ВВП	16,64	19,87	18,19	17,68	18,65*
6. Доля инвестиций в основной капитал сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбноводства, %	4,28	4,41	3,89	4,33	3,75*
7. Индекс производительности труда в экономике (в % к предыдущему году)	105,26	103,78	101,70	101,40	101,70*
8. Индекс производительности труда в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбноводстве (в % к предыдущему году)	103,28	102,35	105,95	102,92	103,80*
9. Доля нефтегазовых доходов в структуре федерального бюджета, %	35,77	43,65	48,84	37,83	32,74
10. Чистый экспорт в % к ВВП	12,15	9,22	7,01	6,64	6,64
11. Доля минеральных продуктов в структуре экспорта РФ, %	57,96	67,30	69,62	59,80	59,68
12. Отток (ввоз) капитала за рубеж в % к ВВП	1,84	0,72	4,23	2,33	4,42
13. Темп роста реальных денежных доходов населения по Российской Федерации, %	11,4	7,4	1,1	-0,5	6,4
14. Индекс Джини	0,407	0,420	0,415	0,410	0,406

* данные приведены за 2021–2024 гг.

Значительное опережение темпов экономического роста в России происходящее с 2000 по 2015 годы по сравнению с темпами роста в мире во многом было связано с высоким уровнем мировых цен на углеводородное сырье, повышением эффективности контроля над нефтегазовыми доходами, улучшением налогового администрирования крупнейших налогоплательщиков и противодействию их ухода в теневой сектор, росту вложений в научные раз-

работки и активному инвестированию в основной капитал, что повысило эффективность использования ресурсов в реальном секторе, обеспечило рост реально располагаемых денежных доходов населения [5].

После периода относительной макроэкономической стабильности (до 2014 года) экономика страны, не успев восстановиться от прошлых кризисов в результате падения цен на нефть лишилась подспорья в виде положительного сальдо торгового баланса, снизившегося на 5,5 % от ВВП или в 1,83 раза.

Несмотря на некоторое повышение инвестиций в основной капитал по отношению к ВВП с 17,12 % в 2018 году до 19,93 % в 2024 году, целевые показатели в 25–27 % достигнуты не были, необходимого технического перевооружения и роста эффективности не произошло, расходы на науку из всех источников финансирования снизилась за 10 лет в 1,28 раза до 1,26 % ВВП, производительность труда выросла в среднем всего на 1,4–1,7 %, что существенно ниже поставленной Президентом страны цели в 5 % и более. За аналогичный период произошло снижение в составе инвестиций в основной капитал доли сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства с 4,4 до 3,3 %, что обусловило снижение их доли в структуре валового внутреннего продукта на 13,1 % в среднем за период 2021–2025 годов с предшествующей пятилеткой, а по сравнению с периодом 2001–2005 года снижение произошло в 1,64 раза.

По предварительной оценке Министерства финансов России, из-за санкционного давления, ограничивающего экспортные поставки, произошло снижение нефтегазовых доходов в 2025 году по сравнению с 2024 годом на 2,65 трлн. руб. или 23,8 %, в результате чего дефицит бюджета составил 5,65 трлн. руб. или 2,6 % от ВВП.

Высокая зависимость развития экономики России от экспорта углеводородов (60–70 % в структуре) обуславливает структурные диспропорции, уязвимость страны от мировой конъюнктуры и запускает цепочку макроэкономических последствий, характерных для стран подверженных «голландской болезни»:

1. Активный экспорт ресурса – обеспечивает массивный приток иностранной валюты в страну.
2. Укрепление национальной валюты – импортная продукция внутри страны дешевеет, а отечественная дорожает для внешнего покупателя.
3. Потеря конкурентоспособности не сырьевых отраслей экономики – особенно обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, требующих долгосрочных инвестиций.
4. Деиндустриализация: капитал и рабочая сила перетекают из обрабатывающего сектора в добывающий (где выше зарплаты и рентабельность).
5. Сырьевая зависимость страны – утрата диверсифицированной структуры экономики.

«Голландская болезнь» наглядно демонстрирует, что нерациональное использование земельно-ресурсного потенциала влияет не только на экологию, оно напрямую воздействует на структуру общественного воспроизводства, трансформируя ее в пользу первичного сектора (добычи) в ущерб вторичному (переработке) и третичному (услугам). Этот макроэкономический риск должен учитываться при разработке стратегии социально-экономического развития.

Экономика будущего – это экономика, где земельно-ресурсный капитал не истощается, а воспроизводится, и где структура производства сбалансирована, а не перекошена в пользу добывающего сектора и экспорта минеральных продуктов.

Российская Федерация обладает огромным земельным потенциалом: площадь земельного фонда страны составляет 1723,5 миллионов гектаров (млн. га), что составляет 12,5 % от мировой территории [4], в его составе находятся более половины черноземных почв мира, пятая часть лесных ресурсов и запасов пресной воды планеты. Из-за нерационального использования природно-ресурсного потенциала страна ежегодно утрачивает его часть, не обеспечивая защиты от множества негативных воздействий как природного, так и техногенного характера [13, с. 38].

Для решения задачи повышения эффективности природопользования необходима целостная, с четко определенными целями и принципами управления земельная политика, обеспечивающая рациональное использование и воспроизводство земельно-ресурсного потенциала страны. Необходимо обеспечить завершение земельных преобразований, сформировать системы землевладения и землепользования, обеспечивающие рациональное использование земельных ресурсов страны, защиту от деградации и сохранение их потенциала для будущих поколений [13, с. 44-45].

К причинам, создающим высокие риски потери эколого-экономического потенциала страны, следует отнести:

1) сокращение площади земель сельскохозяйственного назначения – за последние 35 лет они уменьшилась на 264 миллиона гектаров (млн. га), а их доля в общей площади земельного фонда сократилась с 37,4 % до 21,8 %, что привело к сокращению аграрного потенциала страны [4].

2) увеличение площади нарушенных земель – к началу 2025 года до 1,2 млн. га, так как рекультивация земель практически не проводилась [4].

3) увеличение площади неиспользуемых сельскохозяйственных угодий – к началу 2025 года до 41,3 млн. га (18,3 % от их общей площади).

4) разрастание процессов деградации сельскохозяйственных земель – за последние 35 лет их площадь увеличилась на 23,2 млн. га (10,3 % от их общей площади). Эрозионные процессы проявляются во всех зонах страны: на территории областей Черноземья эрозии подвержены около 20 процентов от всей пашни, в юго-восточных регионах страны происходит развитие процессов опустынивания земель, площадь которых достигла 3 млн. га, в том числе в Республике Калмыкия – 1,27 млн. га, в Астраханской области – 0,92 млн. га, в Дагестане – 0,17 млн. га [1]. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в Республике Калмыкия, где площадь открытых песков к 2022 году достигла 870 тыс. га, а площадь земель в критическом и бедственном состоянии составила более 3,7 млн. га, что составляет 50 % земельного фонда республики [2, с. 49].

5) отрицательная динамика почвенного плодородия – происходит некомпенсируемый вынос урожаем основных элементов питания, отрицательный баланс, снижающий плодородие почв, ежегодно составляет как минимум 2,5 миллиона тонн [9].

б) низкая эффективность использования мелиорированных земель – площадь мелиорированных земель за период с 1990 по 2025 год уменьшилась с 11,54 до 9,4 миллионов гектаров (на 18,5 %), из них в сельскохозяйственном производстве используется только 6,9 млн. га [3, с. 5].

Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что использование земельных ресурсов осуществляется без учета экологически допустимых норм, что создает реальную угрозу перехода состояния земель по экологической классификации от экологического кризиса к экологическому бедствию и снижению земельно-ресурсного потенциала страны.

Повышение эффективности природопользования в агропромышленном комплексе возможно благодаря эффективной реализации основных приоритетов земельной политики: восстановления институтов прогнозирования и планирования использования и охраны земель, формирования единого фонда данных о состоянии земельного фонда, создания современной базы планово-картографических материалов, разработки программы мер по защите земель от опустынивания, водной и ветровой эрозии, ограничить рост латифундий, улучшить структуру собственности на земли сельскохозяйственного назначения, создать условия для приобретения в собственность земель для развития малого и среднего агробизнеса, осуществить переход от краткосрочной аренды земли на долгосрочную, обеспечить развитие системы научного, кадрового и информационного обеспечения [13, с. 46].

Для обеспечения сохранности природных экосистем необходимо увеличение масштабов применения экологически безопасных приемов сохранения и повышения плодородия пашни и продуктивности пастбищ на основе повышения финансовой обеспеченности сельскохозяйственной отрасли.

Для финансирования работ по восстановлению деградированных земель требуется привлечение долгосрочных инвестиционных кредитов, при этом необходимо расширить перечень оснований для получения кредита на развитие бизнеса по линии АО «Россельхозбанк». Для получения кредита на льготных условиях до 50 % от ключевой ставки ЦБ РФ с отсрочкой уплаты на 24 месяца, не только на финансирование затрат, связанных с приобретением транспортных средств, сельскохозяйственной техники, молодняка сельскохозяйственных животных, земельных участков, но и проведения работ по восстановлению деградированных земель. Расширение мер государственной финансовой поддержки на проведение фитомелиоративных работ особенно актуально в современных условиях развития процессов опустынивания на землях аридных, субаридных и сухих субгумидных регионов нашей страны.

Обеспечение высоких темпов экономического роста в условиях санкций и обострения конкуренции в мировой экономике, реализация программы импортозамещения невозможна без повышения эффективности сельскохозяйственного производства, обеспечивающего сохранение плодородия земель и решение задачи повышения земельно-ресурсного потенциала возможно при трансформации системы управления земельными ресурсами страны. Площадь используемых сельскохозяйственных угодий, подверженных водной и ветровой эрозии превышает 126 млн. га или 7,3 % земельного фонда страны, что сопряжено с высоким риском деградации пашни и пастбищ, ставит задачу сохранения воспроизводственного потенциала

путем использования современных моделей, учитывающих фактор риска в управлении землепользованием.

Результаты. Выделение основных рисков, возникающих при управлении земельно-ресурсным потенциалом страны, определение вероятности их наступления, позволило рассчитать с помощью логико-вероятностных моделей рисков среднее ежегодное снижение дохода от недовыпуска сельскохозяйственной продукции в размере 23,56 % от потенциально возможного. При этом выполнение комплекса мер по реализации основных приоритетов земельной политики и экономико-организационных инструментов стимулирования рационального управления земельными ресурсами во многом способно устранить причины, создающие высокие риски потери выпуска сельскохозяйственной продукции, снизив потери до 16,82 %.

Для определения наиболее вероятного объема выпуска сельскохозяйственной продукции при разных вариантах развития необходимо потенциальный, максимально возможный объем выпуска продукции скорректировать на среднюю величину потерь от наступления рисков событий. Положительный экономический эффект от рационального управления земельно-ресурсным потенциалом страны выразится в приросте ожидаемого среднегодового выпуска продукции и повышении доходов сельскохозяйственной отрасли по сравнению с существующей динамикой функционирования аграрной сферы (табл. 4).

Таблица 4 – Прогноз изменения темпов экономического роста в 2026 году при управлении земельно-ресурсным потенциалом страны с учетом фактора риска

№ п/п	Показатель	В сложившихся условиях	При рациональном управлении	Прирост (+,-)	
				в сумме	в %
1	Потенциальный выпуск продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбноводства с учетом чистых налогов на продукты, млрд. руб.*	9364,71	9364,71	-	-
2	Средний объем потерь производства сельскохозяйственной продукции от основных рисков деятельности, %	23,56	16,82	-6,74	-
3	Прогноз выпуска продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбноводства с учетом чистых налогов на продукты и фактора риска, млрд. руб.*	7158,39	7789,33	630,94	8,81
4	Прогноз объема валового внутреннего продукта, млрд. руб.*	203319,44	203950,38	630,94	0,31
5	Среднегодовой темп экономического роста, %:	2,88	3,20	0,32	-

* рассчитано по среднегодовым значениям показателей за 2021–2025 гг. с учетом фактора риска в сопоставимых ценах 2025 года

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>

Переход на систему устойчивого землепользования позволит ежегодно получать дополнительную продукцию высокого качества и обеспечит рост экономических показателей сельскохозяйственной отрасли на 8,8 % при этом среднегодовой темп экономического роста увеличится на 0,32 %. При повышении роли аграрной отрасли в национальной экономике, благодаря эффективному управлению земельно-ресурсным потенциалом, темп прироста национального выпуска страны способен увеличиться более чем на один процент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитической записки «Земельный потенциал России: состояние, проблемы и меры по его рациональному использованию и охране» / Н. К. Долгушкин, В. Н. Хлыстун, Н. Н. Дубенок, А. А. Завалин. – URL: <https://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=5e5ba20e-8ebf-440b-8e17-5b52118fe86c>
2. Бакинова, Т. И. Национальная программа действий по борьбе с опустыниванием Калмыкии как основа устойчивого развития сельского хозяйства / Т. И. Бакинова, Н. Ц. Павлова, Е. А. Джиргалова // Сельское хозяйство и экосистемы в современном мире: региональные и межстрановые исследования. – 2023. – Т. 2, № 2. – С. 47-51. – DOI 10.53315/2949-1231-2023-2-2-47-51.
3. Библиодосье комитета Государственной Думы по аграрным вопросам, круглый стол «Ресурсы и проблемы безопасности мелиоративной отрасли в АПК на современном этапе». Москва. 2025. – URL: https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/document_bibliodosie/I_Meliorat_otr_v_APK_.pdf
4. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2024 году. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/>
5. Зеленский, А. Г. Возможности обеспечения экономического роста при переходе экономической системы России на принципы устойчивого развития / А. Г. Зеленский // Актуальные социально-экономические проблемы развития общества в России и за рубежом : Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 30 ноября 2023 года. – Волгоград, 2023. – С. 193-196. – EDN C1KWHQ.
6. Зеленский, А. Г. Теоретические аспекты управления земельными ресурсами аридных регионов Юга России с помощью логико-вероятностных моделей риска / А. Г. Зеленский // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 3. – С. 34-43. – EDN EGRHAJ.
7. Землеустроительное обеспечение вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения : сборник материалов парламентских слушаний. – М. : Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2022. – С. 16-27.
8. Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 года. Информационный ресурс: Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957?ysclid=mms262118f514608012>
9. Сайт федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

10. Соложенцев, Е. Д. Управление безопасностью социально-экономических систем / Е. Д. Соложенцев // Проблемы анализа риска. – 2017. – Т. 14, № 5. – С. 6-19. – EDN ZSHVFD.
11. Хлыстун, В. Н. Земельная политика в контексте устойчивого развития / В. Н. Хлыстун // Юг России: экология, развитие. – 2021. – Т. 16, № 4 (61). – С. 208-215. – DOI 10.18470/1992-1098-2021-4-208-215.
12. Хлыстун, В. Н. О стратегических целях, задачах и инструментах реализации современной земельной политики // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2021. – № 3. – С. 9-14.
13. Хлыстун, В. Н. Состояние земельной политики России и направления ее совершенствования / В. Н. Хлыстун // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 8 (263). – С. 38-48.
14. Экономическая эффективность ликвидации накопленного экологического ущерба и восстановление деградированных земель : монография / В. С. Пестриков, М. П. Шубич, С. И. Носов [и др.] под ред. С. И. Носова. – Москва, 2016. – 208 с.
15. Solozhentsev, E. D. The basics of event-related management of safety and quality in economics / В сборнике: Vide. Tehnologija. Resursi – Environment, Technology, Resources, 2019. – С. 146-153. DOI: 10.17770/etr2019vol2.4039

REFERENCES

1. Analiticheskoy zapiski «Zemel`ny`j potencial Rossii: sostoyanie, problemy` i mery` po ego racional`nomu ispol`zovaniyu i oxrane» / N. K. Dolgushkin, V. N. Xly`stun, N. N. Dubenok, A. A. Zavalin. – URL: <https://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=5e5ba20e-8e6f-440b-8e17-5b52118fe86c>
2. Bakinova, T. I. Nacional`naya programma dejstvij po bor`be s opusty`nivaniem Kalmy`kii kak osnova ustojchivogo razvitiya sel`skogo xozyajstva / T. I. Bakinova, N. Cz. Pavlova, E. A. Dzhirgalova // Sel`skoe xozyajstvo i e`kosistemy` v sovremennom mire: regional`ny`e i mezhstranovy`e issledovaniya. – 2023. – Т. 2, № 2. – S. 47-51. – DOI 10.53315/2949-1231-2023-2-2-47-51.
3. Bibliodos`e komiteta Gosudarstvennoj Dumy` po agrarny`m voprosam, krugly`j stol «Resursy` i problemy` bezopasnosti meliorativnoj otrasli v APK na sovremennom e`tape». Moskva, 2025. – URL: https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/document_bibliodosie/I_Meliorat_otr_v_APK_.pdf
4. Gosudarstvenny`j (nacional`ny`j) doklad o sostoyanii i ispol`zovanii zemel` v Rossijskoj Federacii v 2024 godu. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/>
5. Zelenskij, A. G. Vozmozhnosti obespecheniya e`konomicheskogo rosta pri perexode e`konomicheskoy sistemy` Rossii na principy` ustojchivogo razvitiya / A. G. Zelenskij // Aktual`ny`e social`no-e`konomicheskie problemy` razvitiya obshhestva v Rossii i za rubezhom : Sbornik materialov V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Volgograd, 30 noyabrya 2023 goda. – Volgograd, 2023. – S. 193-196. – EDN CIKWHQ.

6. Zelenskij, A. G. Teoreticheskie aspekty` upravleniya zemel`ny`mi resursami aridny`x regionov Yuga Rossii s pomoshh`yu logiko-veroyatnostny`x modelej riska / A. G. Zelenskij // Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. Ucheny`e zapiski. – 2025. – № 3. – S. 34-43. – EDN EGRHAJ.

7. Zemleustroitel`noe obespechenie вовлечения v oborot neispol`zuemy`x zemel`sel`skoxozyajstvennogo naznacheniya : sbornik materialov parlamentskix slushanij. – M. : Sovet Federacii Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii, 2022. – S. 16-27.

8. Poslanie Prezidenta Federal`nomu Sobraniyu 1 marta 2018 goda. Informacionny`j resurs: Prezident Rossii. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957?ysclid=mms262118f514608012>

9. Sajt federal`noj sluzhby` gosudarstvennoj statistiki. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>

10. Solozhencev, E. D. Upravlenie bezopasnost`yu social`no-e`konomicheskix sistem / E. D. Solozhencev // Problemy` analiza riska. – 2017. – T. 14, № 5. – S. 6-19. – EDN ZSHVFD.

11. Xly`stun, V. N. Zemel`naya politika v kontekste ustojchivogo razvitiya / V. N. Xly`stun // Yug Rossii: e`kologiya, razvitie. – 2021. – T. 16, № 4 (61). – S. 208-215. – DOI 10.18470/1992-1098-2021-4-208-215.

12. Xly`stun, V. N. O strategicheskix celyax, zadachax i instrumentax realizacii sovremennoj zemel`noj politiki // E`konomika sel`skoxozyajstvenny`x i pererabaty`vayushhix predpriyatij. 2021. № 3. – S. 9-14.

13. Xly`stun, V. N. Sostoyanie zemel`noj politiki Rossii i napravleniya ee sovershenstvovaniya / V. N. Xly`stun // Imushhestvenny`e otnosheniya v Rossijskoj Federacii. – 2023. – № 8 (263). – S. 38-48.

14. E`konomicheskaya e`ffektivnost` likvidacii nakoplennoego e`kologicheskogo ushherba i vosstanovlenie degradirovanny`x zemel` : monografiya / V. S. Pestrikov, M. P. Shubich, S. I. Nosov [i dr.] pod red. S. I. Nosova. – Moskva, 2016. – 208 s.

15. Solozhentsev, E. D. The basics of event-related management of safety and quality in economics / In the collection: Vide. Tehnologija. Resursi – Environment, Technology, Resources. 2019. pp. 146-153. DOI: 10.17770/etr2019vol2.4039

Информация об авторе

Виктор Николаевич Хлыстун, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления недвижимостью и земельными ресурсами, Государственный университет по землеустройству, ул. Казакова, 15, 105064, г. Москва, Российская Федерация, vkhllystun@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0008-7050-7734>, SPIN-код: 8376-1296, AuthorID: 663773

Андрей Геннадиевич Зеленский, старший преподаватель кафедры экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066, г. Волгоград, Российская Федерация, zelenskiy-ag@ranepa.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9763-3025>, SPIN-код: 2918-2580, AuthorID: 844807

Information about Author

Viktor N. Khlystun, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Real Estate and Land Resources Management, State University of Land Management, Kazakova str., 15, 105064, Moscow, Russian Federation, vkhlystun@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0008-7050-7734>, SPIN code: 8376-1296, AuthorID: 663773

Andrey G. Zelensky, Senior Lecturer at the Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management, RANEPА Branch, 8 Gagarina St., 400066, Volgograd, Russian Federation, zelenskiy-ag@ranepa.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9763-3025>, SPIN code: 2918-2580, AuthorID: 844807

Для цитирования: Хлыстун В. Н., Зеленский А. Г. Логико-вероятностные модели рисков управления земельными ресурсами и их влияние на развитие экономики // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 96-110. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

FINANCIAL ANALYTICS

УДК: 331.71

ОСОБЕННОСТИ ИНДУСТРИИ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОДВИНУТЫХ ЭКОНОМИК

Каландар Ходжаевич Абдурахманов, Нодира Каландаровна Зокирова,
Нигора Тулкуновна Талипова

Филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Введение. Данная статья посвящена исследованию особенностей развития индустрии финансовых технологий в развитых экономиках. Финтех становится одним из ключевых драйверов трансформации финансовых рынков, обеспечивая развитие цифровых финансовых услуг, повышение доступности финансовых сервисов и внедрение инновационных решений в финансовой системе.

Методы. В работе использованы общенаучные методы исследования, включая методы анализа и синтеза, сравнительного и структурного анализа, а также методы статистического и графического анализа данных. Проведено сопоставление международного опыта развития финтех-индустрии в развитых странах с целью выявления общих закономерностей и особенностей функционирования финтех-экосистем.

Анализ. В статье рассматриваются основные тенденции развития финтех-индустрии в ведущих экономиках мира, включая Великобританию, США, Канаду, Францию, Сингапур, Гонконг и Австралию. Особое внимание уделяется инвестиционной активности в финтех-секторе, институциональным особенностям регулирования инноваций и факторам спроса на цифровые финансовые услуги. Авторы анализируют влияние финтех-индустрии на развитие финансовых рынков и финансовую стабильность, а также выявляют ключевые драйверы и риски развития финтех-экосистем.

Результаты. На основе проведенного анализа выявлены ключевые особенности развития финтех-индустрии в развитых экономиках, включая высокий уровень инвестиционной активности и активную роль регуляторов в формировании инновационной инфраструктуры.

Установлено, что развитие финтех способствует повышению доступности финансовых услуг и диверсификации финансового сектора, одновременно формируя новые риски, связанные с кибербезопасностью и альтернативными финансовыми сервисами.

Ключевые слова: финансовые технологии, финтех-индустрия, цифровые финансовые услуги, инвестиции в финтех, финансовая стабильность, регулирование финтех, развитие экономики, инновации в финансовом секторе.

UDC: 331.71

FEATURES OF THE FINANCIAL TECHNOLOGY INDUSTRY IN ADVANCED ECONOMIES

Kalandar K. Abdurakhmanov, Nodira K. Zokirova, Nigora T. Talipova

Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov,
Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. This article examines the specific features of the development of the financial technology (fintech) industry in advanced economies. Fintech has become one of the key drivers of financial market transformation, contributing to the development of digital financial services, improving the accessibility of financial services, and introducing innovative solutions into the financial system.

Methods. The study employs general scientific research methods, including analysis and synthesis, comparative and structural analysis, as well as statistical and graphical data analysis. A comparative assessment of international experience in the development of the fintech industry in advanced economies was conducted in order to identify common patterns and specific features of fintech ecosystem functioning.

Analysis. The paper analyzes the main trends in the development of the fintech industry in leading economies, including the United Kingdom, the United States, Canada, France, Singapore, Hong Kong, and Australia. Particular attention is paid to investment activity in the fintech sector, institutional aspects of innovation regulation, and demand factors for digital financial services. The authors examine the impact of the fintech industry on the development of financial markets and financial stability, as well as identify key drivers and risks in the development of fintech ecosystems.

Results. The analysis identifies key characteristics of fintech industry development in advanced economies, including a high level of investment activity and the active role of regulators in shaping innovation infrastructure. It is established that fintech development contributes to improving financial inclusion and diversifying the financial sector, while simultaneously generating new risks associated with cybersecurity and alternative financial services.

Keywords: financial technologies, fintech industry, digital financial services, fintech investment, financial stability, fintech regulation, advanced economies, financial sector innovation.

Введение. В условиях ускоренной цифровой трансформации мировой экономики финансовые технологии (FinTech) становятся одним из ключевых факторов модернизации финансовых систем и повышения эффективности финансовых услуг. Развитие цифровых платформ, технологий обработки больших данных, искусственного интеллекта, блокчейна и мобильных платежных решений способствует формированию новых моделей взаимодействия между финансовыми институтами, бизнесом и потребителями. В результате происходит существенная трансформация традиционных финансовых рынков, а инновационные компании становятся важными участниками глобальной финансовой экосистемы.

Проблемы развития индустрии финансовых технологий и цифровой трансформации финансовых рынков активно исследуются в современной экономической литературе. Среди зарубежных ученых значительный вклад в изучение финтех-экосистем, цифровых финансовых услуг и институциональных аспектов регулирования финансовых технологий внесли Д. Арнер, Дж. Барберис и Р. Бакли (Arner D., Barberis J., Buckley R.) [8], в работах которых рассматриваются тенденции развития финтех и его влияние на финансовые системы различных стран.

Среди российских исследователей вопросы развития финансовых технологий, цифровизации банковского сектора и трансформации финансовых институтов нашли отражение в работах Е. В. Дмитрук, Ж. В. Мекшеневой и Р. Ю. Голикова [2], где рассматривается влияние финтех на банковскую систему, а также вызовы и перспективы внедрения инновационных финансовых технологий в современных условиях. В Узбекистане вопросы цифровой трансформации экономики и внедрения инновационных технологий исследуются в работах К. Х. Абдурахманова [1], в том числе в его исследованиях, посвящённых развитию искусственного интеллекта в экономике, а также в научных трудах Н. Т. Талиповой, У. М. Алиева, где рассматриваются вопросы цифровизации экономики и развития инновационных финансовых технологий [7].

Вместе с тем ряд аспектов развития финтех-индустрии в развитых странах, включая особенности инвестиционной активности, институционального регулирования и влияние финтех-инноваций на финансовую стабильность, требуют дальнейшего комплексного исследования.

Наиболее динамичное развитие индустрии финансовых технологий наблюдается в странах с продвинутой экономикой, таких как США, Великобритания, Сингапур, Канада и государства Европейского союза. Эти страны обладают развитой цифровой инфраструктурой, эффективной нормативно-правовой базой, высоким уровнем финансовой инклюзии и значительным объемом венчурных инвестиций, что создает благоприятные условия для формирования и масштабирования финтех-компаний. В таких экономиках FinTech выступает не только инструментом повышения доступности финансовых услуг, но и важным драйвером инновационного развития финансового сектора.

В связи с этим исследование особенностей развития индустрии финансовых технологий в продвинутых экономиках приобретает особую актуальность. Анализ институциональных условий, направлений технологического развития и моделей функционирования финтех-

экосистем позволяет выявить ключевые факторы их успешного развития и определить возможности адаптации данного опыта для модернизации финансовых систем других стран.

Методы. Для проведения исследования была выбрана группа из семи развитых стран: Великобритания, США, Канада, Франция, Сингапур, Гонконг и Австралия. Финтех-экосистемы этих государств считаются одними из наиболее зрелых и институционально сформированных среди продвинутых экономик, поэтому именно они часто рассматриваются в качестве ориентиров для стран с формирующимися рынками при разработке механизмов регулирования инноваций и развития цифровых финансовых услуг [5]. Высокий уровень технологической инфраструктуры, развитые финансовые рынки и активная поддержка инновационного предпринимательства способствуют формированию в этих странах устойчивых финтех-кластеров и масштабированию новых финансовых решений.

Анализ. Научный интерес к анализу развитых экономик также обусловлен действием эффекта конвергенции. Под его влиянием инновационные финансовые технологии, первоначально внедряемые в наиболее развитых финансовых центрах, постепенно распространяются на развивающиеся рынки. Это позволяет государствам с формирующейся экономикой ускорять модернизацию финансовых систем, повышать доступность финансовых услуг и стимулировать экономический рост. Таким образом, опыт продвинутых стран выступает важным ориентиром для формирования эффективной политики развития финтех-индустрии в других государствах.

В таблице 1 [11] представлена обобщённая характеристика сектора финансовых технологий в рассматриваемых странах, которая служит отправной точкой для выявления как национальных особенностей финтех-экосистем, так и общих закономерностей их развития. В рамках анализа рассматриваются ключевые показатели, характеризующие масштаб и экономическую значимость индустрии: вклад финтех-сектора в валовой внутренний продукт, объем инвестиций в стартапы, расходы банковского сектора на технологические решения, а также уровень занятости в сфере финансовых технологий.

Таблица 1 – Статистические данные о финтех индустрии продвинутых экономик

	Вклад финтеха в ВВП (%)	Инвестиции в финтех сектор (млн\$)	Вложения банковского сектора в финтех (млн\$)	Занятость в финтех секторе (тыс. чел.)
Великобритания	8	2820,6	7835	1100
США	7,5	10655,6	30948,3	6300
Канада	7	430,9	6268	830
Франция	4	411,3	7056,3	1000
Сингапур	13	293,8	1018,6	200
Гонконг*	20	215,5	12870	260
Австралия	9	313,4	7051,5	800

* Вложения в финтех Гонконга составляют в среднем ~15 % от общих расходов финансовых посредников

По состоянию на 2025 год значительная роль финансовых технологий наблюдается в Гонконге – одном из крупнейших международных финансовых центров Азии. Следует отметить, что Гонконг формально является специальным административным районом Китая, обладающим высокой степенью экономической и финансовой автономии.

Благодаря самостоятельной финансовой системе, развитой институциональной среде и статусу глобального финансового хаба его экономика часто рассматривается в одном ряду с развитыми странами. Финансовый сектор в целом формирует более 20 % валового внутреннего продукта Гонконга, что создаёт благоприятную основу для активного развития финтех-компаний и масштабирования цифровых финансовых сервисов. В этих условиях финтех выступает важным элементом современной финансовой экосистемы и одним из драйверов инновационного развития финансового рынка.

Высокая роль финтеха в экономике Гонконга во многом объясняется структурными особенностями его финансовой системы. В отличие от США, где финансовый сектор характеризуется значительной институциональной и региональной децентрализацией, финансовая система Гонконга более концентрирована и ориентирована на международные финансовые операции. В результате взаимодействие между традиционными финансовыми институтами и технологическими компаниями происходит более тесно, что способствует более быстрому внедрению инновационных финансовых решений [3].

Дополнительным фактором является территориальная компактность экономики Гонконга. Ограниченные размеры внутреннего рынка стимулируют финтех-компании ориентироваться на международные рынки и расширять экспорт финансовых услуг. В условиях цифровизации это проявляется в активном развитии трансграничных платежных решений, платформ цифровых финансов и сервисов управления активами. Расширение международных финансовых услуг способствует росту сектора финансовых технологий и оказывает влияние на экономическую динамику через развитие экспорта финансовых услуг.

Несмотря на то, что точные данные о совокупных инвестициях в финтех-индустрию отдельных стран ограничены, аналитические исследования показывают устойчивый рост расходов финансовых институтов на технологические решения. Крупные банки и финансовые посредники в развитых странах направляют значительную часть своих операционных расходов на цифровую трансформацию и развитие технологической инфраструктуры. Аналогичная тенденция наблюдается и в Гонконге, США, Сингапуре и Великобритании, где технологические инвестиции становятся ключевым фактором повышения конкурентоспособности финансовых рынков.

В целом для рассматриваемых стран прослеживается взаимосвязь между объемом инвестиций в финтех-сектор и уровнем занятости в данной отрасли. Рост финансирования инновационных финансовых компаний сопровождается увеличением числа технологических стартапов, а также расширением спроса на специалистов в области программирования, анализа данных, кибербезопасности и цифровых финансов [4]. В то же время оценка влияния занятости на масштабы внедрения финтех-технологий остается сложной задачей, поскольку современная цифровая экономика характеризуется высокой мобильностью трудовых ресурсов и распространением дистанционных форм занятости.

Финтех-индустрия отличается высокой международной мобильностью кадров и активным привлечением талантов из различных стран. Например, в Великобритании значительная часть специалистов, занятых в финтех-секторе, представлена иностранными профессионалами, работающими в международных технологических командах. Это свидетельствует о том, что развитие финтех-экосистемы во многом зависит от способности страны привлекать квалифицированные кадры и формировать благоприятную инновационную среду.

Уровень распространения финансовых технологий в странах оценивается с помощью показателя Fintech Adoption Index, который отражает долю пользователей финтех-сервисов среди всех цифровых пользователей. К 2025 году уровень внедрения финтех-технологий в развитых экономиках продолжает демонстрировать устойчивый рост. Особенно высокие показатели распространения цифровых финансовых сервисов наблюдаются в Сингапуре, Великобритании и Гонконге, где финтех активно интегрируется в повседневные финансовые операции населения и бизнеса (рис. 1) [11].

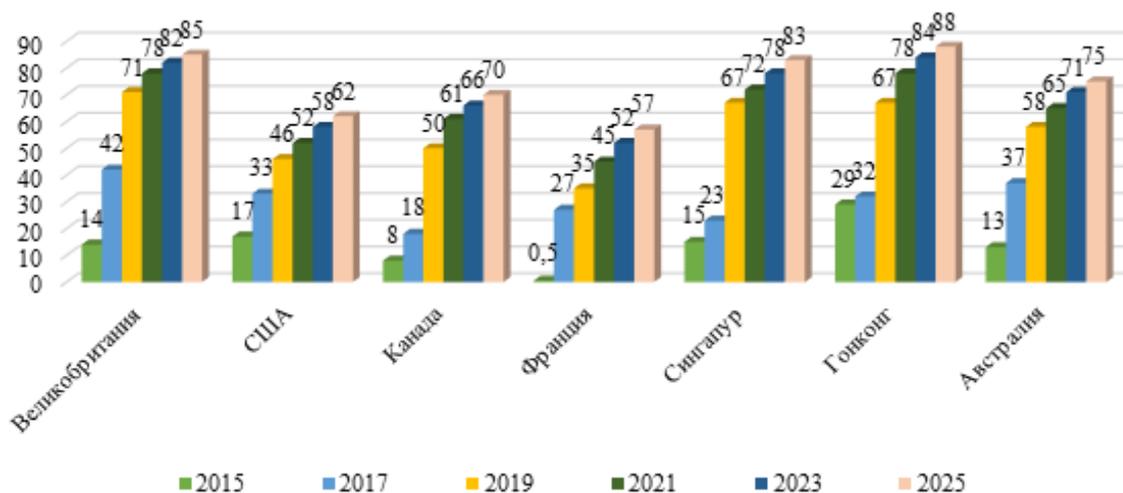

Рис. 1. Доля внедрения финтеха развитыми странами в период с 2015–2025 гг. (%)

Относительно темпов роста внедрения финансовых технологий наиболее высокую динамику демонстрируют Сингапур, Гонконг и Канада. Если в период 2017–2021 гг. индекс проникновения финтех-услуг в этих странах увеличился более чем в два раза, то к 2025 году рост продолжился, хотя его темпы постепенно снижаются по мере насыщения рынка цифровых финансовых услуг. Так, по состоянию на 2025 год уровень внедрения финтех составляет около 83 % в Сингапуре, 88 % в Гонконге и около 70 % в Канаде, что позволяет данным странам сохранять позиции среди лидеров по распространению финансовых технологий.

В Сингапуре высокая динамика внедрения финтех во многом обусловлена развитой инновационной инфраструктурой и активной государственной политикой поддержки цифровых финансов. К 2025 году в стране функционирует более 1400 финтех-компаний, а Сингапур укрепил статус одного из крупнейших финтех-хабов Азии. Значительную роль сыграли инициативы Monetary Authority of Singapore (MAS), направленные на развитие откры-

того банкинга, цифровых платежных систем, блокчейн-технологий и внедрение решений на основе искусственного интеллекта. В результате Сингапур стал одним из мировых лидеров по интеграции цифровых финансовых сервисов в повседневную экономическую деятельность.

В Гонконге рост внедрения финтех также связан с активной политикой финансового регулятора. Одним из ключевых этапов стало внедрение системы виртуальных банков, лицензии на которые были выданы Hong Kong Monetary Authority. Создание восьми цифровых банков значительно расширило спектр онлайн-финансовых услуг и ускорило развитие экосистемы финтех-стартапов. Дополнительным стимулом стала интеграция финтех-решений в трансграничные платежные системы и программы цифровизации финансовых услуг в рамках сотрудничества с материковым Китаем. В результате к 2025 году уровень использования финтех-сервисов в Гонконге приблизился к 88 % цифровых пользователей.

Для Канады важным фактором развития финтех-индустрии стала государственная политика по привлечению квалифицированных специалистов и стимулированию технологических инвестиций. Реализация программы Global Skills Strategy, направленной на привлечение высококвалифицированных кадров и поддержку инновационных компаний, способствовала развитию технологического сектора и росту числа финтех-компаний. По данным правительства Канады, благодаря данной программе десятки тысяч высококвалифицированных специалистов получили возможность работать в стране, что значительно укрепило инновационный потенциал канадской экономики. В результате к 2025 году уровень внедрения финтех-услуг в Канаде приблизился к 70 % пользователей цифровых финансовых сервисов.

В то же время Франция демонстрирует более умеренные темпы роста внедрения финансовых технологий, несмотря на общий восходящий тренд цифровизации финансовых услуг. По состоянию на 2025 год уровень распространения финтех-сервисов в стране составляет около 57 %, что ниже показателей ведущих финтех-центров. Одной из причин является высокая степень доверия населения к традиционным банковским институтам. Согласно исследованиям европейского финансового рынка, значительная часть пользователей по-прежнему предпочитает личное взаимодействие с банковскими специалистами, что замедляет переход к полностью цифровым финансовым услугам [6].

Кроме того, финансовая система Франции характеризуется высокой концентрацией банковского сектора. Значительную роль на рынке играют несколько крупных банковских групп, формирующих основу национальной финансовой системы. Такая структура способствует устойчивости банковской системы, однако одновременно может создавать определенные институциональные барьеры для быстрого развития новых финтех-компаний.

В этих условиях французская финтех-индустрия развивается преимущественно через сотрудничество с традиционными финансовыми институтами. Многие технологические компании ориентируются на модель B2B и B2B2C, предлагая банкам цифровые решения для модернизации их услуг. В результате финтех-экосистема Франции характеризуется активными коллаборациями между банками и технологическими компаниями, что формирует специфическую модель развития отрасли.

Обобщая представленные данные и результаты современных исследований, можно выделить ряд характерных особенностей развития финтех-индустрии в развитых странах, включая специфику регулирования инноваций, уровень технологической инфраструктуры и факторы спроса на цифровые финансовые услуги. Таблица 2 демонстрирует систематизацию данных особенностей для рассматриваемых стран [10]. Следует отметить, что эти характеристики оказывают значительное влияние на уровень внедрения финтех-решений, объем инвестиций в сектор и общий вклад индустрии финансовых технологий в экономику страны.

Сравнительный анализ показывает как наличие общих тенденций, так и существенные различия между странами. Например, Великобритания остается одним из мировых лидеров в формировании благоприятной регуляторной среды для развития финтех-инноваций. Политика регулятора, включая развитие регуляторных песочниц (regulatory sandbox) и системы открытого банкинга (Open Banking), стала ориентиром для многих стран. В частности, Австралия во многом использует аналогичные подходы, активно развивая платежные платформы и инфраструктуру открытых финансов.

Таблица 2 – Основные показатели развития финтех-индустрии в развитых странах

	Финтех-компании (ед.)	Занятость в финтех (тыс. чел.)	Инвестиции в финтех, млрд долл.	Основные специализации
Великобритания	2500	90	3,6	платежные системы, open banking, regtech
США	11000	350	25,1	платежи, инвестиционные платформы, цифровые активы
Канада	1200	30	1,2	платежные решения, AI-финтех
Франция	900	25	0,9	insurtech, B2B fintech
Сингапур	1800	10	3,8	цифровые банки, blockchain, платежи
Гонконг	1100	25	1,5	wealthtech, blockchain, цифровые банки
Австралия	800	20	0,8	платежные сервисы, open banking

В то же время особенностью Австралии является более широкое применение финтех-решений за пределами традиционного финансового сектора, включая электронную коммерцию, страхование и управление цифровыми данными. Схожие черты можно наблю-

дать и между Великобританией и Сингапуром, где финансовые регуляторы характеризуются высокой инициативностью и активно продвигают инновационные финансовые технологии.

С другой стороны, значительные различия между странами во многом обусловлены масштабами национальных рынков, структурой финансовой системы и уровнем международной интеграции финансовых услуг. Эти факторы формируют различные модели развития финтех-экосистем и объясняют различия в темпах внедрения финансовых технологий в развитых экономиках.

В данном случае более малые по площади страны как Великобритания, Сингапур и Гонконг ориентированы на масштабирование финтех индустрии через зарубежные рынки. Например, позиционирование Сингапура направлено в долгосрочной перспективе на достижение статуса лидера финтех индустрии среди государств, входящих в АСЕАН. В отличие от этого крупные по территориальному признаку страны привлекают инвестиции и таланты внутрь страны (Канада) и благодаря размеру экономики дальнейшее масштабирование финтех за счет широкой пользовательской базы. Среди стран также присутствует отличие в разнообразии финтех ландшафта. Так, среди крупных по территории в Канаде финтех индустрия сосредоточена вокруг Монреаля, а в США выделяется множество финтех центров на уровне штатов. Правительство Австралии в этом контексте предпринимает меры поощрения других городов, чтобы финтех индустрия развивалась так же активно и за пределами главного финтех центра, Сиднея.

В последние годы данные тенденции получили дальнейшее развитие. К 2025 году финтех-индустрия в развитых странах все чаще выходит за рамки традиционного финансового сектора, интегрируясь в такие сферы, как электронная коммерция, здравоохранение, управление данными и цифровая идентификация. В результате формируются новые модели взаимодействия между технологическими компаниями, финансовыми институтами и государственными структурами.

Одновременно усиливается международная кооперация в сфере финтех. Развитые страны активно развивают трансграничные платежные системы, совместные инновационные платформы и регуляторное сотрудничество. Это способствует формированию глобальной финтех-экосистемы, в которой технологические решения быстро распространяются между странами и рынками.

Современный этап развития финтех-индустрии характеризуется не только ростом цифровых финансовых услуг, но и расширением сфер применения финансовых технологий, усилением международного взаимодействия и формированием новых инновационных экосистем, объединяющих различные отрасли экономики.

Для оценки динамики инвестиционной активности в финтех-секторе был проведён анализ темпов прироста инвестиционных сделок в акционерный капитал финтех-компаний в развитых странах (рис. 2) [9]. Данный показатель позволяет выявить изменения в активности венчурного и институционального капитала в условиях цифровой трансформации финансовых рынков.

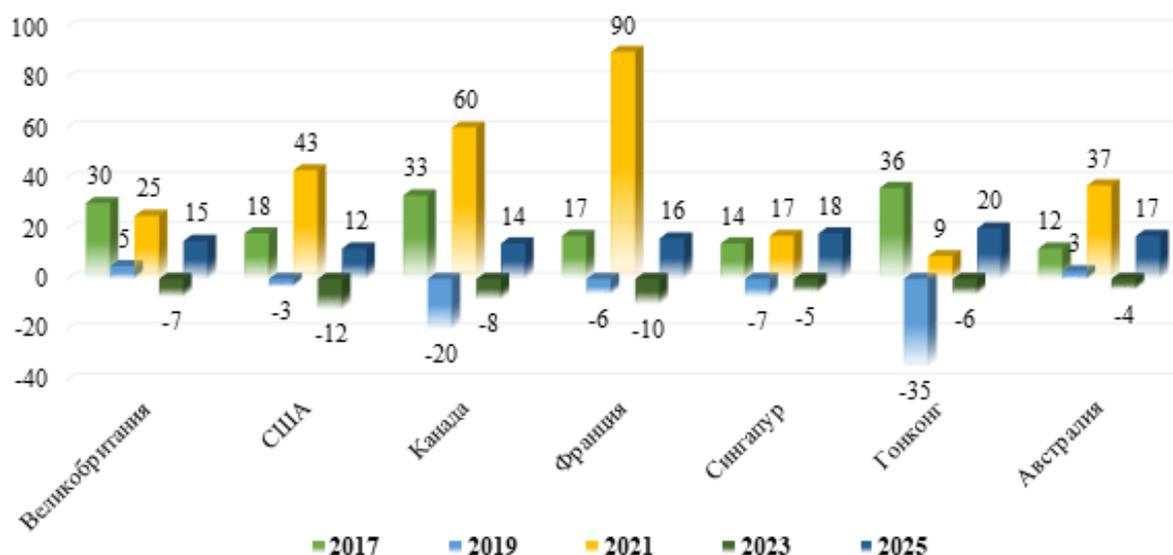

Рис. 2. Темп прироста инвестиционных сделок в акционерный капитал финтех с 2017 по 2025 гг.

Как видно из представленных данных, после значительного роста инвестиционной активности в 2021 году в большинстве развитых стран наблюдалось снижение темпов прироста сделок в 2022–2023 гг., что было связано с глобальной коррекцией венчурного рынка и ужесточением денежно-кредитной политики. Однако начиная с 2024 года инвестиционная активность постепенно восстанавливается. Наиболее устойчивую динамику демонстрируют финтех-экосистемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности Сингапура и Гонконга, где рост инвестиций поддерживается активной государственной политикой и развитием региональных финансовых рынков.

Стоит отметить, что значительный рост темпов прироста инвестиционных сделок в финтех-секторе Франции свидетельствовал о повышении привлекательности данного рынка для инвесторов. Вероятно, активизация финансирования в предыдущие годы способствовала формированию более благоприятной инвестиционной среды и укреплению позиций финтех-компаний на национальном рынке.

В то же время в ряде других развитых стран наблюдается постепенное снижение доли финансирования финтех-сектора по отношению к ВВП, что может быть связано с переходом отрасли от стадии активного роста к этапу более зрелого развития. Например, в Великобритании, где финтех уже глубоко интегрирован в финансовую систему, относительный объем финансирования постепенно стабилизируется по мере насыщения рынка инновационными финансовыми решениями.

Одновременно изменения потребительского поведения, связанные с ростом использования цифровых сервисов и онлайн-платежей, продолжают стимулировать спрос на финтех-решения. При этом динамика отдельных сегментов финтех-индустрии может различаться в зависимости от особенностей национальных рынков. Так, несмотря на общую тенденцию замедления роста цифрового кредитования в ряде стран, на рынке США данный сегмент де-

монстрировал более устойчивую динамику, что связано с масштабом внутреннего рынка и высоким спросом на альтернативные формы финансирования.

Для более объективной оценки роли финтех-индустрии в национальных экономиках целесообразно рассмотреть объем финансирования финтех-сектора в сопоставлении с валовым внутренним продуктом стран. Такой подход позволяет определить относительную значимость инвестиций в развитие финансовых технологий. Соответствующие данные представлены на рис. 3 [9].

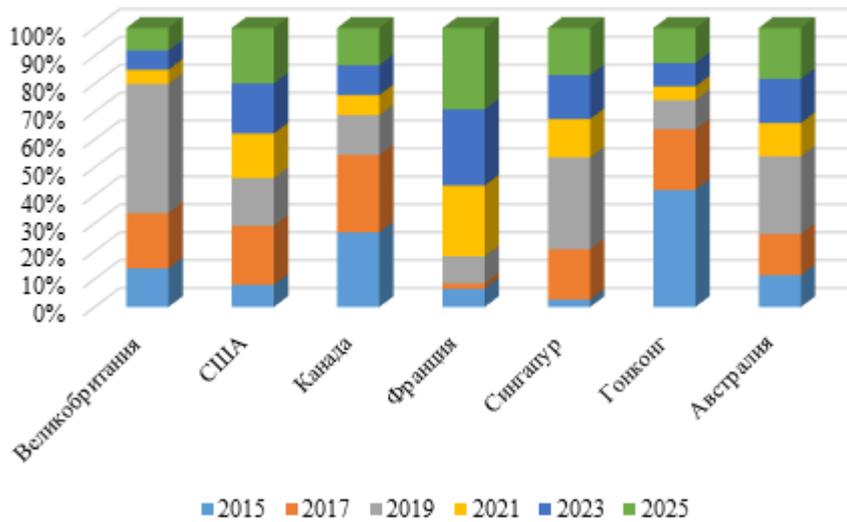

Рис. 3. Финансирование финтеха по отношению ВВП (%)

Уровень финансирования финтех-индустрии по отношению к ВВП существенно различается между рассматриваемыми странами. Наиболее высокие показатели наблюдаются в Великобритании и Сингапуре, которые выступают ведущими международными центрами развития финансовых технологий и характеризуются значительной концентрацией финтех-компаний и инвестиционного капитала.

В странах Северной Америки уровень финансирования остается более стабильным: в США доля инвестиций в финтех относительно ВВП сохраняется на умеренном уровне, тогда как в Канаде она несколько ниже, однако демонстрирует постепенное восстановление. Во Франции, Гонконге и Австралии наблюдается более умеренная динамика финансирования, что отражает особенности национальных финансовых систем и степень интеграции финтех-решений в традиционный финансовый сектор.

Таким образом, различия в уровне финансирования финтеха во многом обусловлены масштабом экономики стран, уровнем развития финансовой инфраструктуры и государственной поддержкой инноваций.

Необходимо также отметить, что помимо факторов спроса и инвестиционной активности, финтех-индустрия развитых стран продолжает адаптироваться к меняющимся экономическим условиям и новым потребностям общества. Финтех-компании активно модернизи-

руют свои продукты, упрощают пользовательские интерфейсы, снижают транзакционные издержки и внедряют новые цифровые сервисы.

К 2025 году финтех-индустрия развитых стран демонстрирует устойчивую положительную динамику, проявляющуюся в росте инвестиций, расширении пользовательской базы и постоянном совершенствовании технологических решений, что укрепляет ее роль как одного из ключевых драйверов цифровой трансформации финансового сектора.

В период экономической нестабильности начала 2020-х годов значительная часть финтех-стартапов столкнулась с сокращением доходов, несмотря на общий рост индустрии финансовых технологий. По отраслевым оценкам, лишь около 12 % компаний смогли увеличить выручку более чем на 10 %, что во многом связано с высокой чувствительностью инновационных компаний к макроэкономическим колебаниям. В этих условиях важную роль сыграла государственная поддержка инновационного сектора. В ряде развитых стран были реализованы программы поддержки стартапов, направленные на обеспечение их ликвидности и сохранение инновационного потенциала отрасли. Наиболее распространёнными мерами поддержки стали отсрочка платежей, субсидирование заработной платы сотрудников и государственное кредитование. В США специализированных программ поддержки финтех не выделялось, однако стартапы могли воспользоваться мерами поддержки малого бизнеса. Одновременно отдельные страны внедрили дополнительные инициативы, направленные на развитие финтех-экосистемы. Например, в Сингапуре был создан грант FinTech Solidarity Grant, стимулирующий развитие технологических решений и сотрудничество между финансовыми институтами и финтех-компаниями.

Одновременно развитие финтех-сервисов сопровождалось формированием новых рисков для финансовой системы. В частности, быстрый рост сервисов BNPL (Buy Now, Pay Later) изменил структуру потребительского кредитования и привел к появлению аналогичных решений у крупных финансовых компаний. Расширение использования таких сервисов сопровождалось ростом кредитных рисков, что привлекло внимание регуляторов. В результате ряд стран, включая Великобританию и Австралию, начал формирование нормативных рамок для регулирования данного сегмента.

Для систематизации влияния финтех-индустрии на устойчивость финансовых систем развитых стран были выделены основные каналы воздействия, представленные в табл. 3. Анализ представленных данных показывает, что финтех-индустрия оказывает неоднозначное влияние на финансовую стабильность. С одной стороны, развитие цифровых финансовых технологий способствует повышению доступности финансовых услуг и диверсификации финансового сектора. С другой стороны, расширение альтернативных финансовых сервисов и рост цифровых операций усиливают киберриски и кредитные риски. В этих условиях важную роль играет совершенствование регулирования и развитие механизмов управления системными рисками, что позволяет обеспечить устойчивое развитие финтех-индустрии в долгосрочной перспективе [3].

Таблица 3 – Каналы влияния финтех-индустрии на финансовую стабильность развитых стран

Страна	Доступность финансовых услуг	Диверсификация финансового сектора	Кибербезопасность	Кредитный риск
Гонконг	+	+	–	–
Франция	+	+	–	–
Канада	+	+	–	–
США	+	++	–	–
Сингапур	+	+	–	–
Великобритания	+	++	–	–
Австралия	+	+	–	–

– умеренное влияние;

++ – значительное влияние.

Результаты. Таким образом, проведённый анализ показывает, что развитие финтех-индустрии в развитых странах характеризуется высокой инвестиционной активностью, активной ролью государственных и регуляторных институтов, а также ростом спроса на цифровые финансовые услуги. Финтех способствует повышению доступности финансовых сервисов и диверсификации финансового сектора, что усиливает его устойчивость и адаптивность к изменениям экономической среды. В тоже время расширение использования инновационных финансовых технологий сопровождается появлением новых рисков, включая рост киберугроз и кредитных рисков, связанных с развитием альтернативных финансовых сервисов. В этих условиях ключевое значение приобретает совершенствование регуляторной среды и развитие механизмов мониторинга системных рисков. В целом опыт развитых стран показывает, что эффективное сочетание инновационного развития, государственной поддержки и адаптивного регулирования позволяет обеспечить устойчивое развитие финтех-индустрии и ее интеграцию в современную финансовую систему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдурахманов, К. Х. Искусственный интеллект – основа устойчивого развития экономики : монография / К. Х. Абдурахманов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». – Москва, 2023. – 355 с.
2. Дмитрук, Е. В. Финтех и его влияние на трансформацию банковской системы: вызовы и перспективы развития / Е. В. Дмитрук, Ж. В. Мекшенева, Р. Ю. Голиков // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 5. – С. 3395-3408. – DOI 10.18334/epp.15.5.123092. – EDN ZXNHGL.
3. Зокирова, Н. К. Факторы и механизмы устойчивого роста экономики / Н. К. Зокирова, Н. Т. Талипова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 2. – С. 94-106. – DOI 10.24412/2072-8042-2025-2-94-106. – EDN CMGQBJ.
4. Могилевцев, Г. В. Инновационные технологии в финансовом секторе: роль финте-

ха в преобразовании традиционных моделей // *Universum: экономика и юриспруденция* : электрон. научн. журн. 2025. 2 (124). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/19241>

5. Семеко, Г. В. Новые финансовые технологии: глобальные тренды и особенности России / Г. В. Семеко // *Экономические и социальные проблемы России*. – 2020. – № 1 (41). – С. 50-74. – DOI 10.31249/espr/2020.01.03. – EDN RCYGTJ.

6. Талипова, Н. Т. Основные экономические риски и источники финансирования инвестиционных проектов / Н. Т. Талипова // *Стратегии противодействия угрозам экономической безопасности в условиях нестабильности мировых рынков* : Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25–26 июня 2020 г., М.: ИПР РАН, 25–26 июня 2020 года / Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова, к.ф.-м.н., доцента К. Х. Зоидова. – М.: ИПР РАН: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук, 2020. – С. 135-138. – EDN FLFFAV.

7. Талипова, Н. Т. Особенности развития финтех-индустрии в ведущих экономиках мира / Н. Т. Талипова, У. М. Алиев // *Актуальные проблемы экономической деятельности и образования в современных условиях* : сборник научных трудов XX Международной научно-практической конференции, Оренбург, 16 апреля 2025 года. – Москва: ООО «Сфера», 2025. – С. 124-129. – EDN ATEXPI.

8. Arner D., Barberis J., Buckley R. The Evolution of FinTech: A New Post-Crisis Paradigm. – *Georgetown Journal of International Law*, 2016. – Vol. 47. – pp. 1271-1319.

9. BIS Data Portal | Bank for International Settlements. URL: <https://data.bis.org/>

10. Pulse of Fintech H2 2025 – Global insights. URL: <https://kpmg.com/xx/en/what-we-do/industries/financial-services/pulse-of-fintech.html>

11. UK FinTech: Moving mountains and moving mainstream; World Bank. – URL: <https://www.cityoflondon.gov.uk/assets/Business/uk-fintech-moving-mountains-and-moving-mainstream.pdf>

REFERENCES

1. Abduraxmanov, K. X. *Iskusstvenny`j intellekt – osnova ustojchivogo razvitiya e`konomiki* : monografiya / K. X. Abduraxmanov; Ministerstvo nauki i vy`sshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, FGBOU VO RE`U im. G. V. Plexanova. – Moskva, 2023. – 355 s.

2. Dmitruk, E. V. Fintex i ego vliyanie na transformaciyu bankovskoj sistemy`: vy`zovy` i perspektivy` razvitiya / E. V. Dmitruk, Zh. V. Meksheneva, R. Yu. Golikov // *E`konomika, predprinimatel`stvo i pravo*. – 2025. – T. 15, № 5. – S. 3395-3408. – DOI 10.18334/epp.15.5.123092. – EDN ZXNHGL.

3. Zokirova, N. K. Faktory` i mexanizmy` ustojchivogo rosta e`konomiki / N. K. Zokirova, N. T. Talipova // *Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik*. – 2025. – № 2. – S. 94-106. – DOI 10.24412/2072-8042-2025-2-94-106. – EDN CMGQBJ.

4. Mogilevcev, G. V. Innovacionny`e texnologii v finansovom sektore: rol` fintexa v preobrazovanii tradicionny`x modelej // *Universum: e`konomika i yurisprudenciya* : e`lektron.

nauchn. zhurn. 2025. 2 (124). – URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/19241>

5. Semeko, G. V. Novy`e finansovy`e texnologii: global`ny`e trendy` i osobennosti Rossii / G. V. Semeko // E`konomicheskie i social`ny`e problemy` Rossii. – 2020. – № 1 (41). – S. 50-74. – DOI 10.31249/espr/2020.01.03. – EDN RCYGTJ.

6. Talipova, N. T. Osnovny`e e`konomicheskie riski i istochniki finansirovaniya investicionny`x proektov / N. T. Talipova // Strategii protivodejstviya ugrozam e`konomicheskoj bezopasnosti v usloviyax nestabil`nosti mirovy`x ry`nkov : Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 25-26 iyunya 2020 g., M.: IPR RAN, 25–26 iyunya 2020 goda / Pod red. chl.-korr. RAN V. A. Czvetkova, k.f.-m.n., docenta K. X. Zoidova. – M.: IPR RAN: Federal`noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut problem ry`nka Rossijskoj akademii nauk, 2020. – S. 135-138. – EDN FLFFAV.

7. Talipova, N. T. Osobennosti razvitiya fintex-industrii v vedushhix e`konomikax mira / N. T. Talipova, U. M. Aliev // Aktual`ny`e problemy` e`konomicheskoj deyatel`nosti i obrazovaniya v sovremenny`x usloviyax : Sbornik nauchny`x trudov XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Orenburg, 16 aprelya 2025 goda. – Moskva: OOO Sfera, 2025. – S. 124-129. – EDN ATEXPI. Zokirova N. K., Talipova N. T. Factors and Mechanisms of Sustainable Economic Growth. Russian Foreign Economic Bulletin. 2025. – No. 2. – pp. 94-106.

8. Arner D., Barberis J., Buckley R. The Evolution of FinTech: A New Post-Crisis Paradigm. – Georgetown Journal of International Law, 2016. – Vol. 47. – pp. 1271-1319.

9. BIS Data Portal | Bank for International Settlements. – URL: <https://data.bis.org/>

10. Pulse of Fintech H2 2025 – Global insights. – URL: <https://kpmg.com/xx/en/what-we-do/industries/financial-services/pulse-of-fintech.html>

11. UK FinTech: Moving mountains and moving mainstream; World Bank. – URL: <https://www.cityoflondon.gov.uk/assets/Business/uk-fintech-moving-mountains-and-moving-mainstream.pdf>

Информация об авторах

Каландар Ходжаевич Абдурахманов, директор Ташкентского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, академик академии наук Республики Узбекистан, 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, info@reu.uz, SPIN-код: 1047-8548, AuthorID: 733483

Нодира Каландаровна Зокирова, заместитель директора, доктор экономических наук, профессор Ташкентского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова, 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, nodira28uz@mail.ru, SPIN-код: 4602-4820, AuthorID: 734779

Нигора Тулкуновна Талипова, кандидат экономических наук, профессор, зав. кафедры «Международная экономика и бизнес» Ташкентского филиала «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, nigoratal@gmail.com, SPIN-код: 2440-4153, AuthorID: 398320

Information about Authors

Kalandar Kh. Abdurakhmanov, Director of the Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, info@reu.uz, SPIN-код: 1047-8548, AuthorID: 733483

Nodira K. Zokirova, Deputy Director, Doctor of Economics, Professor, Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, nodira28uz@mail.ru, SPIN-код: 4602-4820, AuthorID: 734779

Nigora T. Talipova, Candidate of Economics, Professor, Head of the Department of International Economics and Business, Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics. Plekhanov», 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, building 3, nigoratal@gmail.com, SPIN-код: 2440-4153, AuthorID: 398320

Для цитирования: Абдурахманов К. Х., Зокирова Н. К., Талипова Н. Т. Особенности индустрии финансовых технологий продвинутых экономик // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 111-126.
URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

УДК 338.27

ОСОБЕННОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ В ЦЕЛЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Юрий Алексеевич Симагин

Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук г. Москва, Российская федерация

Ирина Васильевна Максимова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Во введении раскрывается актуальность исследования проблемы прогнозирования численности населения в малых городах России. В разделе подчеркивается особый статус малого города как системообразующего элемента региональной экономики; проводится анализ используемых на практике методов прогнозирования численности населения; формулируется цель исследования, которая заключается в проведении оценки репрезентативности методов прогнозирования для разработки прогноза численности населения с учетом специфики малых городов.

Методы. Для достижения поставленной цели были использованы общенаучные и специальные методы, включая метод экстраполяции ряда динамики и метод регрессионного анализа.

Анализ. Представлены результаты оценки репрезентативности различных методов прогнозирования численности населения на примере г. Урюпинска. Разработан прогноз общей численности населения и численности экономически активного населения г. Урюпинск до 2030 года. Показано, что применение метода экстраполяции в целях разработки демографических прогнозов в малых городах позволяет объективно предвидеть проблемы обеспеченности городов рабочей силы.

Результаты. На основе проведенного исследования выявлены проблемы прогнозирования численности населения в малых городах России. Показано, что использование некоторых методов прогнозирования нерационально, что связано с ограничениями социально-экономического потенциала малого города и низкой степенью изменчивости факторных признаков.

Ключевые слова: малые города, демографический прогноз, региональная экономика, рабочая сила.

UDC 338.27

FEATURES OF POPULATION FORECASTING IN SMALL TOWNS FOR REGIONAL PLANNING

Yury A. Simagin

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina V. Maksimova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The introduction explains the relevance of research into population forecasting in small Russian towns. This section emphasizes the special status of small towns as a system-forming element of the regional economy; analyzes current population forecasting methods; and formulates the objective of the study, which is to assess the representativeness of forecasting methods for developing population forecasts, taking into account the specific characteristics of small towns.

Methods. To achieve this objective, general scientific and specialized methods were used, including time series extrapolation and regression analysis.

Analysis. The article presents the results of an assessment of the representativeness of various population forecasting methods using the city of Uryupinsk as an example. A forecast of the total population and economically active population of Uryupinsk through 2030 is developed. It is shown that the use of the extrapolation method for developing demographic forecasts in small towns allows for objectively anticipating labor force availability issues.

Results. The study identified problems with population forecasting in small Russian towns. It was shown that the use of some forecasting methods is irrational due to the limited socioeconomic potential of small towns and the low variability of factor indicators.

Keywords: small towns, demographic forecast, regional economy, labor force.

Введение. Малые города в России имеют важное экономическое и социальное значение. Они выполняют связующую функцию между сельской местностью и более крупными городами, формируя, таким образом, территориальный каркас региона, выступают индикатором уровня социально-экономического развития региона и, как правило, являются историческим наследием. Малые города по своему функциональному значению могут выступать промышленными центрами по переработке сельскохозяйственной продукции или моногородами, где добывают и перерабатывают природные ресурсы, логистическими узлами, курортными, историческими и культурными центрами [3]. Малые города способствуют более равномерному распределению населения по территории регионов, предотвращают чрезмерную концентрацию населения в средних и крупных городах, способствуя этим снижению нагрузки на социальную, транспортную и коммунальную инфраструктуры. Однако проблем в развитии малых городов гораздо больше, чем у средних или, тем более, крупных. Часто это связано с ограничениями внутреннего потенциала, невысокой степенью развития факторов экономического роста. Неслучайно поэтому в России в последние годы наметилась тенденция сокращения численности населения в малых городах. Это провоцирует там снижение численности экономически активного населения, бюджетных доходов, а значит, ещё больше ухудшает социально-экономическую ситуацию. В целях стратегического и программно-целевого планирования особую важность, в связи с этим, приобретает прогнозирование численности населения с учетом особенностей малых городов.

Для целей регионального планирования Н. Л. Антонова выделяет следующие три разновидности прогнозов [2].

1. По длительности: а) краткосрочные (до 5 лет) демографические прогнозы, предполагающие сохранение в будущем основных тенденций демографических процессов, которые наблюдались в период, предшествующий прогнозному. Краткосрочные прогнозы, как правило, надежны, так как демографические процессы (рождаемость, смертность, миграция) очень инертны, т. е. меняются медленно; б) среднесрочные (5-30 лет) демографические прогнозы – прогнозы, которые рассчитываются в целом не более чем на длину поколения и основываются на анализе современных демографических процессов; в) долгосрочные (30-60 лет) демографические прогнозы – наименее точные прогнозы, которые дают общую характеристику численности и состава населения в перспективе.

2. По целям: а) аналитические демографические прогнозы, ориентированные на оценку влияния современного воспроизводства на будущую численность и состав населения, а также на социально-экономическое развитие региона; б) прогнозы-предостережения, являющиеся разновидностью аналитических прогнозов и нацеленные на то, чтобы предупредить о неблагоприятных последствиях существующей демографической ситуации, для изменения которой необходимы срочные меры; в) функциональные демографические прогнозы, предназначенные для предоставления демографической информации управленческим организациям и иным структурам. Например, прогноз численности населения позволяет определить количество потребителей тех или иных товаров и услуг; г) нормативные демографические прогнозы, которые нацелены на рекомендации для достижения желаемой демографической ситуации, воспроизводства населения в целом.

3. По масштабам: а) региональные демографические прогнозы – прогнозы по административно-территориальным образованиям: регионам, областям, краям, районам; б) локальные демографические прогнозы – прогнозы по отдельным населенным пунктам, округам и районам городов и т.п.

Информационной базой для демографических прогнозов служат текущий учет демографических событий, статистический учет населения, специально организованные статистические наблюдения, выборочные демографические обследования, переписи населения [8].

При разработке демографических прогнозов используют различные методы. Так, например, М. Б. Денисенко и Н. М. Калмыкова выделяют [4]:

1. Методы передвижки возрастов и когорт. Они позволяют устранить недостаток методов экстраполяции – прогнозирование на основе средней тенденции динамики населения. Как отмечают авторы, эти методы основаны на том, что показатели рождаемости и смертности, миграции существенно различаются у различных половозрастных групп. Основой расчета по методу передвижки возрастов служит коэффициент дожития, достигнутый различными половозрастными группами, а основа метода когорт – коэффициент рождаемости, достигнутый различными возрастными группами женщин или когортами.

2. Экономико-математические методы. Итогом их применения являются динамические модели, которые позволяют учесть влияние новых факторов, проявивших себя в последние периоды. Функция исследователя-прогнозиста заключается в том, чтобы из перечня факторов, оказывающих влияние на изучаемый процесс, выбрать наиболее значимые и рассчитать параметры многофакторной модели.

3. Методы экстраполяции применяются не только для оценки будущей численности населения, но и для расчета характеристик движения населения.

4. Методы экспертных оценок. Они незаменимы в случаях недостаточного объема статистической информации об объекте прогнозирования, а также в случаях, когда в новом периоде на изучаемый процесс начинают оказывать влияние новые факторы, влияние которых изучить по данным за предыдущие периоды невозможно.

Детализация метода экстраполяции описана в публикации О. М. Шубат и О. И. Киселевой. В частности, при описании метода они отмечают: «Прогнозные значения численности населения можно определить с помощью среднего абсолютного прироста и среднего коэффициента роста. Прогнозирование по формуле среднего абсолютного прироста используется в том случае, если принимается допущение, что с каждым годом численность населения изменяется на одно и то же значение. Прогнозирование с помощью среднего коэффициента роста осуществляется тогда, когда предполагается, что численность населения с каждым годом изменяется в одно и то же число раз» [12]. С. Э. Андиева и Н. С Орлова в рамках метода экстраполяции выделяют также его разновидность на основе показателей естественного и механического движения. Этот подход основывается на гипотезе, что сложившиеся тенденции в движении населения в прошлом сохранятся в будущем на период прогнозирования [1]. Метод экстраполяции ряда динамики с использованием регрессионной модели хорошо описан в

публикациях А. В. Кашепова [5]. Регрессионные модели, которые основаны на использовании факторов, влияющих на численность населения, описаны в трудах И. А. Кульковой [6]

Более полная картина методов демографического прогнозирования представлена в публикации М. Г. Носовой и А. В. Фёдорова, где авторы, кроме того, выделяют методы, позволяющие учесть специфику закономерностей демографических процессов, что можно использовать для целей государственного регулирования (модель Мальтуса, модель Фибоначче, цепи Маркова, ветвящиеся процессы и пр.) [10].

В тоже время, несмотря на большое количество методов прогнозирования, следует отметить, что особенности прогнозирования численности населения в малых городах изучены недостаточно полно. Многие авторы, например, В. В. Фаузер А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер, О. В. Марченко, Г. И. Бурдакова, А. А. Назаров, М. Г. Носова и другие [11, 8, 9], исследуя проблему прогнозирования численности населения в малых городах, отмечают особенность, которая заключается в необходимости привязки численности к социально-экономической ситуации, в первую очередь, возможностям развития экономики города и массовым оттокам молодежи из-за стремления получить образование и сделать успешную карьеру в большом городе.

Многообразие методов прогнозирования, с одной стороны, и малоизученность особенностей прогнозирования численности населения малого города, с другой стороны, обуславливают проведение специальных исследований. Цель данного исследования заключалась в оценке объективности прогнозов численности населения в малых городах с использованием различных методов прогнозирования.

Материалы и методы исследования. Эмпирической базой служили данные Росстата. В процессе исследования были использованы общенаучные и специальные методы, в том числе метод описания для характеристики состояния проблемы прогнозирования численности населения, метод сравнения для оценки степени объективности различных методов прогнозирования, методы анализа и синтеза в оценке факторов, влияющих на демографические процессы в РФ, методы экономико-статистического анализа для разработки демографических прогнозов.

Прогноз численности населения с использованием среднего темпа изменяя численности производился по формуле:

$$P_i = N T_{\text{сред}} \quad (1),$$

где P_i – прогноз численности, человек; N – численность в году, предшествующим прогнозируемому, человек; $T_{\text{сред}}$ – средний темп роста или снижения численности.

Прогноз численности населения с использованием показателя среднего абсолютного прироста осуществлялся по формуле:

$$P_i = N + A_{\text{сред}} \quad (2),$$

где $A_{\text{сред}}$ – средний абсолютный прирост или снижения численности.

Прогноз численности населения с использованием показателей средней рождаемости, смертности и миграции рассчитывался по формуле:

$$P_i = N + R - C \pm M \quad (3),$$

где R – рождаемость, человек; C – смертность, человек; M – миграция, человек.

Прогноз численности населения с использованием регрессионной модели производился по формуле:

$$P_i = a_0 + a_1 X_1 + a_2 X_2 + a_3 X_3 + \dots \quad (4),$$

где A_0, A_1 и т.д. – коэффициенты регрессии; X_1, X_2 и т.д. – показатели факторов, влияющих на численность населения.

Репрезентативность методов прогнозирования оценивали по формулам: средней абсолютной ошибке, средней абсолютной процентной ошибке, среднеквадратического отклонения, коэффициента Фишера.

Результаты исследования. Объектом исследования был выбран город Урюпинск в Волгоградской области – «столица провинции» России. Численность населения Урюпинска сейчас составляет 36704 человека, в том числе детей в возрасте до 6 лет – 3661 человек, подростков (школьников) в возрасте от 7 до 17 лет – 4340 человек, молодежи от 18 до 29 лет – 4395 человек, взрослых в возрасте от 30 до 60 лет – 15792 человека, пожилых людей от 60 лет – 8001 человек, а долгожителей Урюпинска старше 80 лет – 514 человек.

Поселение под названием «Урюпинск» упоминается ещё в домонгольских рукописях, хотя официально поселение стало городом только в 1927 году. На рис. 1 представлены показатели изменения численности населения с 1887 г. В период распада СССР численность жителей составляла 42954 человека, то есть к настоящему времени уменьшилась приблизительно на 20 %.

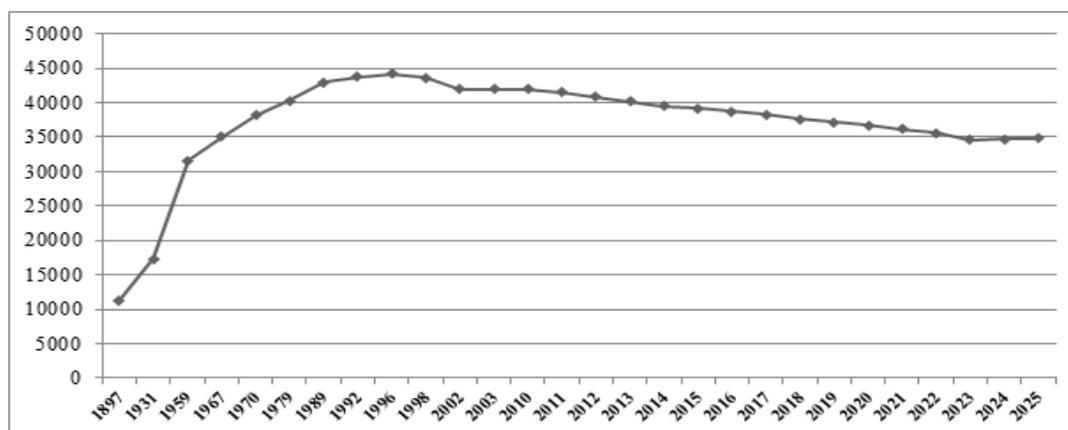

Рис. 1. Численность жителей г. Урюпинска, человек

Источник: составлено по: Муниципальная статистика // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru>; «Муниципальная статистика России с 2005 года» // Росстат; «Если быть точным», 2025. – URL: <https://techno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 02.02.2026).

После распада СССР численность жителей города неуклонно снижается. Особенно заметно ускорение снижения в период 1992–1998 гг., когда в стране, и не только в малых городах, наблюдалась неблагоприятная социально-экономическая ситуация (заккрытие предприятий, массовая безработица, несвоевременная выплата заработной платы, пенсий и пособий). С 2002 г. темпы снижения численности населения замедлились, но сама тенденция снижения численности жителей города сохранилась.

Показатели смертности, рождаемости и миграции населения в Урюпинске представлены на рис. 2.

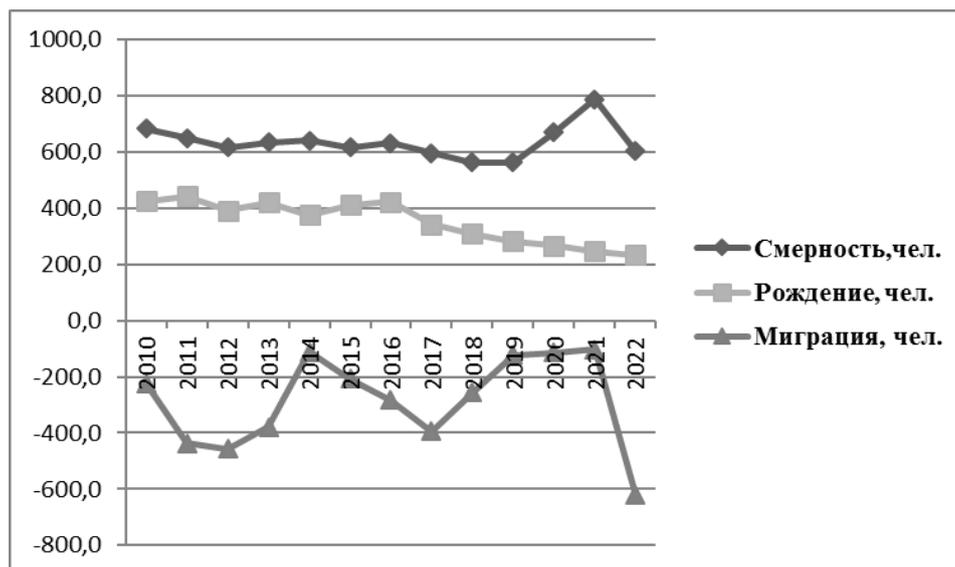

Рис. 2. Показатели смертности, рождения и миграции в г. Урюпинске, человек

Источник: составлено по: Муниципальная статистика // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru>; «Муниципальная статистика России с 2005 года» // Росстат; «Если быть точным», 2025. – URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 02.02.2026).

Согласно данным рис. 2, снижение численности населения Урюпинска связано с тенденциями снижения рождаемости, которая не позволяет обеспечить естественное воспроизводство населения. На снижение численности города влияют также миграционные процессы – выезд населения в другие места постоянного проживания. Возможно, отток населения связан в основном с переездом молодых людей для получения образования и карьерного роста.

В городе располагается несколько десятков предприятий. Наибольшее число действующих предприятий относится к оптовой и розничной торговле, ремонту автотранспортных средств и мотоциклов – 16,8 %, обрабатывающие производства – 7,6 %, деятельности административной и сопутствующей дополнительным услугам, и государственному управлению, и обеспечению военной безопасности, социальному обеспечению – 7,6 %, а также образование – 7,9 %. Число индивидуальных предпринимателей – 947 человек. За последние 5 лет численность действующих предприятий и индивидуальных предпринимателей существенно не менялась.

На долю промышленности по объему отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг приходится 89,9 % всех произведенных крупными и средними организациями города товаров (работ, услуг). В городе располагаются 7 крупных и средних предприятий: ОАО «Урюпинский маслоэкстракционный завод», ОАО «Урюпинский элеватор», АО «Урюпинский крановый завод», ИП Сухов Д. А., АО «Хоперская упаковка», ООО «Руслана», ООО «Булочно-кондитерский комбинат», ООО «РиЯ». Всего в городе насчитывается 21876 занятых, или около 63 % от всей численности населения. Поэтому уровень и перспективы развития городской экономики играют, очевидно, также весьма весомую роль в процессах миграции населения.

Результаты расчета прогноза по формулам 1-4 представлены на рис. 3. В качестве фактора, влияющего на изменение численности населения в регрессионной модели, использовался показатель времени. Как следует из данных рисунка 3, практически все разновидности метода экстраполяции демонстрируют невысокую репрезентативность прогноза. Наиболее приближенные к фактическим прогнозным значениям показателей в период с 2020 по 2025 гг. по закономерностям, выявленным за период 2020–2019 гг., демонстрирует метод, где использовался показатель среднего темпа роста/снижения численности населения. Наибольшее расхождение между фактическими и расчетными значениями численности населения демонстрирует метод, где использовались показатели смертности, рождаемости и миграции.

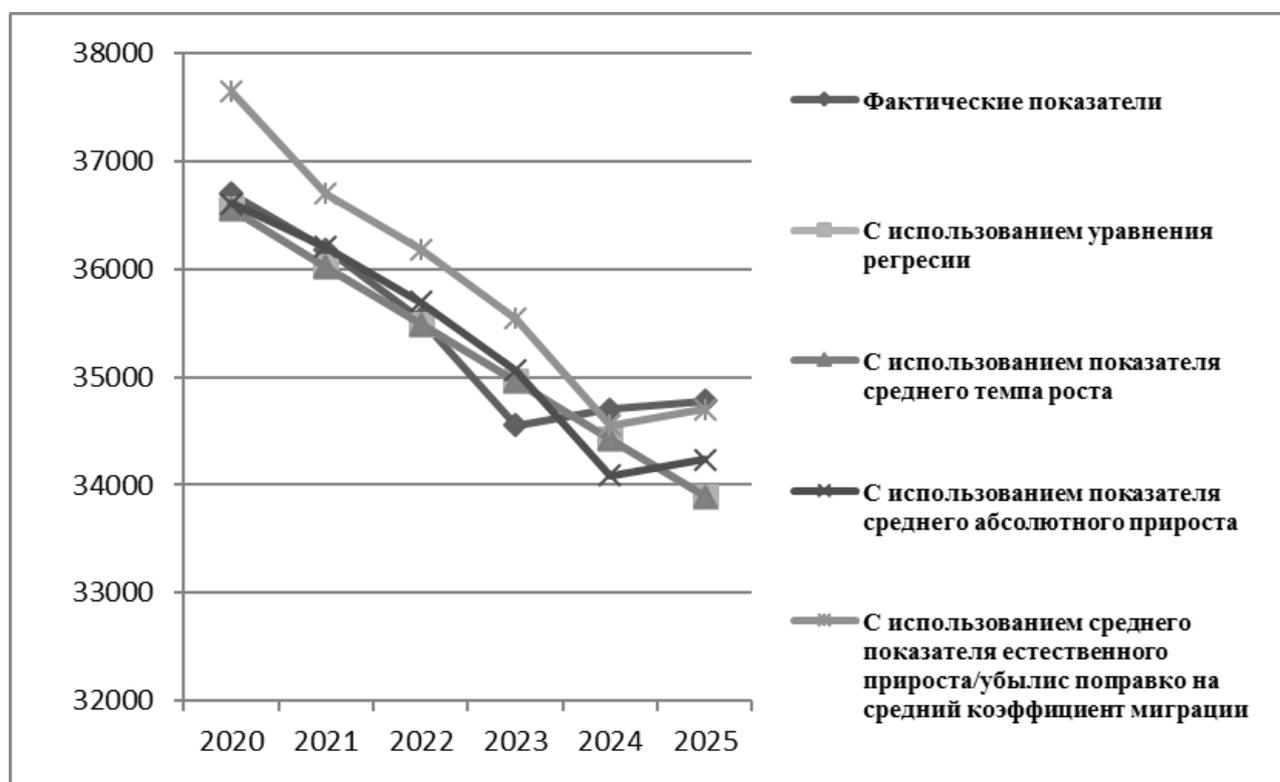

Рис. 3. Прогнозы показателей численности населения, разработанные методами экстраполяции, человек

Источник: составлено авторами.

В табл. 1 представлены показатели, которые использовались для оценки репрезентативности сделанных прогнозов. Из табл. 1 следует, что более достоверный прогноз имеет место при использовании показателя среднего абсолютного роста/снижения численности населения.

Таблица 1 – Показатели для оценки репрезентативности прогнозов, разработанных с использованием метода экстраполяции

Показатель репрезентативности	Метод прогнозирования			
	С использованием уравнения регрессии	С использованием показателя среднего темпа роста	С использованием показателя среднего абсолютного прироста	С использованием среднего показателя естественного прироста/убыли с поправкой на средний коэффициент миграции
Средняя абсолютная ошибка	- 186,04	- 186,04	- 96,86	477,52
Средняя абсолютная процентная ошибка	- 0,53	- 0,53	- 0,28	1,34
Среднеквадратическое отклонение	424,10	424,10	403,15	655,89

Источник: составлено авторами.

При построении регрессионной модели в качестве результативного показателя использовался показатель численности населения, факторных признаков – соотношение средней заработной платы в Урюпинске со средней заработной платой в РФ и средней заработной платой в Волгоградской области (рис. 4). Показатели развития экономики и социальной сферы (объема производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций в основной капитал, численности малых и средних предприятий, строительства жилья, жилая площадь на 1 жителя, объем розничного товарооборота) имели слабую корреляцию с показателями численности населения и при построении уравнения регрессии коэффициенты регрессии имели нулевые значения.

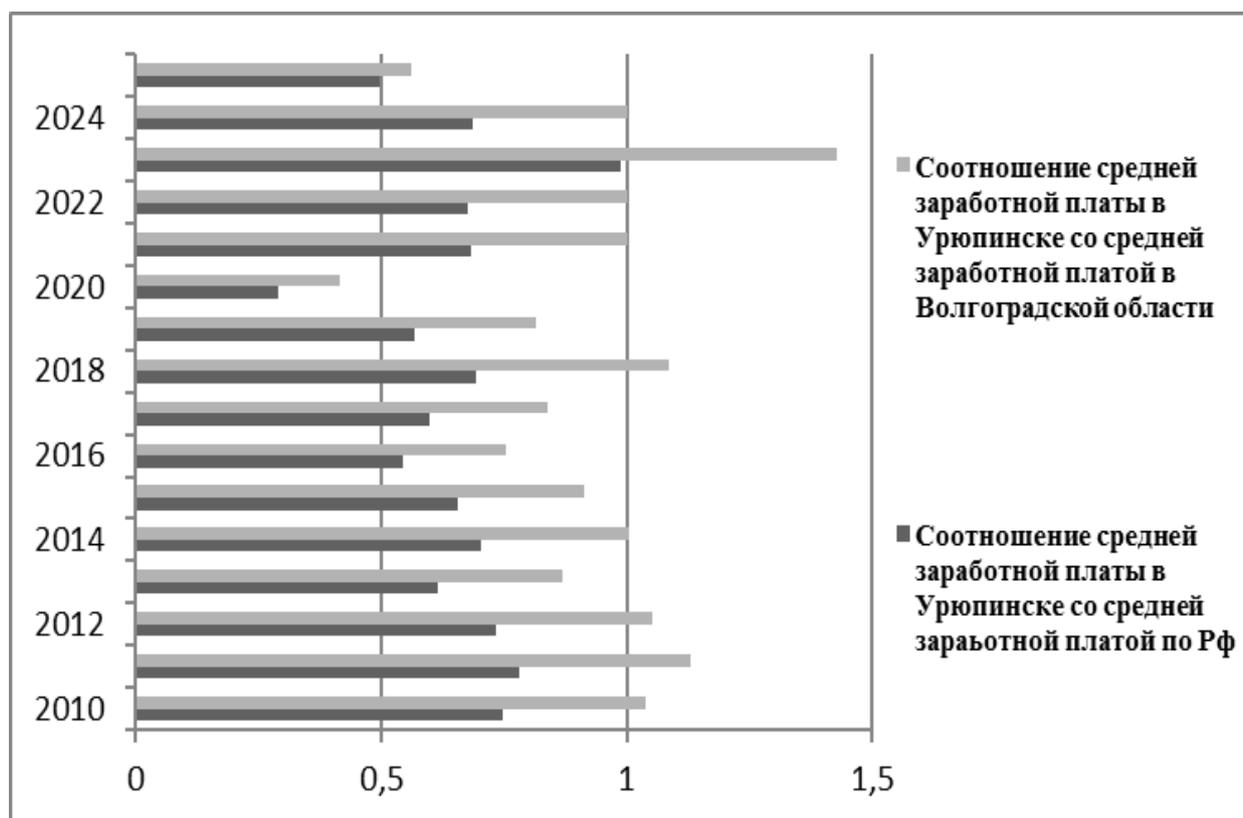

Рис. 4. Соотношение средней заработной платы в г. Урюпинске со средней заработной платой в РФ и в Волгоградской области

Источник: составлено по: Муниципальная статистика // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru>; «Муниципальная статистика России с 2005 года» // Росстат; «Если быть точным», 2025. – URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 02.02.2026).

Уравнение регрессии для прогноза численности населения имело вид:

$$Y = 36696,47 + 300,493X_1 - 752,556X_2 \quad (5),$$

при $F_{\text{расч.}} = 0,99$, $F_{\text{факт.}} = 0,006$. Фактические и расчётные значения численности населения Урюпинска, сделанные с использованием регрессионной модели, представлены на рис. 5. Как следует из данных рисунка, метод регрессионного анализа позволяет достаточно точно делать прогнозы о численности населения при условии заметного влияния факторных признаков. Но делать прогнозы факторных признаков не всегда возможно. В данном случае, уровень средней заработной платы в отдельном населённом пункте, да и по стране в целом, прогнозировать сложно в виду влияния на её размер большого количества факторов. В связи с этим использование этого метода прогнозирования в практических целях нецелесообразно.

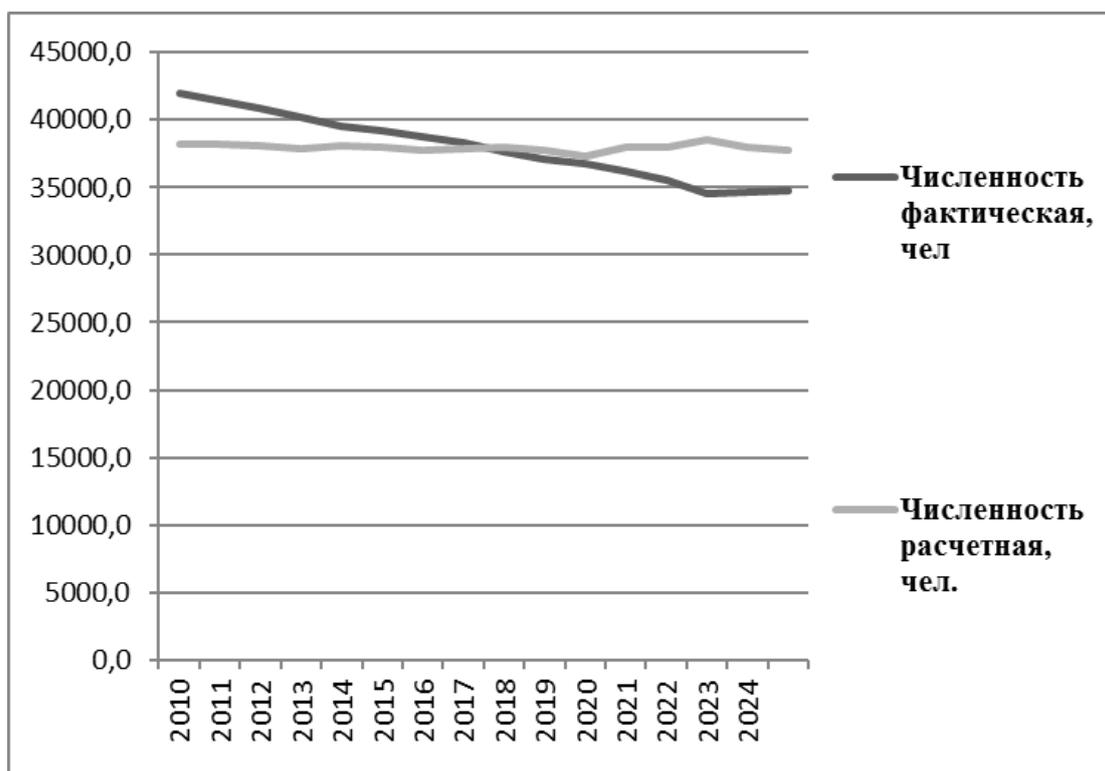

Рис. 5. Фактические и расчетные значения численности населения г. Урюпинска, человек
Источник: составлено авторами.

По значениям коэффициентов регрессии можно судить о характере влияния факторов. Например, исходя из данных уравнения регрессии, можно говорить о том, что, очевидно, жители города более мотивированы к переезду в другие регионы, чем в областной центр или другие населенные пункты области. Так, заработная плата в Урюпинске приближается к уровню заработной платы в регионе, но значительно ниже, чем средняя заработная плата в РФ (рис. 4). Построение регрессионных моделей, по мнению авторов, хотя не имеет практического значения для разработки демографических прогнозов в малых городах, но все же позволяет делать заключения для более глубокого понимания характера социально-экономических процессов и инструментов их государственного регулирования. Таким образом, проведённый анализ демонстрирует, что с учетом особенностей населения Урюпинска и доступности статистических данных, более приемлемым для прогноза численности населения в данном случае является метод экстраполяции, где применяется коэффициент среднего абсолютного прироста.

Прогноз численности населения с применением показателя среднего абсолютного прироста по данным за 2020–2025 гг. и численности экономически активного населения приведен на рис. 6. Согласно этим данным, численность населения Урюпинска к 2030 г. может уменьшиться по сравнению с 2025 г. на 1808 человек или на 5 %, а численность экономически активного населения – на 1084 человек. Учитывая, что на крупных и средних предприятиях города задействовано всего около 1 тыс. человек, в ближайшем будущем в городе может сложиться острый дефицит рабочей силы.

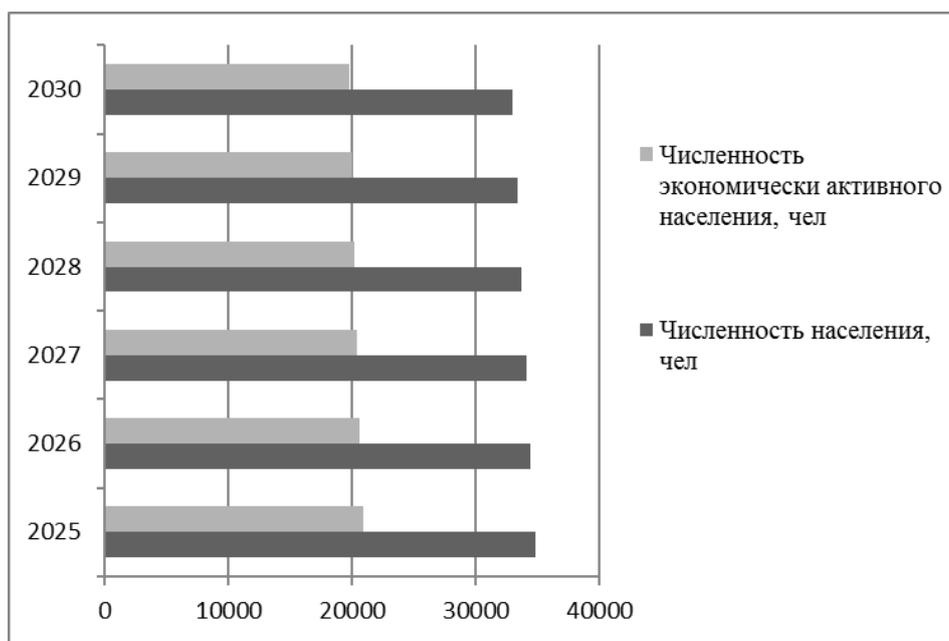

Рис. 6. Прогноз численности населения и численности экономически активного населения в г. Урюпинске, человек

Источник: составлено авторами.

Во многих малых городских населённых пунктах России прогнозируется более значительное сокращение численности населения уже в краткосрочной и среднесрочной перспективе [7]. Но учитывая, что Урюпинск по многим социально-экономическим показателям можно считать типичным малым городом страны («провинциальная столица» России) и расположен он в южной половине Европейской части России с благоприятными для жизни людей и ведения хозяйства природными условиями, и такое снижение (на 5 % за 5 лет), можно считать крайне неблагоприятным для развития страны в целом, а не только для системы малых городов России.

Заключение. По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1. В целях прогноза численности населения в малых городах, очевидно, более целесообразно использовать метод экстраполяции ряда динамики. Этот метод не предполагает задействование в разработке прогноза факторов социально-экономического развития, показатели которых в малых городах, как правило, имеют высокую степень статичности или очень незначительного изменения.

2. Среди разновидностей метода экстраполяции более репрезентативные результаты были продемонстрированы при использовании показателя среднего абсолютного прироста/снижения численности населения. Это подтверждает сделанное ранее заключение о статичном характере факторов, влияющих на численность населения, ввиду ограниченности социально-экономического потенциала малого города.

3. Результаты демографического прогноза, полученные для типичного малого города России Урюпинска в Волгоградской области, довольно негативны. Для большинства малых

городов страны результаты, по всей видимости, будут ещё хуже. Это говорит о том, что социально-экономическое и демографическое развитие малых городов нуждается в особых мерах поддержки, особенно со стороны органов власти субъектов Российской Федерации. Иначе во многих случаях может произойти необратимое сокращение численности населения вплоть до полного исчезновения многих малых городов, в том числе расположенных в Европейской части России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андиева, С. Э., Орлова, Н. С. Прогнозирование численности населения республики Северная Осетия-Алания с использованием различных методов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozirovanie-chislennosti-naseleniya-respubliki-severnaya-oseitiya-alaniya-s-ispolzovaniem-razlichnyh-metodov> (дата обращения: 05.02.2026).
2. Антонова, Н. Л. Демография: учеб.-метод. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2014. – 154 с.
3. Борщук, Е. Л. Моделирование и прогнозирование возрастных коэффициентов смертности на основе модели Ли-Картера / Е. Л. Борщук, Д. Н. Бегун, И. П. Болодурина [и др.] // Экология человека. – 2024. – Т. 31, № 1. – С. 61-76. – DOI 10.17816/humeco611099. – EDN KLNTQE.
4. Денисенко, М. Б., Калмыкова Н. М. Демография: учебное пособие. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 423 с.
5. Кашепов, А. В. Прогнозы численности населения России / А. В. Кашепов // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2023. – Т. 3, № 2. – С. 10-27. – DOI 10.19181/demis.2023.3.2.1. – EDN ERCPTC.
6. Кулькова, И. А. Демографическое прогнозирование в муниципальном образовании на примере Североуральского городского округа / И. А. Кулькова // Human Progress. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 44-52. – EDN VASKIH.
7. Максимова, И. В. Демографическая ситуация в малых городских округах России / И. В. Максимова, Ю. А. Симагин // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 3. – С. 4-16. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-3-4-16. – EDN YXSHRN.
8. Марченко, О. В. Проблемы прогнозирования показателей социально-экономического развития муниципального образования / О. В. Марченко, Г. И. Бурдакова // Beneficium. – 2019. – № 3 (32). – С. 52-66. – DOI 10.34680 / BENEFICIUM. 2019. 3 (32). 52-66. – EDN EQIWJB.
9. Назаров, А. А. Многофазная автономная система массового обслуживания и её применение к задачам демографии / А. А. Назаров, М. Г. Носова // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 315, № 5. – С. 183-186. – EDN LDIAFR.
10. Носова, М. Г., Фёдоров, А. В. Методы демографического анализа и прогноза // Colloquium-journal. 2021. № 15 (102). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-demograficheskogo-analiza-i-prognoza> (дата обращения: 05.03.2026).

11. Фаузер, В. В. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 552-569. – DOI 10.17059/ekon.reg.2021-2-14. – EDN PKCYLK.

12. Шубат, О. М. Методы прогнозирования численности населения: опыт критического анализа / О. М. Шубат, О. И. Киселева // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 07–08 декабря 2016 года. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. – С. 328-331. – EDN YNILYT.

REFERENCES

1. Andieva, S. E., Orlova, N. S. Prognozirovanie chislenosti naseleniya respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya s ispol`zovaniem razlichny`x metodov // Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2015. № 11-7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozirovanie-chislenosti-naseleniya-respubliki-severnaya-ose-tiya-alaniya-s-ispolzovaniem-razlichnyh-metodov> (data obrashheniya: 05.02.2026).

2. Antonova, N. L. Demografiya: ucheb.-metod. posobie / M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural`skogo un-ta, 2014. – 154 s.

3. Borshhuk, E. L. Modelirovanie i prognozirovanie vozrastny`x koefficientov smertnosti na osnove modeli Li-Kartera / E. L. Borshhuk, D. N. Begun, I. P. Bolodurina [i dr.] // E`kologiya cheloveka. – 2024. – Т. 31, № 1. – С. 61-76. – DOI 10.17816/humeco611099. – EDN KLNTQE.

4. Denisenko, M. B., Kalmy`kova N. M. Demografiya: uchebnoe posobie. – Moskva : INFRA-M, 2007. – 423 s.

5. Kashepov, A. V. Prognozy` chislenosti naseleniya Rossii / A. V. Kashepov // DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. – 2023. – Т. 3, № 2. – С. 10-27. – DOI 10.19181/demis.2023.3.2.1. – EDN ERCPTC.

6. Kul`kova, I. A. Demograficheskoe prognozirovanie v municipal`nom obrazovanii na primere Severoural`skogo gorodskogo okruga / I. A. Kul`kova // Human Progress. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 44-52. – EDN VASKIH.

7. Maksimova, I. V. Demograficheskaya situaciya v maly`x gorodskix okrugax Rossii / I. V. Maksimova, Yu. A. Simagin // Narodonaselenie. – 2025. – Т. 28, № 3. – С. 4-16. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-3-4-16. – EDN YXSHRN.

8. Marchenko, O. V. Problemy` prognozirovaniya pokazatelej social`no-e`konomicheskogo razvitiya municipal`nogo obrazovaniya / O. V. Marchenko, G. I. Burdakova // Beneficium. – 2019. – № 3 (32). – С. 52-66. – DOI 10.34680/BENEFICIUM. 2019. 3 (32). – 52-66. – EDN EQIWJB.

9. Nazarov, A. A. Mnogofaznaya avtonomnaya sistema massovogo obsluzhivaniya i eyo primeneniye k zadacham demografii / A. A. Nazarov, M. G. Nosova // Izvestiya Tomskogo politexnicheskogo universiteta. – 2009. – Т. 315, № 5. – С. 183-186. – EDN LDIAFR.

10. Nosova M. G., Fyodorov A. V. Metody` demograficheskogo analiza i prognoza // Colloquium-journal. 2021. № 15 (102). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-demograficheskogo-analiza-i-prognoza> (data obrashheniya: 05.03.2026).

11. Fauzer, V. V. Demografichesкая oцenka ustojchivogo razvitiya malyx i srednix gorodov rossijskogo Severa / V. V. Fauzer, A. V. Smirnov, G. N. Fauzer // *E'konomika regiona*. – 2021. – Т. 17, № 2. – S. 552-569. – DOI 10.17059/ekon.reg.2021-2-14. – EDN PKCYLK.

12. Shubat, O. M. Metody` prognozirovaniya chislennosti naseleniya: opyt` kriticheskogo analiza / O. M. Shubat, O. I. Kiseleva // *Problemy` modelirovaniya social`ny`x processov: Rossiya i strany` ATR : Materialy` II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Vladivostok, 07–08 dekabrya 2016 goda*. – Vladivostok: Dal`nevostochny`j federal`ny`j universitet, 2016. – S. 328-331. – EDN YNILYT.

Информация об авторах

Юрий Алексеевич Симагин, кандидат географических наук, доцент, заведующий лабораторией исследований социально-экономического и информационного развития территорий Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, 117218, Российская Федерация, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, yas63@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-8392-8645, SPIN-код: 5881-6084.

Ирина Васильевна Максимова, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, 400131, ул. Гагарина, 8, Волгоград, Российская Федерация, maksimova-iv@ranepa.ru, ORCID ID: 0000-0001-9028-2942, Researcher ID: C-8533-2019, SPIN-код: 2274-8721.

Information about Authors

Yury A. Simagin, Candidate of Geography, Associate Professor, Head of Laboratory for studies of the socio-economic and information development of territories, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 117218, Krzhizhanovskogo str., 24/35, korpus 5, Moscow, Russian Federation, yas63@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-8392-8645; SPIN-code: 5881-6084.

Irina V. Maksimova, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 400131, Gagarin str., 8, Volgograd, Russian Federation; maksimova-iv@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0001-9028-2942, Researcher ID: C-8533-2019, SPIN-code: 2274-8721.

Для цитирования: Симагин Ю. А., Максимова И. В. Особенности прогнозирования численности населения в малых городах в целях регионального планирования // *Парадигмы управления, экономики и права*. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 127-141. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

УДК 332.1

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Елена Евгеньевна Арепьева

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Игорь Вадимович Шаркевич

Волгоградский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Современные тенденции инновационного развития России определяются необходимостью адаптации к системным вызовам и санкционным ограничениям. Внутренние диспропорции и слабая корреляция между инвестициями и результатами в регионах требуют поиска новых управленческих моделей. Работа посвящена исследованию специфики инновационной деятельности Волгоградской области в условиях жестких ресурсных ограничений и обеспечения технологического суверенитета страны.

Методы. Методологический инструментарий базируется на системном подходе, методах статистики и ранговом анализе на основе данных Росстата. Применялся сравнительный межрегиональный анализ показателей Волгоградской области и сопоставляемых регионов-лидеров. Исследование динамических рядов за 2014–2024 гг. включало построение линейных трендов, индексы динамики и использование элементов анализа Парето для оценки концентрации ресурсов. Статистический инструментарий обеспечил объективность верификации гипотез о характере развития региональной инновационной системы в условиях нарастающих внешних санкционных ограничений и влияния других факторов.

Анализ. Исследовательский замысел основывается на анализе динамики показателей самой Волгоградской области в сравнении с другими регионами РФ. Основная часть работы посвящена количественному выявлению взаимосвязей между объемом инновационной продукции, масштабом инвестиций в основной капитал и уровнем инновационной активности организаций. Авторы анализируют структурные изменения в национальной инновационной системе за десятилетний период. Исследуется феномен сохранения положительных трендов выпуска инновационной продукции и уровня инновационной активности на фоне снижения удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации.

Результаты. Идентифицирована модель адаптационного инерционного развития Волгоградской области. Обосновано, что рост объемов инновационных товаров достигается преимущественно за счет организационных и маркетинговых инноваций без расширенного воспроизводства новой технологической базы. Сделан вывод: текущая модель обеспечивает краткосрочную результативность, но создает риски «технологической стагнации». Необхо-

дима трансформация инвестиционной политики для перехода к качественному обновлению технологического базиса региона.

Ключевые слова: инновационное развитие и активность, тренд, ранговый анализ, прогноз, адаптационная, инерционная модель, инвестиции, Парето-концентрация, технологии.

UDC 332.1

STATE AND TRENDS OF INNOVATIVE ACTIVITY DEVELOPMENT IN THE VOLGOGRAD REGION

Elena E. Arepyeva

Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation

Igor V. Sharkevich

Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd Branch
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. Contemporary trends in Russia's innovative development are determined by the necessity of adapting to systemic challenges and sanction restrictions. Internal imbalances and a weak correlation between investment and performance results in the regions necessitate the search for new management models. This work explores the specifics of innovative activity in the Volgograd Region under conditions of stringent resource constraints and the objective of ensuring the country's technological sovereignty.

Methods. The methodological toolkit is based on a systems approach, statistical methods, and rank analysis using Rosstat data. A comparative interregional analysis of indicators from the Volgograd Region and comparable leading regions was applied. The study of dynamic series from 2014 to 2024 included the construction of linear trends, dynamic indices, and the use of Pareto analysis elements to assess resource concentration. The statistical toolkit ensured the objective verification of hypotheses concerning the nature of the regional innovation system's development amidst mounting external sanctions and other influencing factors.

Analysis. The research design is based on a comparative analysis of the dynamics of innovation activity indicators in the Volgograd Region versus other subjects of the Southern Federal District. The main body of the work focuses on the quantitative identification of correlations between the volume of innovative output, the scale of fixed capital investment, and the level of innovation activity among organizations. The author analyzes structural changes in the regional innovation system over a ten-year period. The study examines the phenomenon of maintaining positive trends in innovative output and innovation activity levels despite a decline in the proportion of organizations engaged in technological innovation.

Results. An adaptive inertia model of development for the Volgograd Region has been identified. It is substantiated that growth in the volume of innovative goods is primarily achieved through organizational and marketing innovations, without the expanded reproduction of a new technological base. The conclusion is drawn that the current model ensures short-term performance but creates risks of «technological stagnation.» A transformation of investment policy is required to facilitate a transition toward a qualitative renewal of the region's technological foundation.

Keywords: innovative development and activity, trend, rank analysis, forecast, adaptive model, inertia model, investment, Pareto concentration, technology.

Введение. Современные тенденции инновационного развития России определяются необходимостью адаптации к масштабным системным вызовам. Первая группа факторов связана с внешними макроэкономическими шоками и санкционными ограничениями, которые создают барьеры для технологического суверенитета и требуют оперативного пересмотра приоритетов государственной политики в пользу развития критических технологий [6; 7]. Вторая группа детерминант носит внутренний характер и проявляется в сохраняющихся структурных диспропорциях и недостаточностью финансирования НИОКР во многих регионах России. В контексте инновационного развития инвестиции традиционно рассматриваются как его ключевой фактор [8]. В ряде регионов наблюдается слабая корреляция между капитальными вложениями и реальными инновационными результатами [3]. Эмпирические данные подтверждают наличие глубокого разрыва между интенсивностью инновационных процессов и их ресурсным наполнением [2], что ведет к снижению конкурентоспособности большинства субъектов [4]. Проблема территориальной дифференциации по уровню инновационного развития также проявляется и для многих регионов ЮФО, стабильно отстающих от общенациональных лидеров по ключевым показателям такого развития [5]. В связи с этим возникает потребность в выявлении более детальных количественных закономерностей в инновационной деятельности регионов и построении на основе их соответствующих обобщающих моделей, определяющих реализуемую парадигму развития в анализируемом и среднесрочном периоде времени.

Поэтому целью данного исследования являлось разработка концептуальной модели инновационного развития Волгоградской области на основе глубокого статистического анализа. Научная новизна работы состоит в идентификации и описании модели адаптационного инерционного развития для данной области. Установлено, что в условиях жесткого дефицита ресурсов и стагнации инвестиций регион способен поддерживать положительную динамику объемов инновационной продукции за счет реализации малобюджетных организационных и маркетинговых улучшений, не требующих больших инвестиций в основной капитал.

Методы. Методологический инструментарий исследования выстроен на сочетании системного подхода, методов статистики, сравнительного и рангового анализа. Применение статистического подхода в исследовании инноваций обусловлено необходимостью перехода от качественных описаний к количественным закономерностям, позволяющим верифицировать гипотезы о характере регионального развития [1]. В отличие от экспертных оценок, ста-

тистический инструментарий обеспечивает высокую степень объективности при анализе динамических рядов и выявление структурных сдвигов в национальной инновационной системе страны. Теоретическую основу составили концепции региональной самоорганизации и ресурсного обеспечения инноваций. В ходе работы использовался метод сравнительного межрегионального анализа, в рамках которого показатели Волгоградской области сопоставлялись с их значениями для субъектов-лидеров. Для подтверждения гипотезы об инерционном характере развития применялось построение динамических трендов и расчет базисных индексов. Использование элементов анализа Парето позволило оценить степень концентрации результатов инновационной деятельности по регионам и количественно охарактеризовать степень структурных сдвигов. Информационной базой послужили массивы данных Росстата.

Анализ. В целях применения межрегионального сравнительного анализа в работе исследовались показатели развития инновационной деятельности основных промышленно развитых субъектов ЮФО и Воронежской области. Данная область выбрана по следующим соображениям. Она территориально граничит с Волгоградской областью и составляет около 93 % от численности населения последней. Валовой региональный продукт и его душевое исчисление для Воронежской области, начиная с 2012 г., стали постоянно превышать таковые значения по сравнению с Волгоградской областью. В 2010 г. Волгоградская область превышала объем инновационных товаров, работ, услуг Воронежской области в 4,4 раза.

Так как по ряду субъектов России отсутствовали полные статистические данные Росстата за 2014–2024 гг., по некоторым используемым в работе показателям, то исследование проводилось для этих показателей по 71 из 85 регионов РФ.

Анализ динамики инновационных процессов в регионах России в период 2014–2024 гг. потребовал учета методологических изменений в системе государственного статистического наблюдения. Смена критериев при переходе от 3-й к 4-й редакции Руководства Осло затронула оба ключевых показателя: «Уровень инновационной активности организаций» и «Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации».

Внедрение 4-й редакции расширило объект наблюдения: показатель общего уровня активности стал учитывать совокупность всех видов инноваций, а индикатор технологических инноваций был скорректирован с учетом обновленной классификации бизнес-процессов. Для обеспечения методологической преемственности и формирования сопоставимого временного ряда данные за 2014–2016 гг. были ретроспективно пересчитаны. В качестве базиса использовались показатели 2017 года, рассчитанные Росстатом параллельно по двум методикам, что позволило применить коэффициент переходного звена и обеспечить сопоставимость уровней временного ряда за 2014–2024 гг. Перейдем к анализу и обсуждению основных результатов работы.

Для интегральной оценки результатов инновационной деятельности субъектов РФ используется такой показатель, как объем инновационных товаров, работ, услуг (далее – объем инновационной продукции), под которым понимают объем произведенных в стоимостных единицах совершенно новых товаров, работы и услуг, или товары, работы и услуги, подвер-

гающиеся в течение последних трех лет технологическим изменениям разной степени. Изменение объема инновационной продукции (ОИП) для наиболее промышленно развитых регионов ЮФО и в среднем по субъектам России за период 2014–2024 гг. представлено в таблице 1. Удельный вес данных регионов в общем объеме инновационной продукции по России и соответствующий ранг по этому весу среди 71-го её субъекта за 2014 и 2024 гг. также представлены в этой таблице 1.

Таблица 1 – Изменение объема инновационной продукции, удельного веса регионов в общем объеме инновационной продукции по России и их ранговой позиции по данному удельному весу за 2014–2024 гг.

Показатель	Ростовская область	В среднем по регионам РФ*	Воронежская область	Волгоградская область	Краснодарский край	Астраханская область
Доля в общем объеме по РФ за 2014 г., %	1,92	1,41	0,69	0,36	0,27	0,25
Ранг по доле в общем по РФ* за 2014 г.	12	14-15	25	35**	43	44
Период, год	Объем инновационной продукции, млн рублей					
2014	68 558	49 593	24 742	12 985	9 782	8 998
2015	108 527	53 212	50 121	17 281	7 400	11 048
2016	133 793	60 454	27 124	21 341	71 753	13 180
2017	104 538	57 802	32 482	25 054	168 606	696
2018	64 537	62 681	36 250	20 764	115 396	642
2019	62 676	67 502	57 947	29 337	94 789	1 330
2020	106 740	71 995	43 602	22 981	38 531	699
2021	140 659	83 282	38 084	21 504	40 872	807
2022	177 320	88 501	37 182	33 836	30 852	500
2023	181 793	115 481	32 763	54 629	33 827	573
2024↓	237 610	138 080	54 762	41 860	30 711	1 609
Среднегодовой темп прироста*	13,2 %	10,6 %	8,3 %	12,4 %	12,1 %	-15,8 %
Доля в общем объеме по РФ* за 2024 г., %	2,42	1,41	0,56	0,43	0,31	0,02
Ранг по РФ* за 2024	9	14-15	29	39	43	64

* Рассчитано и построено автором по данным Росстата; **Ранг медианы – 36

Ведущим регионом ЮФО по объему инновационной продукции и по среднегодовому темпу прироста данного показателя является Ростовская область. В результате эта область вошла в десятку регионов России по доле ОИП с ранговой позицией 9. Волгоградская область занимает вторую позицию по среднегодовому темпу прироста (12,4 %), среди исследуемых регионов, располагаясь ниже на 30 и 24–25 ранговых позиций ниже Ростовской области и среднероссийского региона по данным на 2024 г. по значению доли ОИП.

Таким образом положительный темп прироста в 12,4 % оказался недостаточным в контексте сохранения позиционирования и конкурентоспособности Волгоградкой области по объему инновационной продукции среди регионов России – если по данному показателю область была выше медианного значения в 2014 г., то в 2024 г. она опустилась на 3 позиции ниже ранга медианы (см. таблицу 1). Далее проанализируем более детально динамику объема инновационной продукции данной области за период 2014–2024 гг. и оценим значение этого показателя для 2025 и 2026 гг. на основе модели линейного тренда (см. рисунок 1).

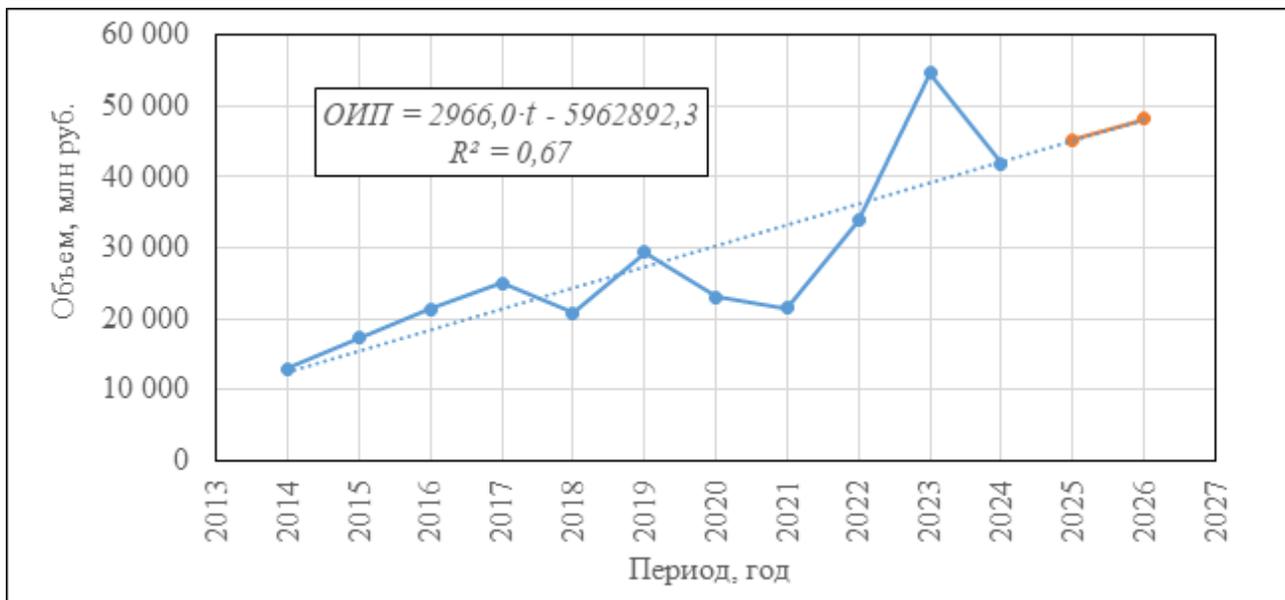

Рис. 1. Изменение объема инновационной продукции (ОИП) Волгоградской области за 2014–2024 гг. и оценка и прогноз этого показателя для 2025 и 2026 гг., соответственно (рассчитано автором по данным Росстата)

Во временном ряде объема инновационной продукции Волгоградской области можно выделить три периода. Первый период 2014–2017 гг. описывается линейным трендом, который характеризуется среднегодовым темпом прироста на уровне 24,5 %, в результате чего объем инновационной продукции вырос на 92,9 % в 2017 г. по сравнению с 2014 г. Такой значительный рост данного показателя можно объяснить благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой – подготовкой Волгоградской области к проведению чемпионата Мира по футболу в г. Волгограде. Вторым периодом 2018–2021 гг. характеризуется резким ростом ОИП на 41,3 % в 2019 г. по сравнению с предыдущим годом (факторы такого роста в данной работе не исследовались). Вследствие негативного внешнего шока, вызванного пандемией

COVID-19, ОИП в среднем уменьшался на 14,4 % за пандемийные 2020–2021 гг. Анализ динамики данного показателя за второй период 2018–2021 гг. показал, что в среднем по регионам России он описывается возрастающим линейным трендом со среднегодовым приростом 9,7 %, позволяющим сделать выводы о том, что в пандемийные года не во всех субъектах РФ наблюдалась отрицательная динамика ИОП. Средний темп прироста составил 48,6 % для Ростовской области за 2020–2021 гг.

При всей глубине внешнего шока 2020 г., средний темп прироста для Волгоградской области за 2018–2021 гг. сохранил положительное значение 1,2 %. Подобная динамика была обеспечена масштабным увеличением объема инновационной продукции в 2019 г.

Наибольшая инновационная активность наблюдается в третьем периоде 2022–2024 гг. для Волгоградской области, так как средний темп прироста ИОП составил 24,9 % за 2021–2024 гг. в результате внешнего шока – СВО. Такой резкий рост объема инновационной продукции в 2022–2024 гг. обусловлен целенаправленными мерами, принятыми Администрацией Волгоградской области в контексте решений Правительства России по защите от негативных факторов и стимулированию инновационной деятельности в субъектах РФ.

Эконометрический анализ показал, что с достаточной степенью достоверности (линейный коэффициент корреляции равен 81,8 %) временной ряд объема инновационной продукции моделируется линейным трендом, уравнение которого показано на рисунке 1. Согласно этому уравнению ОИП в Волгоградской области должен возрасти на 8,0 и 15,1 % в 2025 и 2026 гг. по сравнению с 2024 г., соответственно. Анализ вариации значений ОИП вокруг линии тренда показал, что только в случае внешних шоков наблюдаются заметные отклонения от линии тренда: 2 значения в 2020–2021 гг. и 1 значение в 2023 г. Исключение данных значений повышает достоверность линейной трендовой модели, аппроксимирующей динамику оставшихся 8 значений объема инновационной продукции, до коэффициента детерминации $R^2=94$ %. Таким образом, динамика одного из показателей результативности инновационной деятельности в Волгоградской области характеризуется в среднем приростом ОИП на уровне (2967 ± 695) млн рублей в год (см. рисунок 1), где $\Delta=695$ млн рублей стандартная ошибка в определении коэффициента роста линейного тренда. Далее в работе анализировалась динамика удельных весов, исследуемых субъектов РФ, в региональной структуре общего объема инновационной (см. рисунок 2).

Так как полные статистические данные Росстата по объему инновационной продукции по всем регионам России с 2014 г. имелись только у 71 её субъектов, то среднероссийская доля в региональной структуре общего объема инновационной по РФ составляла 1,41 %. Средняя доля Волгоградской области в общем ОИП меньше на 0,92 % или в 3,3 раза доли в среднем по России и оказалась меньше в 5,7 раза по сравнению с Ростовской областью в 2024 г. С учетом того, что численность населения Волгоградской области на 25,7 % больше, чем в среднем по регионам России, и занимает по этому показателю 18-19 ранговую позицию, позволяет предположить, что человеческий капитал данной области недостаточно вовлекается в инновационную деятельность (см. ранги в таблице 1). Количественно это выражается в том, что душевой объем инновационной продукции или продуктивность инноваци-

онной деятельности в среднем по РФ в 4,1 раза превышала значение данного показателя для Волгоградской области в 2024 г.

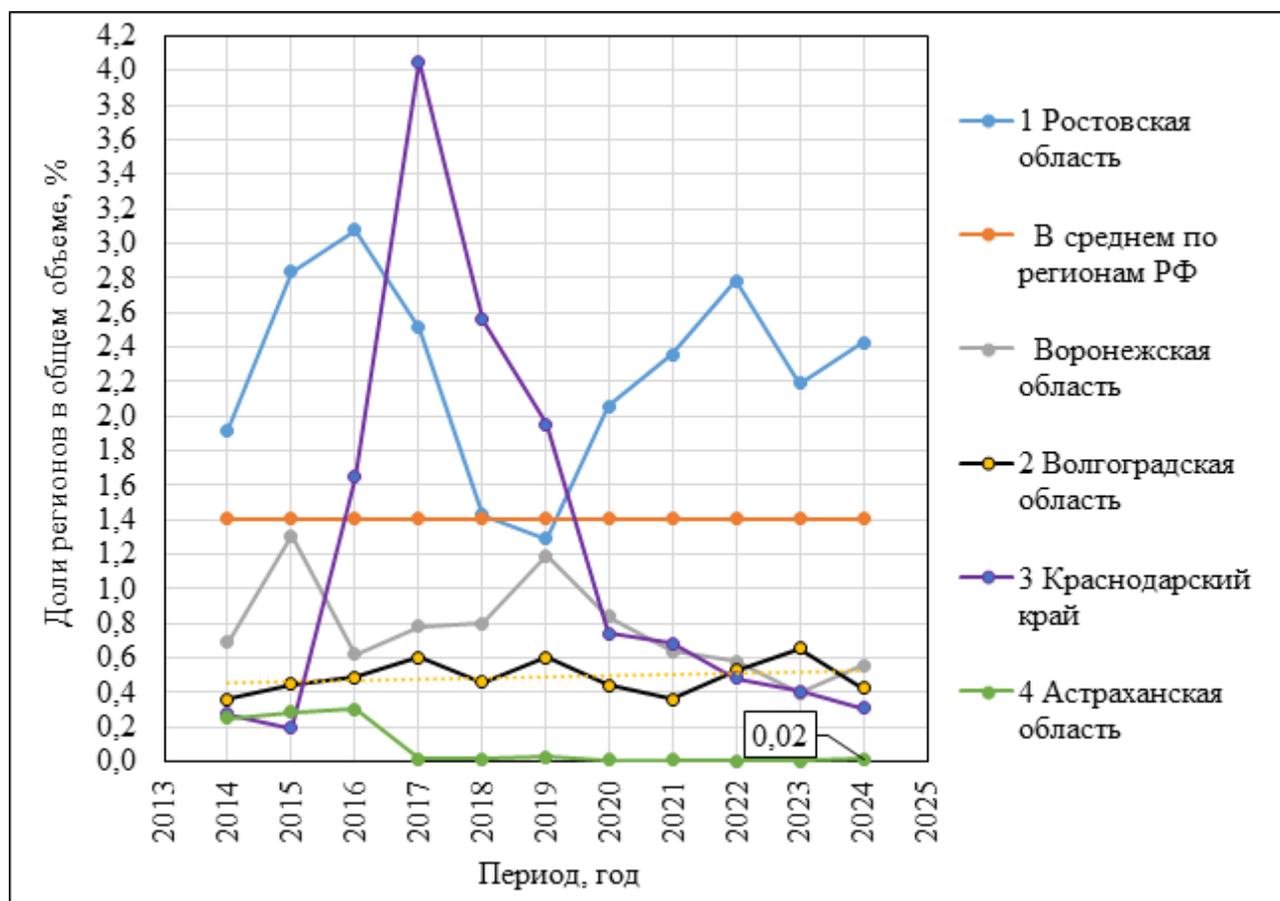

Рис. 2. Доли регионов в общем объеме инновационной продукции по всем регионам России, в % (рассчитано авторами по данным Росстата)

Внутрирегиональный средний темп прироста ОИП в 12,1 % (см. таблицу 1) для данной области, обеспечивший средний темп прироста доли данного показателя в его региональной структуре в целом по России на уровне 1,6 % за 2014–2024 гг., оказался не достаточным в сравнении с другими регионами. В результате такой динамики ОИП ранг Волгоградской области снизился на 4 позиции и оказался равным 39 в 2024 г. согласно таблице 1. По объему инновационной продукции в Волгоградская область стала занимать 2 позицию в ЮФО с 2022 г. Данная ситуация объясняется тем, что наблюдается фундаментальное снижение данного объема для Краснодарского края после 2017 г. Далее в работе исследовался такой фактор инновационной деятельности, как инновационная активность организаций.

Уровень инновационной активности организаций является в целом общей ресурсной количественной характеристикой участия организаций Волгоградской области в инновационной деятельности. Результаты статистического рангового исследования инновационной активности в данной области и первых 10 субъектов России по данному виду активности представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Ранги регионов по убыванию значений (↓) уровня инновационной активности организаций (%) в 2014 и 2024 гг.

Ранг*	Регион	2014↓	Ранг*	Регион	2024↓
1	Республика Ингушетия	59,5	1	Республика Татарстан	34,1
2	Чукотский автономный округ	45,5	2	Ростовская область	26,3
3	г. Москва	42,6	3	Самарская область	21,8
4	Республика Дагестан	39,6	4	Белгородская область	17,9
5	г. Санкт-Петербург	35,9	5	Астраханская область	17,2
6	Республика Татарстан	29,3	6	г. Санкт-Петербург	17,1
7	Липецкая область	29,2	7	Республика Башкортостан	16,8
8	Чувашская Республика	27,8	8	Алтайский край	16,7
9	Республика Мордовия	27,7	9	Тульская область	16,6
10	Республика Крым	26,3	10	Томская область	16,4
39-40	В среднем по регионам РФ	17,0	27-28	В среднем по регионам РФ	11,3
54	Волгоградская область	13,8	43	Волгоградская область	9,3

* Ранги регионов рассчитаны автором по данным Росстата

Позиционирование 85 субъектов по уровню инновационной активности организаций осуществлялось в порядке убывания значений данного показателя. Ранговый анализ показал, что по уровню инновационной активности Волгоградская область оказалась на 43 месте в 2024 г. (соответствует медианному значению), поднявшись на 11 позиций по сравнению с 2014 г. при одновременном уменьшении уровня инновационной активности на 32,6 % за тот же период.

Такая разнонаправленная динамика данных показателей для области объясняется введением антироссийских санкций объединенным Западом против России в 2014 г. В ряде регионов инновационная активность снижалась намного больше, чем для Волгоградской области и в среднем по России. В результате их ранги заметно поднялись (см. таблицу 2.). Инновационная активность в Волгоградской области и в среднем по России в период 2014–2019 гг. с большой степенью достоверности характеризуется фундаментальным убывающим линейным трендом: уровень инновационной активности для этих регионов снизился на 64,4 % и 46,5 %, соответственно. Меры, принятые Правительством России в начале 2020 г., изменили отрицательные тенденции в развитии инновационной деятельности в стране – начал формироваться восстановительный процесс в реализации данного вида деятельности в период 2019–2024 гг. Средние темпы прироста уровня инновационной активности для этих регионов составили 13,6 % и 6,6 % за восстановительный период, соответственно. Прогнозные оценки показывают, что в рамках модели линейного тренда или среднегодового темпа прироста на уровне 13,6 % периода 2019–2024 гг. Волгоградская область закончит восстановительный период к 2029–2032 гг., достигнув уровня инновационной активности для 2014 г. Выявленные закономерности динамики общего уровня инновационной активности далее детализированы в представленном исследовании посредством анализа ее ключевого компонента – доли организаций, осуществляющих технологические инновации, которые определяют технико-технологический базис развития региональной системы.

Ядром инновационного развития выступают технологические инновации, формирующие базис для трансформации маркетинговых, организационных и экологических управленческих решений. Данная значимость предопределена тем, что технологические инновации интегрируют в себе продуктовый и процессный компоненты. В соответствии со стратегическими документами инновационного развития РФ, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, является репрезентативным показателем интенсивности обновления региональных социально-экономических систем, в том числе Волгоградской области.

Динамика доли организаций, осуществляющих технологические инновации (для краткости – уровень техноинновационной активности), по исследуемым регионам РФ за 2014, 2019, 2024 гг. и их ранжирование по убыванию значений данного показателя по 2024 г. представлена в таблице 3. Для сравнения с Волгоградской областью в данной таблице представлены регионы, которые имели наивысшие ранги в диапазоне 1–10 в 2024 г., а также значения для среднероссийского и «медианного» региона. В данной работе под медианным регионом понимается регион РФ, для которого значение уровня техноинновационной активности совпадало с медианой для годовых периодов, представленных выше в этом абзаце или в таблице 3. Как и уровень инновационной активности организаций, доля организаций, осуществляющих технологические инновации, относится к ресурсным показателям инновационной деятельности. Последний показатель является ключевым для анализа развития организационной компоненты инновационной базы региона. Далее перейдем к анализу общероссийской тенденции в изменении данного ресурсного показателя. Анализ динамики доли организаций, осуществляющих технологические инновации, за период 2014–2024 гг. выявил фундаментальную структурную трансформацию в национальной инновационной системе РФ. Согласно данным Таблицы 3 в 2014 г. распределение данного ресурсного показателя характеризовалось высокой степенью сбалансированности: среднее значение по РФ (24,4 %) и рангом 41-42 находилось рядом с медианным уровнем (23,6 %).

Таблица 3 – Изменение доли организаций, осуществляющих технологические инновации (%), по исследуемым регионам РФ за 2014, 2019, 2024 гг. и их ранжирование по убыванию значений (↓) по 2024 г.

Регион	2014	2019	2024↓	Ранг* по 2024
Ростовская область	22,6	32,0	50,2	1
Республика Татарстан	30,9	26,5	48,3	2
г. Санкт-Петербург	42,0	33,7	37,9	3
г. Москва	53,6	45,1	34,9	4
Чувашская Республика	37,1	33,6	34,7	5
Республика Мордовия	36,0	34,8	32,8	6
Нижегородская область	37,0	26,6	29,4	7
Самарская область	32,1	23,6	28,4	8
Республика Марий Эл	12,9	22,7	28,3	9
Томская область	25,3	27,8	27,9	10
В среднем по регионам РФ	24,4 (41-42)	21,6 (31-32)	24,5	21-22
Медианный регион	23,6	17,9	19,3	43
Волгоградская область	24,6 (Ранг 40)	15,5 (Ранг 51)	16,0	55

* Ранги регионов рассчитаны автором по данным Росстата

Такое соотношение средних характеристик указывало на относительную однородность региональной среды, где уровень техноинновационной активности в среднем по России определялся половиной её субъектов, а не исключительными достижениями отдельных технологических региональных центров.

В последующее десятилетие наблюдается нарастающее различие между средними и медианными значениями данного показателя, что отражает переход к модели поляризованного ресурсного развития. Средний уровень техноинновационной активности (24,5 %) в 2024 г. соответствовал 21-22 позиции и превышал медиану (19,3 %) на 27,0 % или 5,2 п.п. В результате средний уровень совпал по значению с таким структурным средним как третий квартиль Q_3 . Таким образом 21 из 85 регионов (24,7 %) имели значения выше среднего и общероссийские тенденции характеризуются нарастанием межрегиональной дифференциации и Парето-концентрацией (20/80) ресурсного показателя инновационной деятельности: 75,3 % субъектов РФ (64 из 85) имели уровень техноинновационной активности ниже среднероссийского в 2024 г. Из данной закономерности следует преимущественное сосредоточение технологических ресурсов в ограниченном числе инновационных регионов-лидеров. В этом контексте анализируем инновационную активность Волгоградской области.

Характер изменения уровня техноинновационной активности Волгоградской области за 2014–2024 гг. в целом характеризуется отрицательной тенденцией. Для области уровень данной активности в 24,6 % (см. таблицу 3) находился выше среднероссийского и медианного значений на 1,0 % и 4,5 %, соответственно, что обеспечивало ей 40-ю ранговую позицию среди регионов России в 2014 г. Значение показателя уменьшилась на 35,0 % и приблизилось к значению первого квартиля $Q_1=14,4$ % в 2024 г., который является верхней границей первой квартильной группы регионов с наименьшими значениями уровня техноинновационной активности. В результате ранг области понизился на 15 позиций до 55. Более детально динамика уровня техноинновационной активности Волгоградской области представлена на рисунке 3.

Изменение данного показателя можно разделить на 2 периода. Для первого периода 2015–2018 гг. характерно резкое уменьшение уровня техноинновационной активности на 40,2 % в 2018 г. по сравнению с 2015 г., вызванное введением антироссийских санкций Западом против РФ в 2014 г. Второй период 2018–2024 гг. характеризуется стабилизацией данной активности на среднем уровне равным 15,4 % (коэффициент вариации 4,0 %), находящегося в области первого квартиля $Q_1=14,4$ %. В противоположность Волгоградской области во втором периоде изменение инновационной активности в среднем по России описывается положительным трендом со среднегодовым приростом 3,6 %, объясняемым Парето-концентрированным развитием национальной инновационной системы России и вытекающими, в связи с этим, преимуществами и рисками такого развития. Если область в 2015 г. была одним из лидеров по уровню техноинновационной активности среди промышленных лидеров ЮФО, то в 2024 г. она оказалась на 3 позиции по её значению (см. рисунок 3).

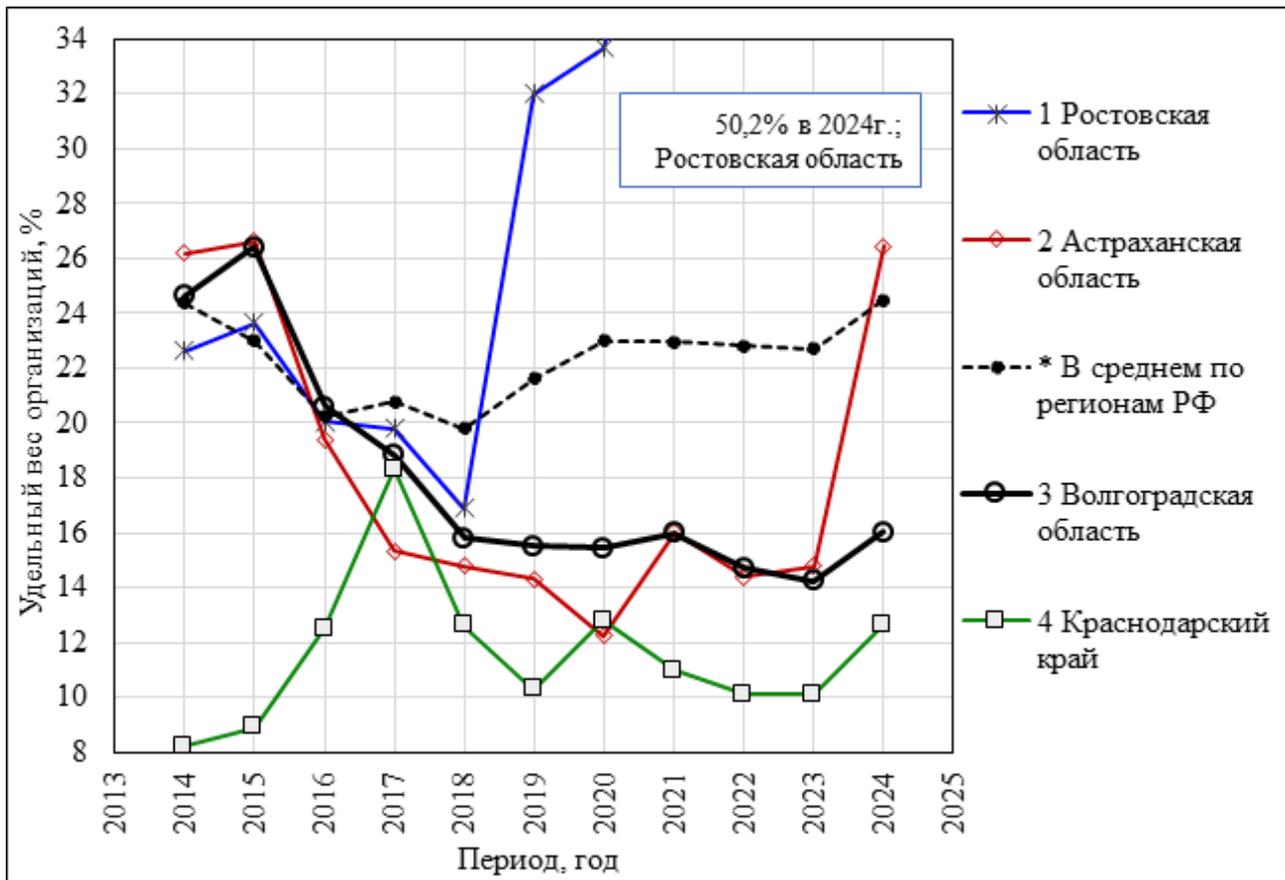

Рис. 3. Динамика удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации (уровень техноинновационной активности) за 2014–2024 гг. регионов ЮФО и в среднем по России. (Построено авторами по данным Росстата)

Одним из основных факторов, влияющих на развитие инновационной деятельности, являются инвестиции в основной капитал. Статистический анализ на основе индекса физического объема инвестиций в основной капитал показал, что объем реальных инвестиций в Волгоградской области за период 2014–2023 гг. уменьшался в среднем на 1,31 % и превысил таковой объем на 0,25 % в 2024 г. по сравнению с началом данного периода. В результате проведенного в работе исследования выявлена особенность инновационного развития Волгоградской области: сформировался выраженный разрыв между ресурсным обеспечением и результативностью системы за 2014–2024 гг. При отсутствии реального роста объема инвестиций в основной капитал, остающегося на уровне 2014 года, в регионе фиксируется устойчивый линейный рост объема инновационной продукции (средний прирост 3,0 млрд руб. в год согласно уравнению тренда, см. рисунок 1), высокий темп прироста общей инновационной активности (13,6 % в год за 2019–2024 гг.). Столь парадоксальная динамика при практически нулевом увеличении доли организаций, осуществляющих технологические инновации, позволяет предположить о переходе инновационной системы Волгоградской области к следующей модели развития.

Выводы. В ходе исследования была идентифицирована модель развития региональной инновационной системы Волгоградской области, которую можно охарактеризовать как модель адаптационного инерционного развития. Её ключевой особенностью является сохранение положительной динамики объема инновационной продукции (линейный тренд – инерционная динамика) при отсутствии расширенного воспроизводства ресурсной базы – объема инвестиций в основной капитал и удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации. В результате такой парадигмы инновационного развития область приближается к регионам-аутсайдерам. В условиях жестких ресурсных ограничений рост объемов инновационной продукции может обеспечиваться преимущественно за счет реализации маркетинговых и организационных инноваций, а также инкрементальных улучшений (эволюционных изменений) существующих продуктовых линеек, не требующих масштабного обновления производственных мощностей. Подобная «адаптивная активность» к требованиям современного рынка позволяет поддерживать краткосрочную финансовую результативность, однако в контексте глобальной Парето-концентрации она ведет к снижению относительной конкурентоспособности инновационного базиса региона. Отсутствие адекватного увеличения инвестиций в основные фонды создает риск «технологической стагнации», когда накопленный производственный потенциал эксплуатируется максимально эффективно, но его адекватное внерегиональным вызовам качественное воспроизводство и масштабирование становится затруднительным на фоне относительно стремительно развивающихся технологических регионов-лидеров России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Даньков, С. О. К вопросу оценки инновационной деятельности регионов / С. О. Даньков // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 1 (171). – С. 57-71.
2. Эмпирический анализ и прогнозирование динамики инновационного развития регионов России / Д. А. Ендовицкий, Ю. И. Трещевский, П. А. Канапухин, А. Ю. Кособуцкая // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2023. – № 1. – С. 51-64.
3. Митрофанова, И. В. Влияние инвестиции в основной капитал на инновационное развитие регионального социоэкономического комплекса (на примере Южного макрорегиона) / И. В. Митрофанова, О. А. Чернова, М. В. Плешакова // Регион: Экономика и Социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 113-140.
4. Мищенко, И. Г. Современные тенденции и механизмы инновационного развития регионов: концептуальные подходы, международные практики и перспективы роста / И. Г. Мищенко, А. С. Головачева // Beneficium. – 2025. – № 3 (56). – С. 135-144.
5. Никитаева, А. Ю. Эмпирический анализ инновационного развития регионов Юга России / А. Ю. Никитаева, А. Е. Новикова // Региональная экономика. Юг России. – 2025. – Т. 13, № 4. – С. 143-156.

6. Проблемы инновационного развития и управления России – анализ факторов и институциональные решения / Н. В. Еременко, Е. Г. Пупынина, Т. Ф. Абросимова, С. В. Левушкина // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 10 (159). – С. 558-562.

7. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «О Концепции технологического развития на период до 2030 года». Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 05.03.2026)

8. Соколов, А. А. Развитие инвестиционной и инновационной деятельности в российских регионах: анализ статистических показателей / А. А. Соколов, И. М. Кублин // Парадигмы управления, экономики и права. – 2025. – Т. 6, № 4(18). – С. 106-116.

REFERENCES

1. Dan'kov, S. O. K voprosu ocenki innovacionnoj deyatel'nosti regionov / S. O. Dan'kov // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2025. – № 1 (171). – S. 57-71.

2. Empiricheskij analiz i prognozirovanie dinamiki innovacionnogo razvitiya regionov Rossii / D. A. Endovickij, YU. I. Treshchevskij, P. A. Kanapuhin, A. YU. Kosobuckaya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie. – 2023. – № 1. – S. 51-64.

3. Mitrofanova, I. V. Vliyanie investicii v osnovnoj kapital na innovacionnoe razvitie regional'nogo sociohozyajstvennogo kompleksa (na primere YUzhnogo makroregiona) / I. V. Mitrofanova, O. A. Chernova, M. V. Pleshakova // Region: Ekonomika i Sociologiya. – 2025. – № 2 (126). – S. 113-140.

4. Mishchenko, I. G. Sovremennye tendencii i mekhanizmy innovacionnogo razvitiya regionov: konceptual'nye podhody, mezhdunarodnye praktiki i perspektivy rosta / I. G. Mishchenko, A. S. Golovacheva // Beneficium. – 2025. – № 3 (56). – S. 135-144.

5. Nikitaeva, A. YU. Empiricheskij analiz innovacionnogo razvitiya regionov YUga Rossii / A. YU. Nikitaeva, A. E. Novikova // Regional'naya ekonomika. YUg Rossii. – 2025. – Т. 13, № 4. – S. 143-156.

6. Problemy innovacionnogo razvitiya i upravleniya Rossii - analiz faktorov i institucional'nye resheniya / N. V. Eremenko, E. G. Pupynina, T. F. Abrosimova, S. V. Levushkina // Ekonomika i predprinimatel'stvo. – 2023. – № 10 (159). – S. 558-562.

7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20 maya 2023 g. № 1315-r «O Konceptii tekhnologicheskogo razvitiya na period do 2030 goda». Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossii. URL: <http://government.ru/docs/48570/> (data obrashcheniya: 05.03.2026).

8. Sokolov, A. A. Razvitie investicionnoj i innovacionnoj deyatel'nosti v rossijskih regionah: analiz statisticheskikh pokazatelej / A. A. Sokolov, I. M. Kublin // Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava. – 2025. – Т. 6, № 4 (18). – S. 106-116.

Информация об авторах

Елена Евгеньевна Арепьева, кандидат экономических наук, доцент кафедры телекоммуникационных систем, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, д.100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, areplena@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4042-451X>, SPIN-код: 7725-7570, AuthorID: 261922.

Игорь Вадимович Шаркевич, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов, Волгоградский филиал Российского экономического университета, ул. Волгодонская, 11, 400066, г. Волгоград, Российская Федерация, igo.shar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3472-4838>, SPIN-код: 1693-0288, AuthorID: 148504.

Information about Author

Elena E. Arepyeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Telecommunications Systems, Volgograd State University, 100 Prospect Universitetsky, 400062, Volgograd, Russian Federation, areplena@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4042-451X>, SPIN-код: 7725-7570, AuthorID: 261922.

Igor V. Sharkevich, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Associate Professor of Department of Economics and Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd Branch, st. Volgodonskaya, 11, 400066, Volgograd, Russian Federation, igo.shar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3472-4838>, SPIN-код: 1693-0288, AuthorID: 148504.

Для цитирования: Арепьева Е. Е., Шаркевич И. В. Состояние и тенденции развития инновационной деятельности в Волгоградской области // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 142-156. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf

Сетевое издание

**ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

Том 7 № 1(19) 2026

Дата выхода в свет:

30 марта 2026 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Усл. печ. 9,5. Уч.-изд. л. 9,9.

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10